

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ КАЗЕННОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«УФИМСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

ВЕСТНИК
Уфимского юридического
института МВД России

№ 1 (95)

BULLETIN
of Ufa Law Institute

Издание включено в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертации на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации

The journal is included into the list of the reviewed scientific publications recommended by the Higher Attestation Commission under the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation in which the main results of theses for the degrees of Doctors and Candidates of Sciences must be published

Уфа – 2022

12+

Научно-практический журнал

Издается с июня 1998 года ежеквартально

Учредитель и издатель – ФГКОУ ВО УЮИ МВД России

Главный редактор:

Ханахмедов Алексей Сефединович – кандидат юридических наук, доцент, начальник Уфимского юридического института МВД России.

Заместитель главного редактора:

Терехов Алексей Юрьевич – кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника Уфимского юридического института МВД России (по научной работе).

Члены редакционной коллегии:

Абдраязпов Ранис Ришатович – кандидат юридических наук, заместитель начальника кафедры уголовного процесса Уфимского юридического института МВД России.

Авдеева Ольга Анатольевна – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии Восточно-Сибирского юридического института МВД России.

Аничкин Евгений Сергеевич – доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой конституционного и международного права Алтайского государственного университета.

Анохин Юрий Васильевич – доктор юридических наук, профессор, заслуженный сотрудник органов внутренних дел Российской Федерации, заместитель начальника Барнаульского юридического института МВД России (по научной работе).

Баишева Зиля Вагизовна – доктор филологических наук, доцент, заслуженный учитель Республики Башкортостан, профессор кафедры теории государства и права Института права Башкирского государственного университета.

Бакирова Лена Рифхатовна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных и русского языков Уфимского юридического института МВД России.

Барков Алексей Владимирович – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского права Военного университета имени князя Александра Невского Министерства Обороны Российской Федерации.

Беглова Елена Ивановна – доктор филологических наук, профессор, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, профессор кафедры иностранного языка и культуры речи Нижегородской академии МВД России.

Биккинин Ирек Анасович – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры административно-правовых дисциплин Уфимского юридического института МВД России.

Буканова Роза Гафаровна – доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки Республики Башкортостан, Почетный работник выс-

шего профессионального образования Российской Федерации, профессор кафедры истории и теории государства и права Уфимского юридического института МВД России.

Варданян Акоп Вараздатович – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, начальник кафедры криминологии и оперативно-разыскной деятельности Ростовского юридического института МВД России.

Васильев Антон Александрович – доктор юридических наук, доцент, директор юридического института Алтайского государственного университета.

Вилкова Алевтина Владимировна – доктор педагогических наук, профессор, заместитель начальника Научно-исследовательского института ФСИН России.

Газизов Рафаэль Аркадьевич – доктор филологических наук, доцент, декан факультета романо-германской филологии Башкирского государственного университета.

Грачев Николай Иванович – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры конституционного и административного права Волгоградской академии МВД России.

Григорьев Виктор Николаевич – доктор юридических наук, профессор, Почетный сотрудник МВД России, профессор кафедры уголовного процесса Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

Джоробекова Арзыгуль Мамаюновна – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Кыргызской Республики, заместитель начальника Академии МВД Кыргызской Республики имени генерал-майора милиции Э.А. Алиева (по учебной и научной деятельности).

Диваева Ирина Рафаэловна – кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры уголовного права и криминологии Уфимского юридического института МВД России.

Дизер Олег Александрович – доктор юридических наук, доцент, заместитель начальника Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина (по научной работе).

Емелин Сергей Михайлович – доктор юридических наук, доцент, профессор РАН, действительный член Академии военных наук Российской Федерации, директор Института этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева Уфимского федерального исследовательского центра РАН.

Ендольцева Алла Васильевна – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

Заурова Эльвира Викторовна – доктор педагогических наук, профессор, член-корреспондент Международной академии наук педагогического образования, профессор кафедры юридической психологии и педагогики Вологодского института права и экономики ФСИН России.

Иванов Дмитрий Александрович – доктор юридических наук, доцент, Почетный сотрудник МВД России, начальник кафедры предварительного расследования Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

Илакавичус Марина Римантасовна – доктор педагогических наук, профессор кафедры педагогики и психологии Санкт-Петербургского университета МВД России.

Ильяшенко Алексей Николаевич – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Кубани, профессор кафедры уголовного права и криминологии Кубанского государственного университета.

Искандарова Гульнара Рифовна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры иностранных и русского языков Уфимского юридического института МВД России.

Каац Марина Эвальдовна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса Уфимского юридического института МВД России.

Казамиров Анатолий Иванович – кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры конституционного права Уфимского юридического института МВД России.

Каримов Рим Римович – кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры истории и теории государства и права Уфимского юридического института МВД России.

Каримова Гульназ Юрисовна – кандидат юридических наук, доцент кафедры административно-правовых дисциплин Уфимского юридического института МВД России.

Кархалев Денис Николаевич – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского права Института права Башкирского государственного университета.

Ковтуненко Любовь Васильевна – доктор педагогических наук, доцент, профессор кафедры педагогики и педагогической психологии Воронежского государственного университета.

Коновалова Людмила Ивановна – доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры

педагогики и психологии Санкт-Петербургского университета МВД России.

Латыпов Вадим Сагитьянович – кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного процесса Уфимского юридического института МВД России.

Макарейко Николай Владимирович – доктор юридических наук, доцент, Почетный сотрудник МВД России, профессор кафедры административного права и процесса Нижегородской академии МВД России.

Макаренко Илона Анатольевна – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Республики Башкортостан, заслуженный деятель науки Республики Башкортостан, заведующая кафедрой криминалистики Института права Башкирского государственного университета.

Маликов Борис Зуфарович – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии Уфимского юридического института МВД России.

Мамлеева Дилара Радиковна – кандидат юридических наук, начальник кафедры административно-правовых дисциплин Уфимского юридического института МВД России.

Мартынов Алексей Владимирович – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой административного и финансового права юридического факультета Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н.И. Лобачевского.

Мичурин Оксана Валерьевна – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

Морозов Сергей Юрьевич – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, декан юридического факультета Ульяновского государственного университета.

Муравьев Кирилл Владимирович – доктор юридических наук, доцент, заместитель начальника Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова (по научной работе).

Надтачаев Павел Валерьевич – кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника кафедры гражданско-правовых дисциплин Уфимского юридического института МВД России.

Небратенко Геннадий Геннадиевич – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры теории государства и права Ростовского юридического института МВД России.

Нухов Салават Жавдатович – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры английского языка и межкультурной коммуникации факультета романо-германской филологии Башкирского государственного университета.

Овсепян Жанна Иосифовна – доктор юридических наук, профессор, академик Российской акаде-

мии наук, заведующая кафедрой государственного (конституционного) права Южного федерального университета.

Орехова Елена Николаевна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры современного русского языка имени профессора П.А. Леканта Московского государственного областного университета.

Осокин Роман Борисович – доктор юридических наук, профессор, начальник факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

Петрова Елена Александровна – доктор филологических наук, доцент, Отличник образования Республики Башкортостан, заведующий кафедрой иностранных и русского языков Уфимского юридического института МВД России.

Петрянин Алексей Владимирович – доктор юридических наук, профессор, директор Нижегородского филиала Санкт-Петербургской академии Следственного комитета Российской Федерации.

Победкин Александр Викторович – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовной политики Академии управления МВД России.

Поезжалов Владимир Борисович – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры оперативно-разыскной деятельности органов внутренних дел Уфимского юридического института МВД России.

Пономарева Екатерина Владимировна – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Уфимского юридического института МВД России.

Рахимов Эльдар Харисович – кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры гражданско-правовых дисциплин Уфимского юридического института МВД России.

Тарасов Александр Алексеевич – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права и процесса Института права Башкирского государственного университета.

Химичева Ольга Викторовна – доктор юридических наук, профессор, начальник кафедры уголовного процесса Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

Ходякова Наталия Владимировна – доктор педагогических наук, доцент, Почетный сотрудник МВД России, профессор кафедры психологии, педагогики и организации работы с кадрами Академии управления МВД России.

Цуканов Николай Николаевич – доктор юридических наук, доцент, заместитель начальника Сибирского юридического института (по научной работе).

Шайхуллин Марат Селирович – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права и криминологии Уфимского юридического института МВД России.

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Рег. №: ПИ № ФС77-75866 от 24 мая 2019 г.

Журнал входит в базу данных «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ) научной электронной библиотеки «eLIBRARY».

Подписной индекс: распространяется по договору подписки с ООО «Агенство «Книга-Сервис», 39481.

Адрес редакции, издателя, типографии: 450103, Республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Муксинова, д. 2.

Литературный редактор Л. Р. Байдавлетова. Техническая верстка А. Ф. Чиняева.

Телефон/факс: (347) 255-06-66; e-mail: vestnik_uyi@mvd.ru, rio_uyi@mvd.gov.ru.

Редакционно-издательский отдел Уфимского ЮИ МВД России.

Подписано в печать: 15.03.2022. Дата выхода в свет: 30.03.2022.

Формат 60x84 1/8. Усл. печ. л. 20,5. Гарнитура Times. Тираж 1000 экз. Первый завод 60 экз.

Заказ № 21. Цена свободная.

BULLETIN
№ 1 (95) 2022 **of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs**
of the Russian Federation

Scientific and practical journal

Published since June 1998 quarterly

Founder and publisher – Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation

Editor-in-chief:

Khanakhmedov Alexey Sefedinovich – Candidate of Law, Associate Professor, the Chief of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Deputy editor-in-chief:

Terekhov Alexey Yurievich – Candidate of Law, Associate Professor, the Deputy Chief (for scientific work) of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Members of the editorial board:

Abdrazyapov Ranis Rishatovich – Candidate of Law, Deputy Head of the Department of Criminal Procedure of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Avdeeva Olga Anatolyevna – Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the East Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Anichkin Evgeniy Sergeevich – Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Department of Constitutional and International Law of the Altai State University.

Anokhin Yury Vasilyevich – Doctor of Law, Professor, Honored Officer of the Internal Affairs Bodies of the Russian Federation, Deputy Head of the Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (for scientific work).

Baisheva Zilya Vagizovna – Doctor of Philology, Associate Professor, Honored Teacher of the Republic of Bashkortostan, Professor of the Department of Theory of State and Law of the Institute of Law of the Bashkir State University.

Bakirova Lena Rifkhatovna – Candidate of Philology, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Foreign and Russian Languages of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Barkov Aleksey Vladimirovich – Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Civil Law of the Military University named after Prince Alexander Nevsky of the Ministry of Defense of the Russian Federation.

Beglova Elena Ivanovna – Doctor of Philology, Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Professor of the Department of Foreign Language and Speech Culture of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Bikkinin Irek Anasovich – Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Administrative and Legal Disciplines of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Bukanova Roza Gafarovna – Doctor of Historical Sciences, Professor, Honored Scientist of the Republic of Bashkortostan, Honorary Worker of Higher Professional

Education of the Russian Federation, Professor of the Department of History and Theory of State and Law of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Vardanyan Akop Varazdatovich – Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Head of the Department of Criminalistics and Investigative Activities of the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Vasiliev Anton Alexandrovich – Doctor of Law, Associate Professor, Director of the Law Institute of Altai State University.

Vilkova Alevtina Vladimirovna – Doctor of Pedagogy, Professor, Deputy Head of the Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia.

Gazizov Rafael Arkadievich – Doctor of Philology, Associate Professor, Dean of the Faculty of Romano-Germanic Philology of the Bashkir State University.

Grachev Nikolai Ivanovich – Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Constitutional and Administrative Law of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Grigoriev Viktor Nikolaevich – Doctor of Law, Professor, Honorary Officer of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Professor of the Department of Criminal Procedure of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikotya.

Dzhorobekova Arzygul Mamayunusovna – Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Kyrgyz Republic, Deputy Head of the Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Kyrgyz Republic named after Major General of Militia E.A. Aliyev (for educational and scientific activities).

Divaeva Irina Rafaelovna – Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Department of Criminal Law and Criminology of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Dizer Oleg Alexandrovich – Doctor of Law, Associate Professor, Deputy Head of the Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I.D. Putilin (for scientific work).

Emelin Sergey Mikhailovich – Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Russian Academy of Sciences, full member of the Academy of Military Sciences of the Russian Federation, Director of the

Institute of Ethnological Studies named after R.G. Kuzeev of the Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences.

Endoltseva Alla Vasilievna – Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Procedure of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikotya.

Zautorova Elvira Viktorovna – Doctor of Pedagogy, Professor, Corresponding Member of the International Academy of Sciences of Pedagogical Education, Professor of the Department of Legal Psychology and Pedagogy of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia.

Ivanov Dmitry Alexandrovich – Doctor of Law, Associate Professor, Honorary Officer of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Head of the Department of Preliminary Investigation of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikotya.

Illakavicius Marina Rimantasovna – Doctor of Pedagogy, Professor of the Department of Pedagogy and Psychology of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Ilyashenko Aleksey Nikolaevich – Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of Kuban, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Kuban State University.

Iskandarova Gulnara Rifovna – Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of Foreign and Russian Languages of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Kaats Marina Evaldovna – Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminal Procedure of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Kazamirov Anatoly Ivanovich – Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Department of Constitutional Law of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Karimov Rim Rimovich – Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Department of History and Theory of State and Law of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Karimova Gulnaz Yurisovna – Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Administrative and Legal Disciplines of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Karkhalev Denis Nikolaevich – Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Civil Law of the Institute of Law of the Bashkir State University.

Kovtunen Lyubov Vasilievna – Doctor of Pedagogy, Associate Professor, Professor of the Department of Pedagogy and Pedagogical Psychology of the Voronezh State University.

Konovalova Lyudmila Ivanovna – Doctor of Pedagogy, Professor, Professor of the Department of Pedagogy and Psychology of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Latypov Vadim Sagityanovich – Candidate of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Criminal Procedure of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Makareiko Nikolai Vladimirovich – Doctor of Law, Associate Professor, Honorary Officer of the Ministry of

Internal Affairs of Russia, Professor of the Department of Administrative Law and Procedure of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Makarenko Ilona Anatolyevna – Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Republic of Bashkortostan, Honored Scientist of the Republic of Bashkortostan, Head of the Department of Criminalistics, Institute of Law, Bashkir State University.

Malikov Boris Zufarovich – Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Mamleeva Dilara Radikovna – Candidate of Law, Head of the Department of Administrative and Legal Disciplines of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Martynov Aleksey Vladimirovich – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Administrative and Financial Law of the Law Faculty of the National Research Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky.

Michurina Oksana Valerievna – Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Procedure of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikotya.

Morozov Sergey Yurievich – Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Dean of the Faculty of Law of Ulyanovsk State University.

Muravyov Kirill Vladimirovich – Doctor of Law, Associate Professor, Deputy Head of the Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov (for scientific work).

Nadtachayev Pavel Valerievich – Candidate of Law, Associate Professor, Deputy Head of the Department of Civil Law Disciplines of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Nebratenko Gennady Gennadievich – Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Theory of State and Law of the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Nukhov Salavat Zhavdatovich – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of English Language and Intercultural Communication of the Faculty of Romano-Germanic Philology of the Bashkir State University.

Ovsepyan Zhanna Iosifovna – Doctor of Law, Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences, Head of the Department of State (Constitutional) Law of the Southern Federal University.

Orekhova Elena Nikolaevna – Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of Modern Russian Language named after Professor P.A. Lekant of the Moscow State Regional University.

Osokin Roman Borisovich – Doctor of Law, Professor, Head of the Faculty for the Training of Scientific, Pedagogical and Scientific Personnel of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikotya.

Petrova Elena Alexandrovna – Doctor of Philology, Associate Professor, Excellence in Education of the Republic of Bashkortostan, Head of the Department of Foreign and Russian Languages of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Petryanin Aleksey Vladimirovich – Doctor of Law, Professor, Director of the Nizhny Novgorod branch of the St. Petersburg Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation.

Pobedkin Alexander Viktorovich – Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Policy of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Poezzhalov Vladimir Borisovich – Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Investigative Activities of the Internal Affairs Bodies of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Ponomareva Ekaterina Vladimirovna – Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Civil Law Disciplines of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Rakhimov Eldar Kharisovich – Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Department of Civil Law Disciplines of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Tarasov Alexander Alekseevich – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Criminal Law and Procedure of the Institute of Law of the Bashkir State University.

Khimicheva Olga Viktorovna – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Criminal Procedure of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikotya.

Khodyakova Natalia Vladimirovna – Doctor of Pedagogy, Associate Professor, Honorary Officer of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Professor of the Department of Psychology, Pedagogy and Organization of Work with Personnel of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Tsukanov Nikolai Nikolaevich – Doctor of Law, Associate Professor, Deputy Head of the Siberian Law Institute (for scientific work).

Shaikhullin Marat Selirovich – Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

The journal is registered with the Federal Service for Supervision of Communications, information technologies and mass communications.

Reg. №.: PI № FS77-758669 24.05.2019.

Included into «Russian Science Citation Index» data base of «eLIBRARY».

The subscription index circulates according to the subscription contract with «Agency «Kniga-Servis», Ltd. 39481.

The address of the editorial office, the editor and the printing house: 450103, the Republic of Bashkortostan, Ufa, 2, Muksinova street.

The copy editor L. R. Baidavletova. Layout A. F. Chinyaeva.

Tel./fax (347) 255-06-66; e-mail: vestnik_uyi@mvd.ru, rio_uyi@mvd.gov.ru.

Editorial and publishing department of Ufa Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation.

Signed for publishing: 15.03.2022. Release date: 30.03.2022.

Format 60x84 1/8. Conv. print sheets 20,5. Typeface Times.

Circulation: 1000 copies. The first plant is 60 copies. Order № 21. Free price.

СОДЕРЖАНИЕ

Теоретико-исторические правовые науки

(Теория и история права и государства; история правовых учений)

- Даллакян К. А.* Террор и воля в легистской парадигме правопонимания 12
Тетерятников Н. Ю., Пономарева В. В. К вопросу о трансформации представлений о частном и публичном праве 19

Публично-правовые (государственно-правовые) науки

(Конституционное право; муниципальное право; Административное право; административный процесс; Судебная деятельность, прокурорская деятельность, правозащитная и правоохранительная деятельность)

- Нуркаева М. К.* К вопросу о презумпции невиновности в системе принципов административного процесса 26

Частно-правовые (цивилистические) науки

(Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право)

- Блинова Ю. В.* Туризм: понятие и цели по российскому законодательству 31

Уголовно-правовые науки

(Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право; Уголовный процесс; Криминалистика; судебно-экспертная деятельность; оперативно-разыскная деятельность)

- Бердников В. Л.* Структура способа совершения преступления как признака объективной стороны фальсификации доказательств и результатов оперативно-разыскной деятельности 37
Долгополов А. А., Ильашенко А. Н., Белоконь А. В. К вопросу об уголовной политике в сфере противодействия преступлениям, совершаемым с использованием зарегистрированного огнестрельного оружия 44
Савченко М. М. Проблемы квалификации обманных действий, посягающих на собственность кредитных организаций, и отношения, возникающие при отсутствии возможности должника удовлетворить в полном объеме требования кредиторов 47
Балмочных С. Ю., Панферкина И. С. Реализация норм международного права в сфере ювенальной юстиции несовершеннолетних в современном российском уголовном процессе 54
Григорьев В. Н., Терехов А. Ю. Возбуждение уголовного дела и привлечение в качестве обвиняемого 61
Максимов О. А. Единство и уникальность правового института ходатайств и жалоб в уголовном процессе Российской Федерации 71
Победкин А. В. Производство следственных действий с использованием систем видеоконференц-связи на досудебном производстве: рамочность процессуальных гарантий 77
Рамазанов Р. М. Особенности допроса судом защищаемых лиц по уголовному делу в условиях обеспечения безопасности 85
Сибилькова А. В. Процессуальные вопросы предъявления для опознания 91
Щербакова М. А. Принцип неприкосновенности личности как гарантия права на свободу и личную неприкосновенность в уголовном судопроизводстве 99
Волынкин Е. Н. Противодействие незаконному обороту прекурсоров и химических веществ, используемых при незаконном изготовлении наркотических средств и психотропных веществ, в рамках международного сотрудничества 106

Общие вопросы языкознания. Лингводидактика. Юрислингвистика

- Бакирова Л. Р.* Приемы постановки и различения звуков [с], [з] и [ц] на занятиях по русскому языку как иностранному 113

<i>Беглова Е. И.</i> Крылатые слова, пословицы и фразеологизмы, отражающие сферу права, с позиций русской народной культуры	118
<i>Петрова Е. А.</i> Исследование инвективной лексики в конфликтном дискурсе	126
<i>Попова Л. В.</i> Преступление как имя концепта в истории русской языковой картины мира ..	135

Общая педагогика, история педагогики и образования.

Методология и технология профессионального образования

<i>Гайдай М. К., Кузьмина Г. А.</i> Психологические особенности патриотического воспитания сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации	141
<i>Душкин А. С., Журавлева Т. Л., Нимировская Ю. К.</i> Реализация проблемно-ориентированного и проектно-ориентированного обучения в профессиональной переподготовке начинающих преподавателей образовательных организаций МВД России	148
<i>Илакавичус М. Р., Иванов Е. Ю.</i> Педагогическое сопровождение социализации воспитанников суворовских военных училищ МВД России на начальном этапе обучения на основе гуманитарно-антропологического подхода	156

Памятка	163
----------------------	-----

CONTENTS

Theoretical and historical legal sciences

(Theory and history of law and the state; history of legal doctrines)

- Dallakian K. A.* Terror and will in the legist paradigm of legal understanding 12
Teteryatnikov N. YU., Ponomaryova V. V. On the question of the transformation of perceptions on private and public law 19

Public law (state law) sciences

(Constitutional law; municipal law; Administrative law; administrative process; Judicial activities, prosecutorial activities, human rights and law enforcement activities)

- Nurkaeva M. K.* On the question of the presumption of innocence in the system of principles of the administrative process..... 26

Private law (civil law) sciences

(Civil law; business law; family law; private international law)

- Blinova YU. V.* Tourism: concept and goals under russian law 31

Criminal law sciences

(Criminal law and criminology; penal law; criminal process; Criminalistics; forensic activities; investigative activities)

- Berdnikov V. L.* The structure of the method of committing a crime as a sign of the objective side of the falsification of evidence and the results of operational investigative activities..... 37
Dolgoplov A. A., Ilyashenko A. N., Belokon A. B. On the issue of criminal policy in the field of countering crimes committed using registered firearms 44
Savchenko M. M. Problems of qualification of fraudulent actions encroaching on the property of credit institutions and relations arising in the absence of the debtor's ability to satisfy in full the claims of creditors 47
Balmochnykh S. YU., Panferkina I. S. Implementation of the standards of international law in spherenal justice of minors in the modern russian criminal process..... 54
Grigoryev V. N., Terekhov A. YU. Initiation of a criminal case and involvement as an accused..... 61
Maximov O. A. Unity and uniqueness of the legal institute of petitions and complaints in the criminal proceedings of the Russian Federation 71
Pobedkin A. V. Production of investigative actions using video conference communication systems in the pre-court proceedings: framework of procedural guarantees 77
Ramazanov R. M. Features of court questioning of protected persons in criminal case under security condition 85
Sibilkova A. V. Procedural issues of presentation for identification..... 91
Shcherbakova M. A. The principle of personal inviolability as a guarantee of the right to freedom and personal inviolability in criminal proceedings..... 99
Volynkin E. N. Countering the illicit trafficking of precursors and chemicals used in the illicit manufacture of narcotic drugs and psychotropic substances as part of international cooperation.. 106

General questions of linguistics. Linguodidactics. Legal linguistics

- Bakirova L. R.* Methods of installing and distincting sounds [c], [ç] and [ц] in the classes in russian as a foreign language..... 113
Beglova E. I. Winged words, proverbs, and phraseological units reflecting the sphere of law, from the perspective of russian folk culture 118

<i>Petrova E. A.</i> The investigation of invective lexis in conflict discourse.....	126
<i>Popova L. V.</i> Crime as a concept name in the history of the russian language picture of the world...	135

General pedagogy, history of pedagogy and education.

Methodology and technology of vocational education

<i>Gaidai M. K., Kuzmina G. A.</i> Psychological features of patriotic education of employees of internal affairs bodies of the Russian Federation	141
--	-----

<i>Dushkin A. S., Zhuravleva T. L., Nimirovskaya YU. K.</i> Implementation of problem-oriented and project-oriented training in the professional retraining of novice teachers of the educational organizations of the ministry of internal affairs of Russia.....	148
--	-----

<i>Ilakavichus M. R., Ivanov E. YU.</i> Pedagogical support of the socialization of students of the suvorov military schools of the MIA of Russia at the initial stage of training on the basis of the humanitarian and anthropological approach.....	156
---	-----

Instruction	163
--------------------------	-----

НАУЧНЫЕ СТАТЬИ И ДОКЛАДЫ

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

(Теория и история права и государства; история правовых учений)

УДК 340.12:316.624.3

К. А. ДАЛЛАКЯН, профессор кафедры социально-гуманитарных и экономических дисциплин Уфимского юридического института МВД России, доктор философских наук, профессор (г. Уфа)

K. A. DALLAKIAN, professor of the chair of socio-humanitarian and economic disciplines of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, doctor of philosophy, professor (Ufa)

ТЕРРОР И ВОЛЯ В ЛЕГИСТСКОЙ ПАРАДИГМЕ ПРАВОПОНИМАНИЯ

TERROR AND WILL IN THE LEGIST PARADIGM OF LEGAL UNDERSTANDING

Аннотация. В статье раскрывается влияние легистской парадигмы правопонимания на трансформацию воли социальных субъектов, порождающую террор и терроризм как девиантное манипулятивное средство современной коммуникации. Легистский тип правопонимания, рассматривая государство как аппарат насилия, а закон как волю господствующего класса, способствует подавлению воли граждан, превращению ее в чужезволие. Это может привести к терроризму, являющемуся, как правило, следствием вызванного террором страха, агрессии, ненависти и отчаяния. Терроризм рассматривается в статье как проявление деформированной воли к смерти. Террористический акт выступает, с одной стороны, как послание террориста о непринятии этого мира, построенного на основе легистской парадигмы, а с другой, как форма трансцендирования самоубийства в массы. Анализируются причины такой деформации воли террористов.

Ключевые слова и словосочетания: террор, терроризм, воля, легизм, страх, ненависть, отчаяние, смысл жизни, коммуникация, деформация, девиантность, гиперкомпенсация.

Annotation. The article reveals the influence of the legist paradigm of legal understanding on the transformation of the will of social subjects, generating terror and terrorism, as a deviant manipulative means of modern communication. The legist type of legal understanding, considering the state as an apparatus of violence, and the law as the will of the ruling class, contributes to the suppression of the will of citizens, turning it into someone else's will. This can lead to terrorism, which is usually a consequence of terror-induced fear, aggression, hatred and despair. Terrorism is considered in the article as a manifestation of a deformed will to die. A terrorist act is, on the one hand, as a message from a terrorist about the rejection of this world built on the basis of the legist paradigm, and on the other, is a form of transcending suicide to the masses. The reasons for this deformation of the will of terrorists are analyzed.

Keywords and phrases: terror, terrorism, will, legism, a fear, hatred, despair, meaning of life, communication, deformation, deviance, hypercompensation.

Сложность исследования социально-правовых феноменов заключается в

порой неосознанной включенности исследователей в ту или иную научно-исследова-

тельскую парадигму. Более того, иногда не осознается даже возможность существования других парадигм, а если и осознается, то они часто кажутся исследователю настолько абсурдными, что не принимаются всерьез. Например, насколько странной выглядела бы в эпоху Средневековья марксистская теория революции. Однако различные парадигмы могут сосуществовать не только во времени, но и в пространстве, порождая непонимание и их агрессивное неприятие. Нередко имеет место признание, а иногда всего лишь провозглашение, одной модели понимания мира, а на деле реализуется другая. Подобное происходит на наш взгляд, с легистской парадигмой, влияние которой во всем мире, включая и демократические страны, недооценено.

Представляется важным поэтому обратить внимание на субстанциональное понимание таких социально-правовых феноменов, как террор, воля социальных субъектов, их взаимообусловленность и трансформация в различных парадигмах правопонимания. Причем, трансформации подвергаются не только эти феномены, но и, как следствие, глобальная социально-политическая реальность.

Исследование столь многосложного и актуального феномена, сознательно покрытого завесой таинственности и потому порой привлекательного для неокрепших молодых душ, как террор, предполагает выявление его отличия от терроризма. Под террором обычно понимают угрозу физической расправы, запугивание социальных субъектов с целью подавления их воли. Терроризмом же называют практическую реализацию идеи террора в конкретных актах насилия, в воздействии на общественное сознание [1]. Террор – больше стратегия, а терроризм – тактика ее реализации. Причем, второе нередко является следствием первого. Террор – это и эйдос, и одновременно способ его экзистенции. Терроризм же – конкретные меры реализации этого эйдоса. Поэтому люди, осуществляющие террористические акты, порой и не осознают, материализацией какого эйдоса служат их действия, подобно

тому, как многие революционеры знают, что делают, но не ведают, что творят. Это актуализирует необходимость глубинной рефлексии и дифференциации детерминирующих факторов террора и терроризма.

Террор в легистской парадигме, которая не дифференцирует силу и насилие, выступает оправданным и законным, а порой и единственно возможным средством решения государственных проблем. Государство, понимаемое как аппарат насилия, опирается на закон как волю господствующего класса, чтобы держать в повиновении своих граждан. Таким образом, в легистской парадигме государство выступает законным средством осуществления террора. Основным и часто весьма действенным средством такого управления выступает Страх, превращающийся постепенно, по словам С. Кьеркегора, в Трепет. Именно террор, сеющий страх, порождает терроризм как ответную реакцию на угрозы и насилие. Это ярко иллюстрирует российская история начала XX века.

Психологической основой терроризма, как правило, выступает желание вывести страх за собственные границы. Согласно второму закону термодинамики, система сохраняется посредством выведения энтропии за свои пределы. Так обеспечивается негэнтропия, то есть порядок внутри системы. Поэтому управление посредством страха, парализующего волю социальных субъектов, характерное легистской парадигме, порождает террористические практики.

Следует дифференцировать страх и боязнь, которая всегда конкретна. Боящийся знает, чего и почему он боится. Страх же иррационален. Человек часто не осознает почему именно этого он страшиться. Психологические исследования показывают, что даже испытанная младенцем при рождении боль может экстраполироваться в будущем страх и ненависть на другие субъекты. Многие преступники, совершая преступления, бессознательно мстят своим родителям и другим людям, невольно причинившим им боль.

Средством реализации террора и терроризма является воля социальных субъектов,

точнее то, во что она превратилась. Террор, насаждая страх, трансформирует волю не только тех, кого пугают, заставляя их слепо ненавидеть и мстить, порой посредством манипуляций объединяясь в группы с абсолютно незнакомыми людьми, но и волю пугающих, считающих себя вынужденными реализовать свою святую обязанность – обеспечить, например, порядок. В этих случаях «чужеволлие» поглощает волю.

Страх порождает возможность для реализации других возможностей. В этом его потенциальная мощь как одного из самых сильных человеческих чувств. «Страх – это желание того, чего страшатся», – пишет С. Кьеркегор [2, с. 367]. Такой страх в большей степени присущ народам с патриархальной культурой. Именно в странах, культивирующих чрезмерную строгость в воспитании, страх перед отцом, чаще всего вырастают агрессивные и деструктивные юноши [3, с. 280].

Страх как эйдос террора и терроризма напрямую связан с ожидания угрозы, без которого нет и страха. Иногда страх порождается наличием свободы, к которой личность еще не готова. Это порождает феномен «бегства от свободы», отмеченный Э. Фроммом. Поэтому идеологи террора пытаются повсеместно сеять страх, а современные СМИ, преследуя свои цели, раздувают угрозу, создавая тотально боящихся людей. Это свидетельствует о глобальности легистской парадигмы сегодня.

Террористические действия как ответ на политику террора представляют собой делинквентную форму социального взаимодействия, основанного на отчаянии, страхе и ненависти. Деструктивность террора обусловлена, как правило, когнитивно-рациональной сферой, в то время как терроризма – чувственно-эмоциональной и поведенческо-волевой. В основании террора также лежит воля, точнее чужеволлие, но идея в этом случае все же доминирует. Чужеволлие выступает средством ее реализации. Анализ социально-психологических факторов терроризма должен включать исследование трансформации индивидуального и

коллективного сознания и воли субъектов, осуществляющих террористические акты. Это предполагает, прежде всего, выявление природы и сущности воли, трактуемой весьма неоднозначно в специальной научной литературе [4, с. 150].

Воля, на наш взгляд, представляет собой не просто способность к мобилизации человеком своих сил для реализации поставленной цели, как обычно отмечают исследователи, а самореализационную потенцию сущности человека, его духа, высшего «Я». Это означает, что поведение социального субъекта может называться волевым лишь в случае адекватной самоидентификации, осознании своей сущности и деятельности по ее реализации. Ведь мобилизовать свои усилия можно и при реализации навязанной цели извне, как это происходит с многими террористами. Мы это называем чужеволлием. Волевым является тот, кто, говоря словами Лао-цзы, познал именно свое Дао и следует ему. Этот путь предполагает состояние «молчания ума», а отнюдь не внешний и внутренний хаос, творящий маргинальных личностей.

Беспрецедентная коммерциализация и виртуализация современной жизни, помноженные на проблемы, вызванные глобализацией, приводят не только к крайнему самоотчуждению социальных субъектов различных уровней, но и их потерянности в этом абсурдном мире, обрекая противостоящие стороны на агрессивно-деструктивное существование. Что должно произойти с человеком, чтобы он, жертвуя собой, решился пойти на массовые убийства? Отчаяние, разочарование в жизни и желание покинуть этот, по его мнению, несправедливый, жестокий и абсурдный мир. Он убивает других, именно желая покончить со своей бессмысленной и осточертевшей жизнью. И вновь здесь проглядывается зловещая тень страха – эйдоса террора и терроризма. Страх жизни, свободы, смерти и поэтому бессознательная тяга к смерти и трансцендирование ее. «Эшафот – это свобода!» – восклицает Сен Жюст.

Обычно террористы – это, как правило, молодые религиозные люди до 35 лет, счи-

тающие, что сам Бог призывает их наказать врагов. Вера помогает им преодолеть страх и собственные комплексы, поверив в себя, собрать свою волю воедино из мозаичных разбитых кусочков. Поэтому манипуляторы используют религию для направления их воли в «нужное» русло.

Следует подчеркнуть, что в основном террористы вполне вменяемы. Это подтверждают психологические исследования, на основе которых был воссоздан образ современного террориста, оказавшийся весьма похожим на революционеров конца XIX – начала XX вв.: идейный, романтический борец за справедливость и правду [5, с. 132]. Заметим, однако, что изменения в сознании и воле человека не всегда можно обнаружить посредством психологического исследования.

В развитии потенциального террориста, как правило, имеет место нарушение коммуникаций с окружением, трансформирующее его волю, что превращает его в замкнутого, необщительного человека. «Самоубийство подготавливается в безмолвии сердца, подобно Великому Деянию алхимиков», – замечает Альбер Камю [6, с. 215]. Сердце молчит, оно не поддерживает зомбированный «великими» идеями рассудок покончить с жизнью. Воля к тотальному разрушению, включая саморазрушение, порой бывает обусловлена неосознаваемым комплексом неполноценности. Как правило молодой человек, пытаясь стать великим, порой исходя из благородных идей, подобно Великому инквизитору Ф. М. Достоевского, превращается в тирана и террориста.

Сен-Жюст в «Бунтующем человеке» А. Камю замечает: «Если Брут вовсе не убивает других, он убьет себя сам» [6, с. 217]. Таким образом, убийство других является только трансформацией воли к самоубийству. Это лишь различные ипостаси воли к смерти. Убивать, чтобы не покончить с собой! Еще один пример превращения воли к власти в волю к смерти. Взаимосвязь террора и воли личности можно понять, прочитав книгу Бориса Савинкова «Конь бледный». На вопрос: «Почему он убивает?», – Жорж

отвечает: «Я так хочу!» [7, с. 115]. Убийство князя является не проявлением его ненависти к нему и даже не формой социального протеста. Это просто месть за себя, за свою нелюбовь к миру и отчаяние. Такой человек становится сначала «посторонним», а затем уже палачом. Именно «по ту сторону», где господствуют другие смыслы и даже... их отсутствие. По ту сторону привычного... абсурда. Воля некогда человека превращается в своеволие Чудовища. Это прекрасно показал А. Камю в повести «Посторонний», с главным героем которой тоже произошло отчуждение воли и соответственно человечности. В определенный момент он обнаруживает, что ничего не чувствует. Ему сообщают о смерти матери, но он проявляет холодное безразличие, которое сохраняется даже на ее похоронах. Он становится хладнокровным убийцей и даже на суде при оглашении смертного приговора остается таким же посторонним всему происходящему [8, с. 72].

Террористы, подражая героям боевиков, пытаются выглядеть «крутыми», не понимая, что это сломленные обстоятельствами люди, ставшие жестокими и нечувствительными. Такое поведение превращается в стереотип, у человека возникает привычка убивать. Происходит так называемая «хабиитуализация». Идейный борец, бунтарь превращается в обычного уголовника. Вот куда приводит отчуждение, «отмороженность» чувств и трансформация воли. Образ такого террориста ярко иллюстрирует мифологический герой Ацефал – безголовое существо с мечом в руках. Что может быть хуже вооруженного безголового существа?

В романе Б. Савинкова, когда один из героев молится Богу перед террористическим актом, Жорж грубо прерывает его: «Дьяволу молись!» [7, с. 158]. Действительно, странно во имя Всевышнего служить дьяволу.

Исследования показывают, что одной из важных причин трансформации воли личности может являться дефицит эмоциональных отношений в младенчестве и юности, которые нередко компенсируются в дальнейшем фанатической преданностью лидеру, фасцинацией. Таким молодым людям

часто свойственны морально-волевая зависимость, неадекватность, фантазии, жестокость, агрессия и ненависть, максимализм, ведущий к тотальному разрушению своего окружения.

Отчаяние и неприятие существующей реальности могут привести к потребности в слиянии с чем-то большим для наполнения экзистенциальной пустоты хоть каким-то содержанием. Нежелание и неумение создавать может привести такого человека к геро-стратовской позиции самовозвеличивания посредством уничтожения. Ведь к великому можно прикоснуться и рукой смерти. Отсюда и склонность «заблудших» к некрофилии. Э. Фромм хорошо показал это в психограмме А. Гитлера. Странно, что некрофил ненавидит все, что любит. Крайний антиномизм чувств приводит его к убийству даже своих любимых и, в конечном счете, себя самого [9, с. 8].

Террор может трансформировать волю не только личности, но и толпы, которой может овладеть «садистическое безумие», и она из жертвы террора становится жестоким убийцей и насильником. Это явление объясняется известным в психологии законом заражения, подтверждающимся многими историческими событиями [10, с. 270]. Стать человеком сложно, еще труднее остаться человеком, а лишиться человечности большого труда не представляет. Достаточно порой попасть в разъяренную толпу...

Для террориста весь мир замкнут его группой, организацией, целями их деятельности. Его воля, точнее своеволие жестко ограничено в свободе выбора окружением, в котором такой человек больше пытается казаться, чем быть. Своеволие его в данном случае детерминируется чужеволіем легитимской парадигмы, напоминая волю человека толпы. По сути, террорист потенциально и является человеком толпы, так как находится всегда в сообществе с единомышленниками.

Жестокость, хладнокровие, неподчинение законам, которые в легитимской парадигме отождествляются с волей господствующего класса, считается ими проявлением

силы и свободы. Специфику содержания воли террориста можно рассмотреть на примере известных синдромов: зомби, Рембо и камикадзе. «Синдром зомби» – проявляется в агрессии боевика по отношению к врагу. «Синдром Рембо» выражается в невротическом своеволии личности, раздираемом конфликтом между стремлением к острым ощущениям и переживаниями тревоги, вины, стыда, отвращения за свое участие в них. «Синдром камикадзе» характерен для смертников, всегда готовых умереть за идею, забрав на тот свет как можно больше врагов. Их чужеволіе полно противоречий, основным из которых является, с одной стороны, желание слыть героями, а с другой – страх быть пойманными и потерять лицо. Психолог Тель-Авивского университета Ариэль Мерари отмечает, что в реальности немногие из религиозных фанатиков готовы пожертвовать собой [11, с. 143]. Подобное раздвоение воли характерно для многих террористов.

Изменение воли членов террористической группировки похоже на изменение воли заложников, получившее название Стокгольмский синдром, выразившийся в появлении симпатии к захватчикам после некоторого времени совместного сосуществования с ними. В условиях полной физической зависимости от агрессивного настроенного террориста люди начинают толковать его поведение в свою пользу. Стокгольмский синдром может проявиться в тоталитарных обществах, когда запуганное террором население начинает искренне симпатизировать и сочувствовать диктатору.

Эволюция воли людей, попавших в террористическую группировку в качестве ее членов, похожа на деформацию воли заложников. Они часто «заражаются» идеями своих «друзей», становясь зависимыми вследствие оказанного на них психического насилия. Воля личности искажается в результате принятия ценностей давящей пространственно замкнутой среды.

Важным фактором деформации воли является неадекватная самооценка. Не имеет значения завышена она до ощущения себя

сверхчеловеком или, напротив, занижена до восприятия себя ничтожеством и жертвой. Чем моложе человек, тем более он подвержен индоктринирующим влияниям, ибо бессознательно воспринимает окружение как обучающую среду. Сильная потребность в самоутверждении при осознании недостаточности своих сил заставляют молодого человека искать поддержку могущественных покровителей. Достаточно продемонстрировать эффективное или просто решительное поведение в кризисных ситуациях, для того чтобы стать их кумиром.

Насилие требует от личности внутреннего самооправдания, что часто приводит к раздвоению воли, наблюдающемуся, например, у профессиональных врачей, несмотря на клятву Гиппократова, ставших частью страшного конвейера убийств в нацистских концентрационных лагерях [12, с. 317]. Это объясняется ресоциализацией вследствие сильного группового давления и манипулирования базисными человеческими потребностями. Происходит как бы раскол «Я» личности на две независимо функционирующие целостности, похожий на «раскол» в психике Родиона Раскольникова. Ценности группы, сильно отличаясь от личностных, разрушают психологическую защиту. Вследствие давления актуализируется альтер эго, которое не противоречит требованиям группы. Более того, альтер эго захватывает власть в психике человека, как в сказке «Тень» Г. Х. Андерсена.

Раздвоение воли может быть временным и относительно легко обратимым. Оно может спасти солдата на войне или жертву жестокости. Но так же, как и в сказке Андерсена, альтер эго может стать опасно неуправляемым. Деструктивность террористической группы заключается именно в таком влиянии на волю человека, угрожая привести к окончательному превращению ее в «Тень». Средством потери воли молодых людей выступают обычно «возвышенные идеи», ведь молодежь легко все принимает на веру. Тем более, что используются специальные приемы воздействия на психику [13, с. 148].

На деформацию воли личности в процессе идейной манипуляции влияет существующий социально-психологический дискомфорт и чувство безвыходности. Люди, находящиеся в стрессе, легче подчиняются чужой воле. Именно потребность в общении, поддержке, преодолении разлада воли является одним из факторов попадания многих людей в террористические группы. Причем, чем слабее воля человека, тем сильнее его потребность в вовлеченности.

Террористами являются, как правило, выходцы из регионов с низким образовательным и социально-экономическим уровнем, по тем или иным причинам потерявшие или вообще не имевшие работу. Отчуждение, возникающее в подобных ситуациях, способствует попаданию людей в группы, предлагающие выход из сложившейся ситуации. Единство с группой единомышленников, борющейся с вопиющей несправедливостью, выступает для начинающего горе-террориста средством самоидентификации.

Несмотря на существующую в специальной литературе дифференциацию психологических типов личностей, склонных к террору, на наш взгляд, трудно говорить о существовании единого склада личности террориста [14, с. 115]. Идеи террора могут трансформировать волю любого человека, а тем более социально-психологически дестабилизированного. Другое дело – внешнее насилие, государственное или семейно-личностное, детерминируемое господством левгистской парадигмы.

Важную роль в трансформации воли начинающего террориста играет чувство безысходности. Социологический анализ показал, что около 80 % террористов, оценивали ситуацию перед преступлением как безвыходную. Обычно среди простых убийц-уголовников так оценивали ситуацию лишь 20 %. Это говорит о том, что террористы недооценивают возможности собственных волевых усилий по преодолению трудностей. В то же время практически никто из террористов не считал, что на террористический акт способно большинство людей.

Более того, каждый из них был убежден в собственной уникальности. Это и есть очередное подтверждение разлада воли. Происходит потеря террористом собственной воли, ее место занимает «чужеволлие». Воля организации, а чаще всего ее лидера, «пожигают» волю недостаточно развитой личности. Преданность организации требует отказа не

только от всех близких и родных, но часто и от своей индивидуальности. Личность становится средством достижения общей цели. Таким образом, деиндивидуализация, то есть смерть собственной воли – неизбежная плата террориста как посланника Смерти. Легистская парадигма, культивируя Страх, формирует именно таких людей.

ЛИТЕРАТУРА

1. О противодействии терроризму: федеральный закон Российской Федерации от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».
2. С. Кьеркегор. Страх и трепет. М.: Республика, 1993.
3. Т. Адорно. Исследование авторитарной личности. М.: Астрель, 2012.
4. Даллакян К. А. Воля как феномен энвайронментального отношения. Уфа: Таллер.1998. 140 с.
5. Сейджмен М. Непонимание терроризма. Филадельфия: Университет Пенсильвании Пресс, 2016. 380 с.
6. Камю А. Бунтующий человек. М.: Политиздат, 1990. 415 с.
7. Савинков Б. В. Конь бледный. Конь вороной. СПб.: Лен.издат, 2013. 224 с.
8. Камю А. Посторонний. Сочинения. М.: Прометей, 1989. С. 21–82.
9. Ольшанский Д. В. Психология терроризма. СПб.: Питер, 2002. 484 с.
10. Кабанес О., Насс Л. Революционный невроз. М, 1998, 370 с.
11. Мерари А. Приведенный к смерти: психологические и социальные аспекты самоубийственного терроризма. Оксфорд. Оксфордский университет, 2010. 328 с.
12. Лифтон. Нацистские врачи: медицинское убийство и психология геноцида. М., 2000. 465 с.
13. Даллакян К. А. Террор как форма социальной экзистенции. Уфа: Уфимский ЮИ МВД России, 2016. 148 с.
14. Роцин С. С. Политическая психология // Психологический журнал. 1981. № 1. С. 113–128.

© Даллакян К. А.

Н. Ю. ТЕТЕРЯТНИКОВ, начальник кафедры гражданского права и процесса Сибирского юридического института МВД России, кандидат юридических наук (г. Красноярск)

N. YU. TETERYATNIKOV, head of the chair of civil law and procedure of the Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, candidate of law (Krasnoyarsk)

В. В. ПОНОМАРЕВА, начальник кафедры государственно-правовых дисциплин Сибирского юридического института МВД России, доктор юридических наук, профессор (г. Красноярск)

V. V. PONOMARYOVA, head of the chair of state and legal disciplines of the Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, doctor of law, professor (Krasnoyarsk)

К ВОПРОСУ О ТРАНСФОРМАЦИИ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ЧАСТНОМ И ПУБЛИЧНОМ ПРАВЕ

ON THE QUESTION OF THE TRANSFORMATION OF PERCEPTIONS ON PRIVATE AND PUBLIC LAW

Аннотация. В представленной работе рассматривается эволюция представлений о делении права на частное и публичное, характерное для стран романо-германской правовой семьи, со времен Древнего Рима по настоящее время. Отмечается произошедшая десакрализация публичного права, а также процессы дивергенции и конвергенции этих двух сфер. Проанализированы материальные и формальные критерии разграничения права частного от права публичного, а также имеющиеся проблемы отнесения отдельных отраслей права к частно- либо публично-правовым элементам современной системы права. Делается вывод о том, что правовые реформы, проводимые законодателем, нередко основываются на его представлении о дихотомии и дуализме частного и публичного права, и тем самым способствуют более четкому их разграничению в политико-правовой действительности, в т. ч. на уровне отдельных институтов.

Ключевые слова и словосочетания: правовой дуализм, частное право, публичное право, конвергенция и дивергенция права, романо-германская семья правовых систем, принцип диспозитивности.

Annotation. The presented work examines the evolution of ideas about the division of law into private and public, characteristic of the countries of the Romano-Germanic legal family, from the time of Ancient Rome to the present. The secularization of public law, as well as the processes of divergence and convergence of these two spheres, are noted. The material and formal criteria for distinguishing private law from public law, as well as the existing problems of classifying certain branches of law as private or public law elements of the modern system of law, are analyzed. It is concluded that the legal reforms carried out by the legislator are often based on his idea of the dichotomy and dualism of private and public law, and thus contribute to a clearer distinction between them in political and legal reality.

Keywords and phrases: legal dualism, private law, public law, convergence and divergence of law, Romano-Germanic family of legal systems, dispositivity principle.

С 1 января 2022 г. вступила в силу актуальная редакция приказа Минобрнауки России от 24 февраля 2021 г. № 118 «Об утверждении номенклатуры научных специальностей, по которым присуждаются ученые степени, и внесении изменения в Положение о совете по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, утвержденное приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 10 ноября 2017 г. № 1093», предусматривающая взамен пятнадцати научных специальностей юридического профиля теперь только пять, среди которых центральное место занимают «частно-правовые (цивилистические) науки», идущие под шифром 5.1.3 сразу за публично-правовыми (государственно-правовыми) науками со шифром 5.1.2 [1]. Ничуть не оспаривая обоснованности новой номенклатуры, хотелось бы обратить внимание на сам подход правотворца, априорно исходящего из дихотомии публичного и частного права.

В юриспруденции деление права как единственного общеобязательного регулятора общественных отношений на частное и публичное получило название доктрины дуализма права (теории правового дуализма) [2, с. 226; 3, с. 44]. Вместе с тем, такое представление о базовых основах системы права не является универсальным. Так, например, страны англосаксонской системы не знают разграничения между частным правом и публичным [4, с. 57; 5, с. 134].

Французская юридическая доктрина, относящаяся к романо-германской правовой семье, по меньшей мере с первой четверти XVIII в. признает оппозицию частного и публичного права в национальной системе права. При этом взгляды французских юристов на природу и причины такого деления сильно расходятся. Вплоть до того, что некоторые такую дихотомию объявляют архаичной, тогда как другие, наоборот, весьма востребованной. Подробный обзор точек зрения французских правоведов на соотношение публичного права с частным дает А. П. Семитко в своей обстоятельной статье, посвященной этой проблеме [5].

В отечественной юридической науке, несмотря на общепризнанность деления системы права на частно-правовую и публично-правовую сферы, тоже нет единого мнения об их границах и сочетании. Более того, зачастую отсутствует согласие и в том, какие отрасли права следует относить к частному праву, а какие к публичному. Если в отношении уголовного и административного права у правоведов разногласий нет, то, например, с семейным правом, а также гражданским и гражданским процессуальным правом точки зрения расходятся вплоть до противоположных.

Так, А. М. Нечаева, говоря о преобладании публично-правовых начал в семейном праве [6, с. 42], фактически относит его к отраслям права публичного [7, с. 98], а Д. В. Осинцев ставит под сомнение отнесение гражданского права к отраслям частного права [8, с. 38], тогда как преобладающим мнением является прямо обратное [9, с. 35; 10, с. 3].

Кроме того, озадачивает выделение отдельными исследователями т. н. частно-публичных отраслей права. Т. А. Мазурова частно-публичной отраслью права называет трудовое право [9, с. 36], О.В. Гутников – право юридических лиц, саморегулируемых организаций, концернов и т. п. [11, с. 143], М. Г. Щербаков вслед за М. Ю. Чельшевым – предпринимательское право [12, с. 104].

В свою очередь С. В. Дорохин в своей работе аргументирует отнесение всех процессуальных отраслей права, в т. ч. гражданского процессуального и арбитражного процессуального, к отраслям публичного права [13, с. 24]. Такой подход является вполне традиционным для отечественной юриспруденции [10, с. 3], тем более что сложился он еще в советский период истории России [2; 5], когда деление права на публичное и частное отрицалось по идеологическим причинам.

Как указывал еще в феврале 1922 г. председатель Совнаркома РСФСР В. Ульянов (Ленин): «Мы ничего «частного» не признаем, для нас все в области хозяйства есть публично-правовое, а не частное. <...> Отсюда –

расширить применение государственного вмешательства в «частноправовые» отношения; расширить право государства отменять «частные» договоры; применять не *corpus juris romani* к «гражданским правоотношениям», а наше революционное правосознание» [цит. по: 2, с. 227]. По этой причине в отечественном правоведении концепция разделения права на частное и публичное, весьма популярная в XIX – начале XX веков, была предана забвению без малого на семьдесят лет, в течение которых все элементы системы права рассматривались исключительно с публично-правовых позиций. В полном мере это относилось и к отрасли гражданского процессуального права.

Вместе с тем, начиная с 1990-х годов высказывается альтернативная точка зрения. Сперва робко, потом все увереннее и увереннее. И. М. Зайцев одним из первых высказался о том, что гражданское процессуальное право можно считать отраслью частного права, поскольку в его основе лежит спор о праве, разрешаемый в рамках искового судопроизводства, для которого характерны полноценная состязательность равноправных сторон (истца и ответчика, наделенного правом подачи встречного иска), приоритет частного интереса и использование диспозитивного метода правового регулирования [14, с. 27].

Новая номенклатура научных специальностей, собственно, выдержана в рамках этого же подхода. Нет сомнений, что исследования в области трудового, предпринимательского, семейного, гражданского, гражданско-процессуального права и т. п. будут подпадать под категорию частно-правовых (цивилистических) наук, значащихся под шифром 5.1.3. Не случайно правотворец, пусть и в скобках, отметил их эпитетом «цивилистические», отсылая таким образом к романо-германской традиции противопоставления частного права (*ius privatum*) – праву публичному (*ius publicum*), которое, по мнению древнеримских юристов (Сальвия Юлиана, Мазурия Сабина, Эмилия Папиниана, Домиция Ульпиана, Флавия Юстиниана) и их последователей, не может быть

изменено по договору, заключенному между частными лицами: *ius publicum privatorum pactis mutari non potest*.

Одновременно с этим необходимо помнить, что публичное право в Древнем Риме, помимо положения магистратов (*magistratibus constit*), охватывало также совершенно непредставимые в современных условиях богослужения (*sacerdotibus*) и таинства (*sacris*) как священнодействия [15]. В этой связи нынешнее понимание публичного права относительно древнеримской традиции, трактовавшей его в качестве божественного (*ius divinum* соблюдение которого приводит к *raх deorum* – покровительству богов), претерпело существенную трансформацию, выразившуюся, прежде всего, в десакрализации общественных отношений и секуляризации правосознания. Однако базовый принцип публичных правоотношений, согласно которому норму нельзя менять в угоду отдельным лицам, даже по договору между ними, сохранился.

В сфере частного права действует прямо обратный принцип: общая норма применяется только в том случае, если иное не предусмотрено договором. Следовательно, соглашения отдельных субъектов по частным вопросам имеют приоритет над обычаями и иными правилами, установленными для неопределенного круга лиц, вступающих друг с другом в отношения по необходимости, без взаимной заинтересованности, нередко случайно.

В Дигестах Юстиниана VI в. н. э., основанных на трудах Ульпиана, частное право рассматривается как единство трех составляющих – естественного права (*ius naturale*), права народов (*ius gentium*) и гражданского права (*ius civile*) [15, с. 82].

Естественное право, как право природы, включало в себя помимо правил, по которым живут и размножаются животные, также интуитивные нормы и обычаи (в т. ч. правовые), регулирующие заключение семейного союза между мужчиной и женщиной, а также зачатие, рождение и воспитание ими детей. Именно в эти положения своими корнями уходит семейное право в качестве

отрасли частного права национальных правовых систем современности, относящихся к романо-германской правовой семье.

Несмотря на общие закономерности создания семей у различных пар, в каждом конкретном случае преобладающим является наличие взаимного интереса, если не между определенными мужчиной и женщиной как частными лицами, то их родителями, семьями, родами – также частными субъектами. Это тот самый случай, когда договоренность между сторонами (женихом и невестой либо их родителями или отцами) выступает приоритетом в решении вопросов брака и продолжения рода по отношению к случайным половым связям, которые по общему правилу позитивным правом не охватываются, оставаясь за рамками правового регулирования.

Как и в случае с понятием публичного права, здесь наблюдается смещение смысловой нагрузки (при сохранении сущностной характеристики) современного правовопонимания относительно доктрины римского права, поскольку естественное право, по мнению древнеримских юристов, предопределяло сексуальные и связанные с ними отношения между людьми, тогда как нынешнее семейное право, наоборот, отказывается от регулирования любовных связей, оставляя их преимущественно на откуп морали. В этом контексте весьма показательным решением Верховного Суда Российской Федерации, вынесенное в 2017 году, о признании недействительным брачного договора, содержащего со ссылкой на ч. 2 ст. 42 Семейного кодекса Российской Федерации («Права и обязанности, предусмотренные брачным договором, могут <...> ставиться в зависимость от наступления или от ненаступления определенных условий») в качестве одного из условий лишения прав на совместно нажитое имущество супружескую измену [16, с. 11].

Что характерно, в странах, не относящихся к романо-германской правовой семье и, соответственно, не знающих деления права на частное и публичное, подобные условия в брачных контрактах признаются

вполне допустимыми с точки зрения действующего законодательства. Так, например, в Соединенных Штатах Америки – государстве, относящемся к англосаксонской правовой семье, в котором не было рецепции римского права, адюльтер является обычным условием для развода с выплатой недобросовестным субъектом существенных сумм денежной компенсации добропорядочной стороне [16, с. 11].

В свою очередь право народов (*ius gentium*), как общее для всех людей, в Древнем Риме соответствовало не только тому, что мы сейчас именуем международным частным правом, но и затрагивало ряд вопросов, относящихся ныне к международному публичному праву (*ius cogens*), – «ведение войны, разделение народов, основания царств» [15, с. 84].

Цивильное же право (*ius civile*) являлось по сути национальным позитивным правом Римского государства, также включавшим в свой состав то, что сегодня воспринимается элементами права публичного. Например, кража в Древнем Риме являлась прерогативой частного права [2, с. 238].

Разделение права на частное и публичное является привычным и понятным для правоведов, принадлежащих к странам романо-германской правовой семьи. Однако четких и единых критериев, по которым это разграничение производится, юридической доктриной так и не выработано [5; 17]. Их обнаружение представляет собой насущную проблему общей теории права, в которой в настоящее время преобладают два основных подхода к решению этой задачи.

Первый подход в своей основе имеет материальный критерий интереса. Он исходит из того, преследование чьего интереса обеспечивается нормами права. Публичное право отстаивает интересы общества и государства, закрепляя их приоритет над интересом частного лица, тогда как частное право, наоборот, признает интерес отдельного индивида более значимым, нежели интерес публичный, интерес общественности.

Так, ярким примером выражения публичного права будет институт возбуждения

уголовного дела по факту, скажем, обнаружения трупа холостяка – круглого сироты с признаками насильственной смерти, когда нет частного интереса в розыске убийцы (вследствие отсутствия у погибшего супруги и родственников, которые бы могли обратиться в правоохранительные органы с соответствующим заявлением), но есть интерес общественный, преследуя который государство постарается сделать все от него зависящее, чтобы найти преступника и привлечь его к юридической ответственности. Примером же проявления частного права может быть закрепленный в законодательстве институт аборта как права на прерывание беременности по инициативе женщины, преследующей свой личный интерес, вступающий в прямое противоречие с интересом публичным – интересом общества и государства в новом гражданине и налогоплательщике.

Второй подход к разграничению частного и публичного права основан на формальном критерии – используемом законодателем методе правового регулирования [18, с. 96]. Соответственно, публичное право в своей основе имеет императивный метод правового регулирования, в то время как частное – диспозитивный.

Публичное право при таком подходе оберегает правопорядок, права и свободы личности, а также иные социальные ценности по инициативе государства. Частное же право охраняет материальные и нематериальные блага, представляющие определенную ценность для конкретной личности, исключительно по ее же инициативе.

По этой причине Правила дорожного движения вкупе с гл. 12 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ), являющиеся частью административного права и обеспечивающие безопасность дорожного движения, – пример публичного права. А вот возможность подачи искового заявления в суд с требованием опровержения порочащих честь, достоинство либо деловую репутацию сведений (ст. 152 Гражданского кодекса Российской Федерации) – образец права частного.

Граница, разделяющая право на публичное и частное, является весьма размытой и непостоянной. Это обусловлено, прежде всего, доктринальным характером такой дихотомии – в современных законодательных текстах нет ни одного упоминания о ней. А также тем, что с течением времени многие правовые институты эволюционируют, смещаясь в ту или иную сторону относительной этой границы либо даже перемещаясь из одной сферы права в другую в связи с реформированием существующего законодательства.

Так, сравнительно недавно, в 2015 году в связи с принятием Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации (далее – КАС РФ) из Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (ГПК РФ) был изъят подраздел III «Производство по делам, возникающим из публично-правовых отношений» (ст. ст. 245–261.8), который практически в неизменном виде был перенесен в КАС РФ. Это показательный пример того, как законодатель, следуя логике юридической доктрины романо-германской правовой системы, привел в соответствие с ней существующую нормативно-правовую базу, что можно только приветствовать. В отечественной юриспруденции такой процесс получил наименование дивергенции публичного и частного права [19, с. 11; 20, с. 44].

Вместе с тем, наряду с дивергенцией – разграничением, отдалением частноправовых и публично-правовых начал в отдельных институтах и других элементах системы права, в национальных правовых системах романо-германской правовой семьи наблюдается и обратный процесс – сближения и даже взаимопроникновения частного и публичного права. Это явление, характерное не только для России, называется конвергенцией [19; 20, с. 44; 21].

Действительно, ни одну отрасль права нельзя полностью отнести исключительно к частному или публичному праву. Например, в административном праве есть такое правонарушение, как оскорбление (ст. 5.61 КоАП РФ), состав которого предполагает,

что человек, в адрес которого было допущено оскорбительное высказывание, должен признать себя уязвленным и испытавшим моральные страдания. Если же он себя потерпевшим не посчитает, то с точки зрения действующего законодательства получится, что правонарушения не было. Именно в этом проявляется частноправовое начало данного института административного права. Аналогичная ситуация с частным обвинением по уголовным делам. Это и есть конвергенция.

Деление права на публичное и частное имеет длительную, почти трехтысячелетнюю [2, с. 227] историю, в ходе которой оно благодаря как дивергенции, так и конвергенции, приобретало новые формы. Поэтому неудивительно, что представления древнеримских юристов на эту дихотомию существенным образом отличались от современных. Право – явление социальное и динамическое, постоянно меняющийся продукт человеческой деятельности, обусловленный во многом представлениями людей (прежде всего юристов, особенно законодателей) о том, каким ему следует быть. Имен-

но на этом основаны все правовые, в первую очередь законодательные реформы, проводимые в человеческом обществе.

В настоящее время публичное право служит интересам государства и общества, обеспечивает правопорядок и, значит, стабильность развития общественных отношений. Частное право, в свою очередь, гарантирует каждому человеку возможность самореализации путем удовлетворения личных потребностей и интересов при условии непричинения объективного вреда другим лицам. Последнее в реальности сводится к соблюдению действующего законодательства, т. е. требований публичного права.

По этой причине важнейшая задача юриспруденции – и ученых-правоведов, и законодателей, и правоприменителей – сводится к поиску и обеспечению баланса между публичными и частными интересами в постоянно меняющемся мире. Соотношение публичного права и частного, их сближение (конвергенция) и, наоборот, расхождение (дивергенция) – одна из тех проблем, что заслуживают пристального внимания как юристов-практиков, так и теоретиков права.

ЛИТЕРАТУРА

1. Об утверждении номенклатуры научных специальностей, по которым присуждаются ученые степени, и внесении изменения в Положение о совете по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, утвержденное приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 10 ноября 2017 г. № 109: Приказ Минобрнауки России от 24 февраля 2021 г. № 118 (ред. от 27 сентября 2021 г.) (Зарегистрировано в Минюсте России 6 апреля 2021 г. № 62998) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 28.01.2022).
2. Акинфиева В. В., Воронцов С. Г. Публичное, частное, гражданское и гражданское право: содержание понятий в древнеримских и современных доктринальных источниках // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2020. № 2. С. 226–247.
3. Чуприн М. Г. Соотношение норм частного и публичного права как правовая сущность законодательства о контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд // Юрист. 2020. № 6. С. 43–48.
4. Романов А. К. Правовая система Англии: учеб. пособие. 2-е изд., испр. М.: Дело, 2002. 344 с.
5. Семитко А. П. Деление права на публичное и частное во французской юридической доктрине // Российский юридический журнал. 2021. № 1. С. 126–140.
6. Нечаева А. М. Семейное право: актуальные проблемы теории и практики. М.: Юрайт-Издат, 2007. 280 с.
7. Ульбашев А. Х. Общее учение о личных правах. М.: Статут, 2019. 255 с.
8. Осинцев Д. В. Обязательные требования как предмет административно-правовых исследований // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2021. № 1. С. 31–45.
9. Мазурова Т. А. Приостановление трудового договора в контексте межотраслевых категорий «договор» и «приостановление» // Трудовое право в России и за рубежом. 2021. № 1. С. 35–37.

10. Шаблова Е. Г., Жевняк О. В. Гражданское право: учебное пособие. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2015. 136 с.
11. Гутников О. В. Корпоративная ответственность в гражданском праве: монография. М.: ИЗиСП, КОНТРАКТ, 2019. 488 с.
12. Щербаков М. Г. Гражданско-правовой аспект режима товаров двойного назначения // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 3. С. 99–106.
13. Дорохин С. В. Деление права на публичное и частное: конституционно-правовой аспект. М.: Волтерс Клувер, 2006. 136 с. С. 36.
14. Зайцев И. М. Соотношение публично-правового и частно-правового в Гражданском процессуальном кодексе // Теоретические и прикладные проблемы реформы гражданской юрисдикции: Межвуз. сб. науч. тр. Екатеринбург, 1998. 332 с. С. 27–28.
15. Дигесты Юстиниана / пер. с лат.; отв. ред. Л. Л. Кофанов. М.: Статут, 2002. 584 с.
16. Куликов В. Измена не в счет. Верховный Суд России признал незаконными такие условия в брачных контрактах, как неверность, ссора или развод // Российская газета. 11 апреля 2017. № 76 (7242).
17. Ростовцева К. А. Публичное, общее, частное в праве недвижимости: сравнительные исследование // Вестник гражданского права. 2020. № 4. С. 242–285.
18. Черепахин Б. Б. Труды по гражданскому праву. М.: Статут, 2001. С. 93–120.
19. Михайлова А. С. Некоторые аспекты проявления конвергенции частного и публичного права на примере современного правового регулирования нотариальной деятельности // Нотариус. 2017. № 1. С. 10–13.
20. Чуприн М. Г. Соотношение норм частного и публичного права как правовая сущность законодательства о контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд // Юрист. 2020. № 6. С. 43–48.
21. Коршунов Н. М. Конвергенция частного и публичного права: проблемы теории и практики. М.: Норма; ИНФРА-М, 2011. 240 с.

© Тетерятников Н. Ю.
© Пономарева В. В.

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ
(Конституционное право; муниципальное право; Административное право;
административный процесс; Судебная деятельность, прокурорская деятельность,
правозащитная и правоохранительная деятельность)

УДК 342.924.037(470)

М. К. НУРКАЕВА, доцент кафедры уголовного процесса Уфимского юридического института МВД России, кандидат юридических наук (г. Уфа)

M. K. NURKAEVA, associate professor of the criminal procedure chair of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, candidate of law (Ufa)

**К ВОПРОСУ О ПРЕЗУМПЦИИ НЕВИНОВНОСТИ
В СИСТЕМЕ ПРИНЦИПОВ АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРОЦЕССА**

**ON THE QUESTION OF THE PRESUMPTION OF INNOCENCE
IN THE SYSTEM OF PRINCIPLES OF THE ADMINISTRATIVE PROCESS**

***Аннотация.** Презумпция невиновности является межотраслевым принципом. На основе анализа административного законодательства и различных позиций автор делает вывод, что презумпция невиновности является принципом административного процессуального права. Для уяснения вопроса о презумпции невиновности в системе принципов административного процесса были рассмотрены вопросы о принципе права вообще и их система. Автор при определении понятия «принцип права», опираясь на теории о правопонимании и на общефилософское понятие «принцип», предлагает двоякий подход к трактовке понятия принципа права, который помогает заключить о том, что нельзя связывать появление принципов права с закреплением их в нормах права. В статье исследуются назначение принципов права, причины их возникновения, становления и развития и показывается влияние рассмотренных проблем для уяснения места презумпции невиновности в системе принципов административного процесса.*

***Ключевые слова и словосочетания:** принципы права, межотраслевой принцип, презумпция невиновности, административное процессуальное право.*

***Annotation.** The presumption of innocence is a cross-sectoral principle. Based on the analysis of administrative legislation and various positions, the author concludes that the presumption of innocence is a principle of administrative procedural law. To clarify the issue of the presumption of innocence in the system of principles of the administrative process, the issues of the principle of law in general and their system were considered. When defining the concept of «principle of law», the author, relying on the theory of legal thinking and on the general philosophical concept of «principle», offers a double approach to the interpretation of the concept of the principle of law, which helps to conclude that the emergence of the principles of law cannot be associated with their consolidation in the rule of law. The article examines the purpose of the principles of law, the reasons for their emergence, formation and development, and shows the influence of the considered problems to clarify the place of the presumption of innocence in the system of principles of the administrative process.*

***Key words and phrases:** principles of law, intersectoral principle, presumption of innocence, administrative procedural law.*

Для уяснения вопроса о том, является ли презумпция невиновности принципом административно-процессуального права,

необходимо разобраться, что такое принцип права вообще. Ни в Конституции Российской Федерации, ни в и отраслевом законо-

дательстве России нет определения понятия принципа. В рекомендательном законодательном акте – Модельном уголовно-процессуальном кодексе для государств-участников СНГ, который принят на седьмом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ 17 февраля 1996 года, в ст. 11 дано определение понятия и значение принципов уголовного судопроизводства [1].

Между тем научное уяснение этого понятия имеет большое практическое значение для правотворческой, правоприменительной и правоохранительной деятельности.

Само слово «принцип», заимствованное из латинского языка (*principium*), означает основу, первоначало [2]. Поиски принципов начинаются с давних времен. Вначале выясняли реальность, жизнь, их закономерности, то есть основы бытия. Затем этими полученными знаниями руководствовались в обыденной жизни [3, с. 289].

Встает вопрос, чем же руководствуется правоприменитель в своей деятельности? В теории права до настоящего времени не достигнуто единства мнений о понятии принципов права. Для объяснения понятия принципа права вообще необходимо решить вопрос об обязательных признаках этого понятия.

Высказанные взгляды на понятие принципа права могут быть классифицированы по различным основаниям. С позиций различного правопонимания можно выделить следующие определения понятия принципа права. С точки зрения позитивного права под принципами права понимались основные идеи, получившие свое закрепление в законе или положения, не получившие как таковые закрепления в законе, но вытекающие из ряда его норм [4, с. 8]. В рамках естественного права принципами права считались морально-нравственные, религиозные, этические ценности [5, с. 159–164.]. Исходя из либертарной теории права принципы права отражают такие сущностные свойства права, как свобода, формальное равенство и справедливость [6, с. 7].

Если брать за основание классификации нормативность, то высказанные взгляды

на понятие принципа права могут быть сведены к трем точкам зрения: 1) принципы права – это руководящие идеи, получившие свое закрепление в законе или вытекающие из него [5, с. 159; 7, с. 204; 8, с. 10]; 2) принципы права – это общие положения, закрепленные законом в качестве основополагающих начал [9, с. 222–223]; 3) принципы права – это руководящие идеи независимо от того, получили ли они или нет законодательное закрепление в той или иной форме [10, с. 21–23; 11, с. 32–33; 12, с. 221; 13, с. 8; 14, с. 192–193; 15, с. 45–46; 16, с. 3; 17, с. 159–160].

При определении понятия «принцип права» необходимо опираться, во-первых, на теории о правопонимании, во-вторых, на общеправовое понятие «принцип». В философии термин «принцип», как мы указали выше, раскрывается как «основа», «исходная идея», «исходное положение». Относительно правопонимания мы не будем рассматривать все позиции, но на одном аспекте остановимся.

Право как одна из форм духовного отражения действительности связано с идеями (от греч. *idea* – образ, представление), которые являются более широкими понятиями, чем принципы. В том случае, когда идея рассматривается в качестве основного положения для определения какого-либо явления [11, с. 32–33], когда выражает ценности, на которые ориентировано право (такой ценностью является сам человек, его права и свободы), она проявляется как принцип этого явления.

Не случайно в теории права различают правовые принципы и принципы права [10, с. 32–33; 11, с. 32–33; 12, с. 221 и др.]. Такой подход к исследованию природы принципов позволяет понять генезис принципов права, их роль в системе правового регулирования общественных отношений.

Правовые принципы – это определенные исходные для права идеи, которые предшествуют созданию принципов права. Откуда берет мышление эти идеи-принципы? По этому поводу Ф. Энгельс пишет: «... принципы – не исходный пункт исследования, а его заключительный результат; эти прин-

ципы не применяются к природе и к человеческой истории, а абстрагируются из них; не природа и человечество сообразуются с принципами, а, наоборот, принципы верны лишь постольку, поскольку они соответствуют природе и истории» [18, с. 34].

Таким образом, правовые принципы выводятся, абстрагируются людьми и представляют собой лишь теоретическое выражение реальных отношений, являясь закономерным проникновением мыслящего ума в сущность вещей.

Ряд ученых правильно отмечают, что правовые принципы вырабатываются не законодателем, а наукой [7, с. 204–205; 4, с. 11; 14, с. 195.]. Ф. Энгельс подчеркивал: для того, чтобы выводить из того, что есть, то для этого нам нужны положительные знания о мире и о том, что в нем происходит; то, что получается в результате этой работы есть положительная наука [18, с. 35].

Однако вряд ли можно согласиться с В. Т. Томиным и другими авторами, которые считают, что идеи-принципы имеют обязательную силу [14, с. 195; 16, с. 4]. Правы ученые, которые отмечают, что идеи-принципы не имеют общеобязательной силы [19, с. 38; 20, с. 11], ибо здесь, как верно подчеркнул Я. О. Мотовиловкер, стирается грань между понятиями научного исследования и правового регулирования [13, с. 9]. Конечно, это не значит, что они вообще не имеют значения. Они помогают четче понять те принципы, на которых строится правовое регулирование общественных отношений, дают материал для правотворчества и правореализации, учитываются при применении права в случаях, когда в нем выявляются пробелы [17, с. 160].

Правовые принципы – идеи-принципы, при закреплении их в нормах права перерастают в принципы права и приобретают общеобязательную силу. Однако с учетом двоякого подхода к трактовке понятия принципа права нельзя согласиться с категорическим выводом, что принципы права не могут появиться раньше самих норм.

Стремление вывести эти принципы только из системы норм права не соответствует действительности, т. к. они могут выражать-

ся в судебной практике или закрепляются в писанных или неписанных правовых обычаях, юридических обыкновениях и традициях, в правосознании. Бывают и просто неудачные, непоследовательные или не совсем верные формулировки в законах основных идей. В подобных случаях норма права вступает в противоречие с его принципами. Вот почему нельзя связывать появление принципов права с закреплением их в нормах права. Принятие законов, закрепляющих данные принципы, придает им объективированную форму выражения в правовой системе.

Вопрос о закреплении в законе имеет значение для приобретения правовыми принципами общеобязательной силы, а не для создания принципов. Принципы права отражают существующие принципы.

Для определения понятия принципов права необходимо решить вопрос об обязательных признаках этого понятия.

Принципы права: 1) это руководящие идеи, которые закреплены или могут быть закреплены в законе, ибо выражают ценность (человека, его права и свободу), закономерности права; характеризуются по сравнению с другими общими положениями большей степенью обобщенности; ими руководствуются при уяснении смысла других норм и при решении вопросов, не урегулированных законом; 2) вытекают из природы государства; 3) выражают демократические идеи; 4) обеспечивают выполнение назначения права.

Принципы права указывают правильный путь к развитию и совершенствованию действующего законодательства. Они являются необходимой основой при восполнении пробелов в праве. Знание принципов права помогает правильно решать вопросы, при разрешении которых возникают проблемы; правильно ориентироваться в сложных противоречивых жизненных ситуациях. Как известно, знание и следование принципам права в деятельности правоприменителя обеспечивает реальное осуществление прав личности.

В настоящее время принципы права наиболее полно и последовательно сформулированы и закреплены в нормах кон-

ституционного законодательства и других законов. Однако сказанное не означает, что принципы права не будут изменяться. Нам чуждо представление о принципах как раз и навсегда данных началах. Принципы, обусловленные социальными условиями жизни общества, выражая потребности общественного развития и изменяясь вместе с ними, имеют не вечный и неизменный, а исторически конкретный характер [21, с. 133, 137].

Поэтому принципы права необходимо рассматривать как динамическую правовую категорию. Подчиняясь общим закономерностям государства, система принципов права совершенствовалась: некоторые принципы наполнялись новым содержанием, другие появлялись вновь. Однако вопрос о системе принципов права является дискуссионным и до сих пор нет общепризнанной системы [5, с. 230–235; 9, с. 234–235; 7, с. 204–206].

Применение категории системы принципов имеет важное значение, поскольку позволяет вскрыть их внутреннее единство. Что же такое система принципов? Исходя из философского определения системы [3, с. 320], можно попытаться определить систему принципов права. Система принципов права – это совокупность взаимосвязанных между собой принципов, составляющих определенное целостное образование. Связи между принципами взаимосвязаны, объективны, закономерны и необходимы. В то же время каждый принцип системы должен обладать самостоятельным содержанием.

Является ли презумпция невиновности принципом административного процессуального права? На этот вопрос отвечают по-разному. Н. Г. Салищева отметила, что в Кодексе об административных правонарушениях Российской Федерации (далее – КоАП РФ) закреплена презумпция невиновности как принцип административно-юрисдикционного процесса [22,

с. 224]. Б. В. Россинский заметил, что в ст. 1.5 КоАП РФ прописан принцип российского административного права [23, с. 15]. Ю. И. Мигачев, Л. Л. Попов, С. В. Тихомиров указали, что презумпция невиновности является принципом административной ответственности [24, с. 188]. А. Б. Агапов подчеркнул, что презумпция невиновности относится к принципам федерального закона об административных правонарушениях [25, с. 40, 41], то есть он определяет место этой презумпции в системе законодательства об административных правонарушениях, как это делает сам законодатель в КоАП РФ. Глава 1 КоАП РФ называется «Задачи и принципы законодательства об административных правонарушениях». И наконец, Н. Г. Деменкова, М. С. Игнатова, И. Ю. Стариков определили презумпции невиновности место среди принципов производства по делам об административных правонарушениях [26, с. 77].

Конечно же, презумпция невиновности не является принципом материального права, то есть административного права, административной ответственности, законодательства об административных правонарушениях, так как презумпция невиновности относится к процессуальным принципам, то есть презумпцией руководствуются при осуществлении деятельности. Поэтому презумпция невиновности это принцип административного процесса, административного процессуального права или принцип административно-юрисдикционного процесса, или принцип производства по делам об административных правонарушениях.

В последние годы уделяется внимание презумпции невиновности в законодательстве об административных правонарушениях [27]. Презумпции невиновности присущи свойства принципов, о которых речь пойдет дальше.

ЛИТЕРАТУРА

1. Информационный бюллетень: приложение. 1996. № 10.
2. Новейший философский словарь / URL: http://enc-dic.com/new_philosophy/Princip-952.html (дата обращения: 03.02.2022).

3. Философский словарь / под ред. М. М. Розенталя, Н. Ф. Юдина. 2-е изд. М.: Изд-во полит. литературы, 1968. 432 с.
4. Захаров А. Л. Межотраслевые принципы права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2003. 37 с.
5. Матузов Н. И., Малько А. В. Теория государства и права: учебник. М.: Юристъ, 2004. 512 с.
6. Сидоркин А. С. Принципы права: понятие и реализация в российском законодательстве и судебной практике: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2010. 26 с.
7. Теория государства и права: учебник для юридических вузов и факультетов / под ред. проф. С. С. Алексеева. М.: Норма, 2004. 283 с.
8. Лаврусь С. Ю. Реализация принципов права в юридической практике: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2005. 29 с.
9. Теория государства и права: учебник / под ред. В. К. Бабаева. М.: Юристъ, 2003. 592 с.
10. Лукашева Е. А. Принципы социалистического права // Советское государство и право. 1970. № 6. С. 21–23, 32–33.
11. Ронжин В. Н. О понятии и системе принципов социалистического права // Вест. МГУ. Сер. XI. Право. 1977. № 2. С. 32–33.
12. Васильев А. М. Правовые категории: Методологические аспекты разработки системы категорий теории права. М.: Юрлит, 1976. 264 с.
13. Мотовиловкер Я. О. О принципах объективной истины, презумпции невиновности и состязательности процесса. Ярославль: Изд-во Яросл. ун-та, 1978. 96 с.
14. Томин В. Т. О понятии принципов советского уголовного процесса // Труды Высшей школы МООП РСФСР. Вып. 12. М.: Научно-исследовательский и редакционно-издательский отдел, 1965. С. 192–193.
15. Савицкий М. Я. К вопросу о системе принципов уголовного процесса // Советское государство и право. 1950. № 1. С. 45–46.
16. Алексеев В. Б. Принципы организационного руководства судами // Организация судебной деятельности / под ред. Г. П. Батурова. М.: Юрид. лит. 1977. 143 с.
17. Фаткуллин Ф. Н. Проблемы общей теории социалистической правовой надстройки. Т. 1 / науч. ред.: Фарукшин М. Х. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1980. 247 с.
18. Энгельс Ф. Анти-Дюринг. Переворот в науке, произведенный господином Евгением Дюрингом // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 20. М.: 1955. 435 с.
19. Алексеев Н. С., Даев В. Г., Кокорев Л. Д. Очерк теории развития науки советского уголовного процесса. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1980. С. 73–344.
20. Добровольская Т. Н. Принципы советского уголовного процесса: Вопросы теории и практики. М.: Юрид. лит. 1971. 200 с.
21. Маркс К. Нищета философии. Ответ на «Философию нищеты» г-на Прудона // Маркс Карл, Энгельс Фридрих. Сочинения в 50 т. Т. 4. 2-е издание. М., 1955. С. 65–185.
22. Салищева Н. Г. Проблемные вопросы административного процесса // Административное право и административный процесс: актуальные проблемы / под ред. Л. Л. Попова, М. С. Студеникина. М.: Юристъ, 2004. С. 221–233.
23. Россинский Б. В. Административная ответственность: курс лекций. М.: Норма, 2009. С. 14–16, 49–55, 64–67.
24. Административное право Российской Федерации: учебник / под ред. Л. Л. Попова. М.: Издательство Юрайт, 2010. С. 188–189.
25. Агапов А. Б. Административная ответственность: учебник. М.: Издательство Юрайт, 2011. С. 40–44, 141–143, 174–179, 189–191, 203–205, 256–262.
26. Деменкова Н. Г., Игнатова М. С., Стариков И. Ю. Административное право в схемах и таблицах: учебное пособие. М.: Проспект, 2015. 112 с.
27. Нуркаева М. К. История закрепления принципа презумпции невиновности в законодательстве об административных правонарушениях // Актуальные проблемы государства и общества в области обеспечения прав и свобод человека и гражданина. 2020. № 1. С. 332–337.

ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ
(Гражданское право; предпринимательское право; семейное право;
международное частное право)

УДК 343.454:379.85(470)

Ю. В. БЛИНОВА, доцент кафедры гражданского права Алтайского государственного университета, кандидат филологических наук, доцент (г. Барнаул)

YU. V. BLINOVA, assistant professor of the chair of civil law of the Altai State University, candidate of philological sciences, associate professor (Barnaul)

**ТУРИЗМ: ПОНЯТИЕ И ЦЕЛИ
ПО РОССИЙСКОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ**

TOURISM: CONCEPT AND GOALS UNDER RUSSIAN LAW

***Аннотация.** Настоящая статья направлена на раскрытие актуального понятия «туризм» и его признаков в российском законодательстве, в т. ч. в динамике. Дискуссионным конститутивным признаком понятия «туризм» выступает свободное время, но, как представляется, при отсутствии данного признака путешественник лишь формально может считаться туристом. Частичной заменой реального туризма способен стать кибертуризм, что потребует более конкретное правовое регулирование последнего. К определению понятия «туризм» целесообразен комплексный подход, следовательно, атрибутирование туризма с экономикой, спортом, молодежью, культурой или иными явлениями представляется верным. Законодатель сформулировал цели туризма открытым перечнем; в качестве непоименованной цели туризма следует назвать коммуникативную. Перспективным направлением для дальнейшего исследования данной темы видится изучение места и роли кибертуризма, а также предмет и пределы нормативного закрепления последнего.*

***Ключевые слова и словосочетания:** туризм, конститутивный признак, свободное время, комплексный подход.*

***Annotation.** This article reveals the current tourism concept and its features in the Russian legislation, including in dynamics. The discussion constitutional feature of the tourism concept is free time; indeed, in the absence of this feature a traveler can only formally be considered a tourist. Cybertourism can become a partial substitute for real tourism, which will require a more specific legal regulation of the latter. An integrated approach to the definition of the tourism concept is advisable, therefore, the attribution of tourism with economy, sports, youth, culture or other phenomena is correct. The legislator formulated the goals of tourism in an open list; as an unnamed tourism goal, we should talk about a communicative goal. A promising research field is the study of the place and role of cybertourism, as well as subject and limits of the normative fixing of the latter.*

***Keywords and phrases:** tourism, constitutional feature, leisure time, integrated approach.*

На сегодняшний день туризм выступает (по крайней мере, до пандемии коронавируса) одной из важнейших отраслей народного хозяйства в мире, где занято значительное количество работников. По данным Всемирной туристской организации лидерами по доле туризма в экспорте товаров и услуг в 2019 году выступили Греция (28 %), Порту-

галия (23 %) и Таиланд (20 %), а замкнули список Нидерланды и Бразилия (2 %), Китай (1 %). К сожалению, Россия в этом перечне тяготеет с 4 % к последним [1]. Однако такой показатель отнюдь не означает, что россияне путешествуют только до садового участка: в рейтинге международных туристских расходов Россия в 2019 году достигла

результат в 36,2 %, проясняющий, что туристские предпочтения россиян пока не лежат внутри государственных границ. В связи со сказанным представляется необходимым совершенствование российского законодательства по вопросам туризма, что предполагает дальнейшее уяснение самого понятия «туризм» и конкретизацию его целей, в т. ч. путем рассмотрения последних в динамике.

Понятие «туризм» на российской почве принято дифференцировать с другим, смежным понятием «путешествие». Следует указать, что в советский период, когда еще отсутствовало специальное законодательство в области туризма, sporadически использовался то один, то другой термин, и законодатель не ставил перед собой цели унифицировать терминологический аппарат. В первоначальной редакции Федерального закона от 24 ноября 1996 г. № 132 «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» (далее – Федеральный закон № 132) присутствовали также оба термина, однако уже к 2008 году термин «путешествие» практически покинул текст нормативного правового акта (см. ст. 1 Федерального закона № 132 [2]).

В отечественной доктрине представлено мнение, согласно которому под путешествием понимается перемещение людей в пространстве и времени независимо от цели такового [3, с. 14], а туризм – частный случай путешествия и представляет собой временные выезды (путешествия) граждан РФ, иностранных граждан и лиц без гражданства с постоянного места жительства в лечебно-оздоровительных, рекреационных, познавательных, физкультурно-спортивных, профессионально-деловых и иных целях без занятия деятельностью, связанной с получением дохода от источников в стране (месте) временного пребывания (ст. 1 Федерального закона № 132).

По мнению М. Б. Биржакова, туризм от путешествия отличают 4 признака: 1) расстояние путешествия; 2) местожительство путешествующего; 3) цели путешествия; 4) продолжительность пребывания в дестинации [3, с. 53–54]. Пятым отличительным

признаком следует назвать вслед за Н. В. Сирик время совершения – в свободное время, поскольку туризм – это способ отдыха [4, с. 11]. По аналогичному пути идут и зарубежные авторы, когда называют 4 родственных туризму концепта: досуг, развлечения, гостеприимство и отдых [5, р. 43]. Иную позицию занимают ряд ученых, которые не считают свободное время конститутивным признаком туризма, а потому относят командировочных и деловых людей к категории туристов (деловой туризм), т. к. им платят деньги из источника в другой местности, а тратят они их в месте посещения [6; 7, с. 17; 8, с. 43–45, 50].

Тем не менее, представляется, что туризм и работа – разные понятия. Это прослеживается в следующих моментах: существуют различные виды виз (деловая, учебная, туристическая); отдельные услуги (например, экскурсионные) присущи более туризму, но даже если происходят экскурсии в рамках командировки, то они зачастую обладают обязательным характером, в то время как турист может отказаться от оплаченной услуги (например, не поехать на экскурсию). Конститутивный характер признака «свободное время» для понятия «туризм» подтверждается и материалами ранней судебной практики по вопросам туризма, сформулированной Высшим Арбитражным Судом Российской Федерации. Так, частный предприниматель обратилась в Арбитражный суд Свердловской области с иском к товариществу с ограниченной ответственностью «Сакура-94» о возмещении ущерба, причиненного ненадлежащим исполнением обязательства [9].

Решением Арбитражного суда Свердловской области иск был частично удовлетворен. Постановлением апелляционной инстанции дело прекращено производством в связи с неподведомственностью, поскольку спор возник из договора, заключенного с физическим лицом. Федеральный арбитражный суд отменил названные выше решения, в иске отказал, указав, что убытки в связи с порчей груза при авиаперевозке возникли у гражданки как у физического лица при поездке в Китай по туристской путевке. Воз-

никновение у этого же лица убытков как у гражданина-предпринимателя материалами дела не подтверждено, поэтому решение об удовлетворении иска гражданина-предпринимателя является ошибочным.

Президиум Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации, рассмотрев протест на постановление апелляционной инстанции Арбитражного суда Свердловской области и постановление Федерального арбитражного суда Уральского округа по данному делу, указал, что из договора, заключенного частным предпринимателем с туристской организацией «Сакура-94» на поездку в Китай, приложения к нему и других материалов дела следует, что целью поездки указанного лица являлось приобретение товара не для личного семейного потребления, а для реализации его через магазин в г. Екатеринбурге. Таким образом, совокупность имеющихся в деле доказательств, а также действия гражданки, направленные на приобретение товара не для личного потребления, а для реализации на рынке, подтверждают статус истца как предпринимателя.

10 февраля 1998 года Президиум Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации постановления апелляционной и кассационной инстанции отменил, дело направил на новое рассмотрение в апелляционную инстанцию.

На сегодняшний день конститутивный характер признака «свободное время» и понимание туризма как способа отдыха косвенно обосновываются благодаря изменениям специального законодательства с 3 июля 2019 года: с одной стороны, из понятия «туризм» элиминированы религиозные цели путешествия (ст. 1 Федерального закона № 132); с другой стороны, введено понятие «паломническая деятельность», которое *expressis verbis* не совместимо с отдыхом и развлечениями (п. 2 ст. 17.1 Федерального закона «О свободе совести и религиозных объединениях» от 26 сентября 1997 г. № 25-ФЗ [10]), а значит, эти признаки свойственны туризму, но не паломнической деятельности.

Помимо этого, в 2017 году Министерство культуры Российской Федерации опубликовало письмо, где изложило свою позицию по проблемному вопросу: командированный сотрудник не может иметь статуса туриста, поскольку сотрудник не осуществляет заказ необходимых для этого услуг, т. е. отсутствует воля туриста в определении и наполнении туристского продукта [11]. По аналогии со сказанным, думается, что работник, находящийся на больничном и отправляющийся, например, в санаторий в другой город в лечебно-оздоровительных целях, также не будет осуществлять туризм, поскольку в соответствии с трудовым законодательством нахождение на больничном не является свободным временем, а работник, хотя и освобождается от исполнения трудовых обязанностей, не может использовать это время по своему усмотрению (ст. 106 Трудового кодекса Российской Федерации [12]).

Возвращаясь к вопросу соотношения и разграничения понятий «туризм» и «путешествие», следует отметить, что законодатель видит туризм как квалифицированное путешествие. В то же время, как представляется, не будет ошибкой рассматривать путешествие как архаичную, первоначальную форму туризма.

Между тем, в литературе отмечается, что подменяет собой и подлинное путешествие, и реальный туризм кибертуризм или виртуальный туризм, т. е. «деятельность индивида, позволяющая посредством использования современной компьютерной техники и коммуникационных сетей создать и получить максимально реалистичную сенсуальную информацию о желаемой дестинации из числа реально существующих без фактического перемещения в нее» [13, с. 132]. Отличительной же особенностью виртуального туризма от реального автор видит в том, что при виртуальном туре масштаб «посещаемого» объекта может быть существенно меньше; виртуальный турист избавлен от необходимости знакомиться с объектами, находящимися на пути следования до конечной точки. Кроме того, вирту-

альный туризм имеет ряд преимуществ по сравнению с реальным: минимальное расходование личных ресурсов (время, деньги); возможность посещения регионов и объектов, недоступных в офлайн-путешествии; безопасность; отсутствие необходимости владения иностранным языком [13, с. 133–134].

С введением в действие Федерального закона № 132 в статье 1 появилось, как уже приведено ранее, легальное определение понятия «туризм». Вместе с тем, сказать, что проблема идеального определения понятия «туризм» на российской почве была решена, нельзя: российские и зарубежные ученые до сих пор соглашаются, что хотя определений понятия «туризм» в международных актах и национальном законодательстве множество, но они все небезупречны, порой однобоки. Так, О. Н. Викулова условно выделяет 2 крупные группы определений понятия «туризм»: экономическую и юридическую [6]. Н. Лейпер выявляет 3 подхода к определению туризма: экономический, технический и холистический (комплексный) [цит. по: 7, с. 9]. В то же время А. Р. Netto указывает, что подходов к понятию «туризм» гораздо больше и все зависит от того, из какой науки пришел ученый, исследующий туризм [5, р. 43].

Другим ракурсом, раскрывающим все ту же проблему идеальной дефиниции понятия «туризм» и поиска его сущности на российской почве, является многократная смена компетентного органа, уполномоченного на курирование вопросов туризма в России. Так, в 90-е годы в России действовало Министерство Российской Федерации по физической культуре, спорту и туризму. В начале 2000-х годов Департамент туризма был закреплен за Министерством экономического развития и торговли Российской Федерации [14]. С 12 мая 2008 года по 21 мая 2012 года туризм курировало Министерство спорта, туризма и молодежной политики РФ [15]. С 22 мая 2012 года туризм отнесен к компетенции Министерства культуры РФ [16]. Данное закрепление продлилось до сентября 2018 года, когда

Минэкономразвития РФ вновь приняло туризм под свое крыло [17]. Наконец, Указом Президента Российской Федерации от 5 июня 2020 г. № 372 «О совершенствовании управления в сфере туризма и туристской деятельности» туризм выведен из управления Минэкономразвития Российской Федерации и подчиняется непосредственно Правительству Российской Федерации [18]. Таким образом, можно видеть, что сущность туризма с позиции законодателя неоднозначна и варьирует между экономикой, спортом, молодежью и культурой, что не в последнюю очередь обусловлено множеством целей, ради которых может осуществляться туризм, причем как поименованных, так и непоименованных.

Помимо прочего, статья 1 Федерального закона № 132 устанавливает открытый перечень целей туризма. К таковым первоначально были отнесены: лечебно-оздоровительные, познавательные, спортивные, профессионально-деловые, религиозные и иные. На сегодняшний день этот перечень уточнен: 1) с 2007 года добавилась новая цель туризма – рекреационная; 2) с 2007 года туристами считаются не только лица, занимающиеся спортом, но и те, кто занимается физической культурой (с учетом других признаков туризма); 3) в 2019 году законодатель исключил из туризма религиозные цели путем введения понятия «паломническая деятельность», как было упомянуто выше, в специальное законодательство. К слову сказать, изначально Межрелигиозный совет России по вопросу отношений религии и туризма считал неправильным отнесение паломничества к туризму в силу обрядовости действия, присутствующей только религиозным организациям, а потому уже тогда религиозное (обрядовое) паломничество не охватывалось понятием «туризм», за исключением культурно-религиозных целей посещения храмов, святых мест и пр. [6]. Остановимся немного на каждой из целей туризма, перечисленных в Федеральном законе № 132.

Лечебно-оздоровительные цели путешествия предполагают в качестве главно-

го мотива поездки получение туристами за собственные или корпоративные средства комплекса лечебно-диагностических, реабилитационных, профилактических и рекреационных услуг, предоставляемых в местностях, отличных от места их постоянного проживания и располагающих для этого природными, материальными и людскими ресурсами с целью предотвращения заболеваний или реабилитации/лечения различной патологии [19, с. 50]. Познавательные (культурные, культурно-познавательные) цели путешествия предполагают удовлетворение любознательности и других познавательных интересов туристов, расширение их кругозора [8, с. 31]. В качестве базиса здесь выступает культура, познавательные цели реализуются в таких подвидах туризма, как исторический, этнический, этнографический, археологический, художественный, музейные и пр. [7, с. 26–28]. При путешествии в рекреационных целях центральное место занимают отдых, оздоровление, восстановление физических, психических и эмоциональных сил; рекреационные цели реализуются посредством зрелищных и культурно-развлекательных программ, занятий по интересам, занятий спортом, посещение спортивных мероприятий, чемпионатов, олимпиад и пр. [8, с. 30]. Физкультурно-спортивные цели предполагают пассивное или активное участие туристов в физкультурных или спортивных мероприятиях. Наконец, профессионально-деловые цели реализуются в связи с профессиональными поездками, включая участие в конференциях, конгрессах, симпозиумах без получения доходов в местах командировки [8, с. 31].

Поскольку российским законодателем сформулирован открытый перечень целей туризма, то надо полагать, что последних может быть значительно больше. Новые или потенциальные цели туризма достаточно легко выводятся из классификаций видов туризма: развлекательные, гостевые, рекламно-информационные (ознакомительные), социально-реабилитационные и пр. С другой стороны, можно также пред-

ставить себе, что упомянутые потенциальные цели туризма производны от названных законодателем и могут быть включены в уже имеющиеся легальные цели, например, рекламные цели вполне укладываются в профессионально-деловые, поскольку зачастую турфирмы отправляют, например, инфлуенсеров в тот или иной тур с тем, чтобы последние в дальнейшем могли более активно и профессионально продвигать новые дестинации. Как о самостоятельной цели туризма, непоименованной в статье 1 Федерального закона № 132, необходимо говорить о коммуникативной: ученые рассматривают коммуникацию в качестве функции туризма, туризм как фактор коммуникации [20; 21]. Тем не менее, думается, что здесь речь нужно вести как раз о новой цели туризма, т. к. коммуникация с себе подобными, с чужими, и, наконец, с природой свойственна человеку и относится к его потребностям ничуть не меньше, чем отдых, здоровье или познание.

Таким образом, конститутивными признаками понятия «туризм», отличающими его от понятия «путешествие», выступают: расстояние путешествия; местожительство путешествующего; цели путешествия; продолжительность пребывания в дестинации; свободное время. При отсутствии признака «свободное время» путешествующее лицо лишь формально может считаться туристом, что фактически не всегда имеет место (поездка индивидуального предпринимателя за товаром, соревнования профессионального спортсмена и пр.). К определению понятия «туризм» целесообразно подходить комплексно, потому туризм может быть атрибутирован не только со спортом, экономикой, молодежью, культурой. Перспективным направлением для дальнейшего исследования данной темы видится изучение места и роли кибертуризма, а также предмет и пределы нормативного закрепления последнего: будет ли это просто ложная или достоверная информация на сайте или же максимально полная замена реального туризма, подключающая все или практически все органы чувств.

ЛИТЕРАТУРА

1. Статистический бюллетень Росстата к Всемирному дню туризма – 2020 // URL: [https:// www.rosstat.gov.ru](https://www.rosstat.gov.ru) (дата обращения: 30.06.2021).
2. Сирик Н. В. Договор оказания туристских услуг в гражданском праве России: дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2001. 168 с.
3. Об основах туристской деятельности в Российской Федерации: федеральный закон от 24 ноября 1996 года № 132-ФЗ (в ред. от 9 марта 2021 г.) // СЗ РФ. 1996. № 49. Ст. 5491; 2021. № 11. Ст. 1710.
4. Биржаков М. Б. Введение в туризм: учебник. СПб.: Издательский дом Герда, 2006. 512 с.
5. Netto A. P. What is Tourism? Definitions, Theoretical Phases and Principles // Philosophical Issues in Tourism. Aspects of Tourism / ed. by J. Tribe. Bristol. Buffalo. Toronto: Chanel View Publications, 2009. Pp. 43–61.
6. Викулова О. Н. Комментарий к Федеральному закону от 24 ноября 1996 г. № 132-ФЗ «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» (постатейный) // СПС Гарант.
7. Мошняга Е. В. Классификации туризма. Типы, виды и формы туризма // Основы туризма / под ред. Е. Л. Писаревского. М.: Федеральное агентство по туризму, 2014. С. 19–38.
8. Кусков А. С., Джаладян Ю. А. Основы туризма: учебник. М.: КноРус, 2008. 352 с.
9. Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 10 февраля 1998 г. № 2942/97 // СПС Гарант.
10. О свободе совести и религиозных объединениях: федеральный закон от 26 сентября 1997 г. № 25-ФЗ (в ред. от 11 июня 2021 г.) // СЗ РФ. 1997. № 39. Ст. 4465; РГ. 2021. 17 июня.
11. О возможности направления сотрудника в командировку в статусе туриста: письмо Министерства культуры Российской Федерации от 23 октября 2017 г. № 1042-13-11) // СПС Гарант.
12. Трудовой кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ (в ред. от 30 апреля 2021 г.) // СЗ РФ. 2002. № 1 (Ч. I). Ст. 3; 2021. № 18. Ст. 3053.
13. Шамликашвили В. А. Виртуальный туризм как новый вид туризма // Креативная экономика. 2014. № 10 (94). С. 128–138.
14. О структуре федеральных органов исполнительной власти: указ Президента Российской Федерации от 17 мая 2000 г. № 867 // СЗ РФ. 2000. № 21. Ст. 2168.
15. О министре спорта, туризма и молодежной политики Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации от 12 мая 2008 г. № 745 // СЗ РФ. 2008. № 20. Ст. 2315.
16. О структуре федеральных органов исполнительной власти: указ Президента Российской Федерации от 21 мая 2012 г. № 636 // СЗ РФ. 2012. № 22. Ст. 2754.
17. О некоторых вопросах совершенствования государственного управления в сфере туризма и туристской деятельности: указ Президента Российской Федерации от 14 сентября 2018 г. № 514 // СЗ РФ. 2018. № 38. Ст. 5834.
18. О совершенствовании управления в сфере туризма и туристской деятельности: указ Президента Российской Федерации от 5 июня 2020 г. № 372 // СЗ РФ. 2020. № 23. Ст. 3627.
19. Ветитнев А. М., Дзюбина А. В., Торгашева А. А. Лечебно-оздоровительный туризм: вопросы терминологии и типологии // Вестник Сочинского государственного университета туризма и курортного дела. 2012. № 2 (20). С. 50–56.
20. Березницкая Н. Л. Туризм как фактор межкультурной коммуникации: дисс. ... канд. культурол. наук. СПб., 1999. 156 с.
21. Прядкина Л. А., Репс В. Ф. Коммуникативная функция туризма: социокультурный аспект // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2013. № 1 (113). С. 124–131.

© Блинова Ю. В.

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

(Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право; Уголовный процесс; Криминалистика; судебно-экспертная деятельность; оперативно-разыскная деятельность)

УДК 343.364(470)

В. Л. БЕРДНИКОВ, заместитель начальника отдела уголовного розыска ОМВД России по Таймырскому Долгано-Ненецкому району (г. Дудинка)

V. L. BERDNIKOV, deputy head of the criminal investigation department of the DMIA of Russia for the Taimyr Dolgan-Nenets district (Dudinka)

СТРУКТУРА СПОСОБА СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ КАК ПРИЗНАКА ОБЪЕКТИВНОЙ СТОРОНЫ ФАЛЬСИФИКАЦИИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ И РЕЗУЛЬТАТОВ ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

THE STRUCTURE OF THE METHOD OF COMMITTING A CRIME AS A SIGN OF THE OBJECTIVE SIDE OF THE FALSIFICATION OF EVIDENCE AND THE RESULTS OF OPERATIONAL INVESTIGATIVE ACTIVITIES

***Аннотация.** В статье рассматриваются особенности структуры способа совершения преступного деяния как признака объективной стороны фальсификации доказательств и результатов оперативно-разыскной деятельности. Способ совершения данных преступных деяний является одним из основных признаков его характеристики. В статье автором представлено понятие способа совершения преступных деяний, которые предусмотрены статьей 303 Уголовного кодекса Российской Федерации, проведена группировка способов совершения фальсификации доказательств и результатов оперативно-разыскной деятельности, рассмотрены материалы судебной практики по исследуемым составам, а также предложена авторская позиция способов совершения фальсификации доказательств (результатов оперативно-разыскной деятельности) исходя из критерия времени их формирования.*

***Ключевые слова и словосочетания:** доказательства, способ, фальсификация, оперативно-разыскная деятельность, умысел, подготовка к преступлению, сокрытие, материалы уголовного дела, объективная сторона.*

***Annotation.** The article discusses the features of the structure of the method of committing a crime as a sign of the objective side of falsification of evidence and the results of operational investigative activities. The method of committing these crimes is one of the main features of its characteristics. Presents the concept of the method of committing crimes under article 303 of the Criminal code of the Russian Federation, a grouping of ways of committing falsification of evidence and the results of operational-investigative activity, and considers the jurisprudence of the studied compositions, the author's position of ways of committing falsification of evidence (results of investigative activities) according to the criterion time of their formation.*

***Keywords and phrases:** evidence, method, falsification, operational search activity, intent, preparation for a crime, concealment, materials of a criminal case, objective side.*

Глава 31 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) в своем составе содержит уголовно-правовые нормы, посредством которых устанавливается уголовная ответственность за преступные

посягательства на интересы правосудия. В совокупности данных посягательств в качестве одного из наиболее общественно опасных деяний выступает фальсификация доказательств и результатов оперативно-ра-

зыскной деятельности (далее – ОРД). Общественная опасность данных преступных деяний заключается в том, что при отправлении правосудия доказательства, которые подверглись какому-либо искажению, нарушают значимую гарантию защиты конституционных прав человека и гражданина, образуют условия для вынесения неправоудного приговора, незаконного судебного решения. Вследствие изложенного борьба с посягательствами, направленными на искажение доказательственной информации по делу, приобретает все большую актуальность в современных условиях общественного развития.

Целью статьи является анализ структуры способа совершения преступления как признака объективной стороны фальсификации доказательств и результатов ОРД.

Научная литература не содержит единой образной позиции, касающейся понятия способа совершения преступления, а также его структуры. Несмотря на это, данный признак объективной стороны преступного деяния, в том числе по преступлениям, предусмотренным ст. 303 УК РФ, выступает в качестве одного из значимых признаков характеристики преступления.

Систему объективных и субъективных признаков, которые закреплены в нормах уголовного законодательства, представляет собой состав преступного деяния. При этом объективные и субъективные признаки характеризуют конкретное совершенное общественно опасное деяние в качестве преступления, что является необходимым в целях признания виновного в содеянном.

Состав преступления уже, чем преступление, и представляет собой своего рода абстракцию научного характера, которая в своем содержании имеет минимально необходимую сумму типичных признаков отдельных видов преступных деяний. Состав преступного деяния выражает специфику определенного преступления и указывает на характер и степень общественной опасности содеянного. Данные признаки предусмотрены в нормах УК РФ либо вытекают из содержания уголовно-правовых норм. Следова-

тельно, категория преступления шире, чем его состав, исходя из того, что конкретный совершенный преступный акт представляет собой явление единичного характера, для которого свойственна множественность индивидуальных объективных и субъективных признаков.

При квалификации содеянного в каждом случае определения прочих фактических обстоятельств содеянного исключать нельзя. Органы предварительного расследования при квалификации содеянного обязаны выявлять, исследовать и производить оценку как признаков состава преступного деяния, так и прочих фактических обстоятельств, включая и способ содеянного.

Способ совершения преступного деяния при этом следует определить как приемы и методы, посредством которых виновный совершил преступление, иными словами, это форма, в которой выражены общественно опасные действия. Поскольку способ существенным образом не оказывает влияния на общественную опасность содеянного, то он не всегда является обязательным признаком состава, несмотря на то, что преступное деяние всегда совершается определенным способом. Если способ обеспечивает качественную особенность совершения преступного акта, оказывает влияние степень общественной опасности, то он подлежит криминализации.

Определяющим моментом являются интенсивность способа содеянного, уровень его опасности, возможность причинить тяжкий вред объекту уголовно-правовой охраны, а также его результат в достижении содеянного. В содержании уголовного закона обособлены отдельные виды преступных деяний, поскольку при конкретных обстоятельствах способ может изменить характер содеянного. Это указывает на то, что отдельные виды преступлений выделяются исходя из способа их совершения. В некоторых же составах способ представлен законодателем в качестве обязательного признака. Подобное выделение имеет практическую значимость, поскольку необходимо в целях дифференциации преступных деяний одного

вида исходя из их общественной опасности [1, с. 77].

Следовательно, способ совершения преступления представляет собой важный признак объективной стороны преступления, так как может содержать один либо несколько факультативных признаков.

Особенности совершения преступлений, предусмотренных ст. 303 УК РФ [2], позволяют выделить структурные элементы способов их совершения:

- возникновение умысла на совершение преступления;
- приготовление к совершению преступления;
- непосредственное совершение преступления;
- сокрытие содеянного;
- последующее оказание преступного противодействия [3, с. 125].

Относительно момента возникновения умысла на совершение фальсификации доказательств по уголовному делу и (или) фальсификации результатов ОРД, то он не воздействует на квалификацию содеянного. При этом совершение преступления не может быть без исходной проработки в подсознании виновного плана выполнения задуманного. Следует отметить, что данная мыслительная деятельность имеет характер идеальных следов преступления, преступник может обсуждать возникший у него преступный замысел с иными лицами.

Для стадии приготовления к преступлению, в отличие от возникновения и обнаружения умысла, свойственны определенные общественно опасные действия, посредством которых образуются условия для совершения преступного деяния.

Следует принимать во внимание, что общественная опасность подготовительных действий состоит в том, что они могут перейти в последующие действия, которые имеют своей направленностью совершение преступления, а в дальнейшем и в окончательное преступление. Как верно отмечено в уголовно-правовой литературе, вероятность того, что подготовительные действия будут доведены до реализации задуманного, до-

статочно высока, поскольку при приготовлении преступное посягательство прерывается собственно по независящим от виновного причинам [4, с. 45].

Относительно рассматриваемого общественно опасного деяния, то можно выделить несколько способов совершения фальсификации доказательств (результатов ОРД) по критерию времени их формирования:

- способы, в результате которых создается новое сфальсифицированное доказательство либо результат ОРД;
- способы, при которых вносятся изменения в доказательства либо результаты ОРД, которые уже есть;
- способы, при которых одновременно создаются новые сфальсифицированные доказательства либо результаты ОРД, и вносятся изменения, имеющие преступный характер;

– доказательства и результаты ОРД, которые уже существуют (комбинированные).

Так, следователь П. из иной личной заинтересованности, преследуя преступный умысел на совершение преступного деяния, для того, чтобы оказать помощь своему другу Д., избежать привлечения к уголовной ответственности за преступное деяние по п. «г» ч. 4 ст. 228.1 УК РФ, зная, что следственные протоколы, показания, данные очевидцами по уголовному делу представляют собой доказательства, в нарушение ст. ст. 164, 166, 190, 192 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) осуществила фальсификацию доказательства по уголовному делу, возбужденному в отношении Д. по п. «г» ч. 4 ст. 228.1 УК РФ, а именно:

- внесла в протокол очной ставки, не соответствующие действительности показания, после чего организовала подписание протокола и подделку неустановленными лицами подписей в данном протоколе от имени свидетеля, подписала его лично и приобщила к материалам уголовного дела;
- без фактического допроса свидетеля изготовила протокол его дополнительного допроса, внося в него несоответствующие действительности сведения о дате, времени,

месте его проведения, после чего организовала подделку неустановленными лицами подписи от имени свидетеля, подписала его лично и приобщила к материалам уголовного дела [5].

По другому делу Ч., состоящая в должности дознавателя, для того, чтобы сформировать противоправное создание оснований для прекращения уголовного дела, возбужденного в отношении Г. по факту угрозы им убийством, потерпевшую М. на допрос не вызвала, и, не уточнив позицию потерпевшей М. по уголовному делу, без производства ее допроса изготовила поддельный протокол допроса потерпевшей М.

В данном протоколе Ч. указала все анкетные данные якобы допрошенной потерпевшей М., а также информацию, содержащуюся в объяснении, которое ранее дала М. участковому.

Кроме того, Ч. в изготовленном ей поддельном протоколе допроса указала мнимые показания М. о ее примирении с подозреваемым Г. и заглаживании им нанесенного ей вреда. После этого Ч. в данном протоколе выполнила все подписи и рукописную запись от имени М.: «С моих слов напечатано верно, мною прочитано», а также собственноручно подписала протокол от имени дознавателя С. Данный, несоответствующий действительности протокол, Ч. приобщила к материалам уголовного дела, возбужденного в отношении Г.

Далее Ч. вынесла незаконное постановление, которым уголовное дело в отношении Г. было прекращено. В данном постановлении Ч. сослалась на сфабрикованный ею протокол допроса М. Затем Ч. приобщила указанное незаконное постановление к материалам уголовного дела [6].

К способам совершения анализируемых преступных деяний необходимо отнести следующие:

- внесение сведений, касающихся времени, места производства следственного действия (либо ОРМ), не отвечающих действительности;
- внесение изменений в экспертное заключение;

- приобщение к уголовному делу либо к материалам проверки по уголовному делу документов, являющихся фальшивыми;

- в случае непроведения какого-либо следственного действия либо ОРМ составление протокола о его проведении;

- проведение каких-либо преступных действий с доказательственной базой по делу;

- подделывание подписей участников уголовного дела;

- подделывание явки с повинной;

- внесение в протоколы информации, которая на самом деле не была сообщена допрашиваемым [7, с. 88].

Так, Ю.Г., являясь следователем, действуя с целью фальсификации доказательств, распечатала бланки протоколов допроса потерпевшего, из которых изготовила путем внесения рукописных записей протокол дополнительного допроса потерпевшего по уголовному делу, содержащий следующие ложные сведения о самом факте проведения данных следственных действий, об участии в данных следственных действиях потерпевших, разъяснении им их прав, обязанностей и ответственности, предусмотренных уголовно-процессуальным законодательством для данного вида следственного действия, а также о разъяснении порядка его проведения; о личном ознакомлении с протоколами данных следственных действий и отсутствии у них заявлений и замечаний.

После составления вышеуказанных протоколов дополнительного допроса потерпевших следователь Ю.Г., имитируя подписи указанных лиц для придания им достоверности, используя шариковую ручку, умышленно собственноручно выполнила подписи от их имени на всех страницах данных протоколов и подписала составленные вышеуказанные протоколы от своего имени, как следователя, якобы проводившего данные следственные действия.

Вышеуказанные сфальсифицированные протоколы дополнительных допросов потерпевших, имеющие важное доказательственное значение, подтверждающие факт совершения хищения имущества и его стои-

мость, следователь Ю.Г. приобщила к материалам уголовного дела [8].

Таким образом, действия Е.Г. создавали угрозу общественно опасных последствий в виде вынесения судом обвинительного приговора с учетом сфальсифицированных и недопустимых доказательств, полученных с нарушением ст. ст. 74, 75, 78 УПК РФ, привели к существенному нарушению прав граждан, а также охраняемых законом интересов общества и государства в виде подрыва авторитета правоохранительных органов.

По другому делу А.С., реализуя возникший преступный умысел на фальсификацию доказательств, предоставление суду заведомо подложного документа и недостоверных сведений, которые могли существенно повлиять на разрешение дела, желая ввести суд в заблуждение, представила суду через своего представителя по доверенности заведомо подложный документ, который был принят судом в качестве доказательств невозможности и мог существенно повлиять на решение суда – светокопию описи вложения в письмо с оттиском календарного штампа почтового отделения СОПС ФГУП «Почта России», свидетельствующий якобы о том, что индивидуальный предприниматель А.С. в установленном законом порядке уведомила работника о необходимости получить свою трудовую книжку в связи с его увольнением. В ходе данного судебного заседания переданный А.С. подложный документ был приобщен судом к материалам дела в качестве доказательства. Таким образом, А.С. совершила преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 303 УК РФ [9].

Кроме того, подбрасывание каких-либо предметов либо вещей, обладание которыми может повлечь для соответствующего лица привлечением к уголовной ответственности, и предметов, документов, могущих выступить в качестве лжедоказательств по уголовному делу, также может являться способом по рассматриваемым преступлениям. Это могут быть, к примеру, наркотики, огнестрельное оружие, боеприпасы [10, с. 151].

В качестве примера можно привести следующее уголовное дело. Являясь началь-

ником отдела по расследованию преступных посягательств в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ, А. для того, чтобы незаконным способом улучшить показатели работы отдела, предложил занимающимся незаконным сбытом наркотических средств Ш.Г. и Н.А. свое покровительство. Данное покровительство состояло в создании таких условий, которые бы исключали привлечение Ш.Г. и Н.А. к уголовной ответственности за сбыт наркотиков, в том числе в непринятии соответствующих мер к пресечению совершаемом ими сбыта наркотиков, в предупреждении Ш.Г. и Н.А. о предстоящих оперативных операциях по обнаружению лиц, которые занимаются преступным сбытом наркотических средств.

При этом по замыслу А. Ш.Г. и Н.А. необходимо было организовать приобретение крупной партии наркотика и его перемещение с помощью незнающего об этом курьера, которым должен был выступить гражданин А.С.

В указанных целях Ш.Г. и Н.А. подбросили наркотик в куртку А.С., который был использован ими в качестве перевозчика. При этом А.С. не был осведомлен о том, что его используют в качестве наркоперевозчика. В дальнейшем А. планировал задержать А.С., создав искусственную видимость обнаружения им особо тяжкого преступного деяния в области нелегального наркотического оборота.

В дальнейшем при выходе из электропоезда А.С. был задержан А. и находящимися в его подчинении сотрудниками. При личном досмотре в куртке А.С. был обнаружен и изъят не принадлежащий последнему наркотик, подложенный ему посредством преступных совместных действий Ш.Г., Н.А. и А.

Следовательно, являясь уполномоченным на производство ОРМ, А. совершил фальсификацию результатов ОРД для дальнейшего уголовного преследования А.С., заведомо не имеющего причастности к преступному деянию [11].

Ю. И. Цветков полагает, что сфальсифицировать доказательства можно такими способами, как их уничтожение или сокры-

тие [12, с. 95]. Однако фальсификация (от лат. falsificare) – это подделывание. В связи с этим, мы считаем, что фальсификация возможна только путем внесения изменений в содержание доказательств, их подмены, а также создание ранее не существовавших доказательств.

По этому вопросу высказался Г. Г. Радионов, который считает, что, принимая во внимание большое разнообразие способов видоизменения доказательственной базы, в ч. 1–3 ст. 303 УК РФ, кроме фальсификации доказательств, следует регламентировать также и альтернативные общественно опасные деяния в виде уничтожения, изъятия либо сокрытия доказательств [13, с. 16]. Таким образом, Г. Г. Радионов также не отождествляет фальсификацию доказательств и их уничтожение, предлагая отразить это путем изменения диспозиции ст. 303 УК РФ.

Следующим структурным элементом способа преступлений, предусмотренных ст. 303 УК РФ, является сокрытие содеянного, которое начинает исполняться на протяжении всех этапов преступления, поскольку преступник уже на стадии планирования беспокоится о том, каким образом он будет скрывать следы содеянного.

Последним структурным элементом способа совершения преступлений, предусмотренных ст. 303 УК РФ, является дальнейшее оказание преступного противодействия. Данный способ выделяется исходя из того, что фальсификатор, как правило, имея знания юридического характера, продолжит противодействовать расследованию преступления, начиная с отказа от дачи показаний и оканчивая своим влиянием на очевидцев содеянного и (или) уничтожением доказательственной базы по уголовному делу.

Таким образом, способ совершения рассматриваемых преступных деяний представляет собой совокупность действий, ко-

торые выражены в подготовке, совершении и сокрытии фальсификации доказательств и (или) результатов ОРД. Данная совокупность преступных действий определена должностью, которую занимает виновный, и предметом преступного посягательства.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать следующие выводы:

1. Разграничение основных составов преступлений главным образом проводится исходя из способа внешнего выражения общественно опасного посягательства. Однако в то же время способ не следует относить к обязательным признакам объективной стороны всех преступлений, вследствие того, что способ в большом количестве преступлений не имеет правового значения.

2. Преступление не может существовать в отрыве от способа его совершения, что отвечает пониманию способа в качестве отдельного признака объективной стороны.

3. На основании вышеизложенного, способ совершения рассматриваемых преступных деяний следует представить как совокупность действий, которые выражены в подготовке, совершении и сокрытии фальсификации доказательств и (или) результатов ОРД. Данная совокупность преступных действий определена должностью, которую занимает виновный, и предметом преступного посягательства. Структурными элементами способа рассматриваемых преступных деяний необходимо выделить:

– приготовление к фальсификации доказательств и (или) результатов ОРД (приискание средств, соучастников, иное создание необходимых условий);

– совершение фальсификации доказательств по уголовному делу и (или) результатов ОРД;

– сокрытие содеянного (в различных формах может иметь место на любой стадии преступного деяния).

ЛИТЕРАТУРА

1. Яценко Б. В. Способ совершения преступления в уголовном праве // Вестник Российской правовой академии. 2011. № 4. С. 77–81.

-
-
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 5 апреля 2021 г.) // СПС «Консультант Плюс».
 3. Сафронов А. Ю. Способ совершения преступления по уголовным делам о фальсификации доказательств и (или) результатов оперативно-разыскной деятельности // Алтайский юридический вестник. 2017. № 4 (20). С. 122–127.
 4. Гринь М. В. Понятие и виды неоконченного преступления // Уникальные исследования XXI века. 2015. № 1 (1). С. 45–48.
 5. Приговор Петропавловск-Камчатского городского суда № 1-87/2020 от 6 мая 2020 г. по делу № 1-87/2020 // СПС «Консультант Плюс».
 6. Приговор Октябрьского районного суда г. Барнаула № 1-185/2018 от 19 июня 2018 г. по делу № 1-185/2018 // СПС «Консультант Плюс».
 7. Сафронов А. Ю. Расследование фальсификации доказательств по уголовному делу и результатов оперативно-розыскной деятельности: дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2020. 226 с.
 8. Приговор Тракторозаводского районного суда г. Челябинска № 1-113/2020 от 19 февраля 2020 г. по делу № 1-113/2020 // СПС «Консультант Плюс».
 9. Постановление Барабинского районного суда Новосибирской области № 1-21/2020 1-342/2019 от 21 мая 2020 г. по делу № 1-21/2020 // СПС «Консультант Плюс».
 10. Метельский П. С. Уголовная ответственность за фальсификацию результатов оперативно-розыскной деятельности // Вестник Омского университета. 2019. № 3.
 11. Приговор Петуховского районного суда Курганской области № 1-48/2015 от 1 сентября 2015 г. по делу № 1-48/2015 // СПС Консультант Плюс.
 12. Цветков Ю. А. Вопросы объективной стороны фальсификации доказательств // Уголовное право. 2016. № 6.
 13. Радионов Г. Г. Уголовная ответственность за фальсификацию доказательств и результатов оперативно-розыскной деятельности: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2015. 28 с.

© Бердников В. Л.

А. А. ДОЛГОПОЛОВ, профессор кафедры уголовного права Кубанского государственного аграрного университета имени И. Т. Трубилина, доктор юридических наук, доцент (г. Краснодар)

A. A. DOLGOPOLOV, professor of the department of criminal law of the Kuban State Agrarian University, doctor of law, associate professor (Krasnodar)

А. Н. ИЛЬЯШЕНКО, профессор кафедры уголовного права Кубанского государственного аграрного университета имени И. Т. Трубилина, доктор юридических наук, профессор (г. Краснодар)

A. N. ILYASHENKO, professor of the department of criminal law of the Kuban State Agrarian University, doctor of law, professor (Krasnodar)

А. В. БЕЛОКОНЬ, старший преподаватель кафедры специальных дисциплин Краснодарского университета МВД России, кандидат юридических наук (г. Краснодар)

A. V. BELOKON, senior lecturer of the department of special disciplines of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, candidate of law (Krasnodar)

К ВОПРОСУ ОБ УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКЕ В СФЕРЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ, СОВЕРШАЕМЫМ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ЗАРЕГИСТРИРОВАННОГО ОГНЕСТРЕЛЬНОГО ОРУЖИЯ

ON THE ISSUE OF CRIMINAL POLICY IN THE FIELD OF COUNTERING CRIMES COMMITTED USING REGISTERED FIREARMS

Аннотация. В статье рассматриваются отдельные вопросы уголовной политики в сфере противодействия преступлениям, совершаемым с использованием зарегистрированного огнестрельного оружия. Вносится предложение об установлении уголовной ответственности за незаконную выдачу документов, дающих право на приобретение гражданами охотничьего огнестрельного оружия. Обосновываются рекомендации по усилению контроля за оборотом охотничьего огнестрельного оружия.

Ключевые слова и словосочетания: уголовная политика, противодействие преступлениям, уголовная ответственность, оборот оружия, использование огнестрельного оружия, криминализация деяний.

Annotation. Certain issues of criminal policy in the field of combating crimes committed with the use of registered firearms are considered. A proposal is made to establish criminal liability for the illegal issuance of documents entitling citizens to purchase hunting firearms. Recommendations on strengthening control over the circulation of hunting firearms are substantiated.

Key words and phrases: criminal policy, counteraction to crimes, criminal liability, arms trafficking, use of firearms, criminalization of acts.

Эволюционирование общества приводит к усложнению отношений в социальной среде, что неизбежно влечет за собой формирование новых правовых норм, которые отвечали бы тем общественно значимым вызовам, которые возникают в результате развития общественных отношений. Особую актуальность своевременному реагированию государства на угрозы общественной безопасности придает необходимость обеспечения охраны жизни и здоровья граждан. Зачастую степень общественной опасности определенного рода деяний зависит от наличия определенных факторов либо их совокупности, которые могут способствовать совершению преступлений. Задача государства в этой связи минимизировать возможность осуществления преступного деяния. Следовательно, уголовное право должно своевременно реагировать на такого рода вызовы общественной безопасности путем криминализации соответствующих общественно опасных деяний.

Уголовная политика государства в сфере противодействия преступлениям, совершаемым с использованием зарегистрированного огнестрельного оружия, строится как на признании такого рода деяний преступлениями, так и на ужесточении контроля за оборотом оружия, который направлен, прежде всего, на предупреждение таких преступлений.

Актуальность названной проблемы, к сожалению, подтверждается произошедшими в последние годы в нашем обществе трагическими событиями. Так, 11 мая 2021 года подросток пронес оружие в школу № 175 г. Казани и открыл там стрельбу. По данным Интерфакс, девять человек погибли, среди жертв – школьники и учитель [1]. Стрелявший получил разрешение на хранение огнестрельного оружия 28 апреля 2021 года [2]. Кроме того, совершено массовое убийство в техническом колледже г. Керчи в 2018 году. Тогда погиб 21 человек [3]. Преступник легально приобрел огнестрельное оружие и патроны к нему.

Признание определенного деяния преступлением осуществляется в результате правотворческой деятельности, которая

устанавливает запреты на общественно опасные деяния под угрозой уголовного преследования. Определение в общественных отношениях критических точек, на которые должны быть нацелены уголовно-правовые нормы, требует системный подход к такому правовому феномену, как владение зарегистрированным огнестрельным оружием. Системный взгляд на данную правовую проблему заключается в дифференцированном подходе к юридической конструкции правового статуса владельца зарегистрированного огнестрельного оружия, который является вершиной правовой пирамиды. Основание этого юридического построения правовых норм составляют, прежде всего, личность владельца оружия, юридически характеризующаяся способностью соблюдения правовых норм, дающих право на приобретение оружия. Кроме этого, в качестве основания так называемой правовой пирамиды выступают государственные органы и организации, иные юридические лица, которые в процессе исследования личности будущего владельца оружия принимают соответствующие положительные решения.

В уполномоченный государственный орган в сфере оборота оружия для получения лицензии на приобретение охотничьего огнестрельного длинноствольного оружия представляются, помимо заявления и документа, подтверждающего гражданство Российской Федерации, документы о прохождении специальной подготовки и проверки знаний правил безопасности обращения с оружием, медицинская документация, свидетельствующая об отсутствии противопоказаний к владению оружием, в том числе подтверждающая отсутствие в организме следов наркотических и иных запрещенных веществ (ст. 13 Федерального закона «Об оружии») [4].

Следует учесть, что спортивное и охотничье огнестрельное гладкоствольное оружие, охотничье пневматическое и охотничье метательное оружие имеют право приобретать граждане Российской Федерации, которым выданы охотничьи билеты.

Таким образом, можно утверждать, что у гражданина Российской Федерации, впер-

вые приобретающего оружие, право на приобретение зарегистрированного огнестрельного оружия может возникнуть только при условии документально подтвержденного одобрения ряда субъектов рассматриваемых правоотношений, к которым относятся: органы здравоохранения, выдающие необходимые заключения; организации, компетентные осуществлять подготовку лиц, претендующих на владение оружием; организации, полномочные проводить проверку знаний основ безопасности обращения с оружием; организации, выдающие охотничьи билеты. Безусловно ведущим органом в сфере анализируемых правоотношений является федеральный орган исполнительной власти, уполномоченный в сфере оборота оружия, или его территориальные органы.

Следовательно, действиями выше названных субъектов в полной мере обуславливается безопасное владение гражданами зарегистрированным огнестрельным оружием. Поэтому уголовная политика государства в сфере противодействия преступлениям, совершаемым с использованием зарегистрированного оружия, должна быть направлена на неукоснительное соблюдение законности в деятельности тех субъектов правоотношений, от которых зависит легитимность приобретения гражданами зарегистрированного огнестрельного оружия.

Как представляется, в Уголовный кодекс Российской Федерации должны быть включены формальные составы преступлений, предусматривающие уголовную ответственность всех субъектов правоотношений в рассматриваемой сфере за незаконную выдачу документов, дающих право на приобретение гражданами охотничьего огнестрельного оружия.

Исходя из принципа полинормативности уголовной политики, можно констатировать, что в ее арсенал могут быть включены «различные нормативные возможности, включающие не только правовые меры воздействия, но и иные виды нормативного регулирования» [5, с. 28].

С учетом изложенного также есть основания обратить внимание на такой правовой

институт, как допуск гражданина Российской Федерации к осуществлению частной детективной (сыскной) и частной охранной деятельности, в связи с повышенной опасностью нарушения прав и свобод граждан и возникновением угроз общественной безопасности в ходе ее осуществления.

Указанная юридическая конструкция образована постановлением Правительства Российской Федерации от 14 августа 1992 г. № 587 «Вопросы частной детективной (сыскной) и частной охранной деятельности» [6], которым определено, что основанием, препятствующим допуску гражданина Российской Федерации к осуществлению частной детективной и охранной деятельности, в связи с повышенной опасностью нарушения прав и свобод граждан и возникновением угрозы общественной безопасности, является наличие полученной от соответствующих государственных органов информации: а) о причастности гражданина к организованной преступной группе (организации, группировке), в том числе экстремистской или террористической направленности; б) о намерении гражданина использовать полномочия частного детектива или частного охранника в противоправных (преступных) целях; в) о намерении гражданина получить доступ к служебному оружию, охраняемым объектам и (или) имуществу в противоправных (преступных) целях.

Данная правовая норма принята для того, чтобы избежать возможного использования правового статуса частного детектива либо частного охранника, их права на использование огнестрельного оружия во вред общественным интересам.

Вместе с тем, гражданское огнестрельное оружие несколько не уступает по своим техническим возможностям тому оружию, которое используется частными охранниками или детективными организациями, а по некоторым параметрам даже превосходит его, например, огнестрельное охотничье оружие с нарезным стволом. Поэтому представляется целесообразным систему проверки граждан, претендующих на получение лицензии

на право приобретения охотничьего огнестрельного оружия, в том числе с нарезным стволом, дополнить таким правовым институтом, как допуск к оружию, правовая основа которого сформулирована в постановле-

нии Правительства Российской Федерации от 14 августа 1992 г. № 587 (в ред. от 10 июля 2020 г.) «Вопросы частной детективной (сыскной) и частной охранной деятельности».

ЛИТЕРАТУРА

1. Источник сообщил о гибели девяти человек при стрельбе в казанской школе. Интерфакс: официальный сайт // [www. Interfax.ru/Russia/765356](http://www.interfax.ru/Russia/765356) (дата обращения: 10.02.2022).
2. Стрелявший в казанской школе получил разрешение на оружие 28 апреля. Интерфакс: официальный сайт // [www. Interfax.ru/Russia/765379](http://www.interfax.ru/Russia/765379) (дата обращения: 10.02.2022).
3. Как доступность оружия влияет на уровень насилия? Комментарий Георгия Бовта // [www. bfm. ru/news/471741](http://www.bfm.ru/news/471741) (дата обращения: 10.02.2022).
4. Об оружии: федеральный закон от 13 декабря 1996 г. № 150-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».
5. Лесников Г. Ю. Уголовная политика Российской Федерации (проблемы теории и практики): монография. М.: ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2004. С. 28.
6. Вопросы частной детективной (сыскной) и частной охранной деятельности: постановление Правительства Российской Федерации от 14 августа 1992 г. № 587 // СПС «КонсультантПлюс».

© Долгополов А. А.
 © Ильяшенко А. Н.
 © Белоконь А. В.

УДК 343.721(470)

М. М. САВЧЕНКО, доцент кафедры экономической безопасности Калининградского государственного технического университета, кандидат экономических наук (г. Калининград)

M. M. SAVCHENKO, associate professor of the department of economic security of the Kaliningrad State Technical University, candidate of economic sciences (Kaliningrad)

ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ ОБМАННЫХ ДЕЙСТВИЙ, ПОСЯГАЮЩИХ НА СОБСТВЕННОСТЬ КРЕДИТНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ, И ОТНОШЕНИЯ, ВОЗНИКАЮЩИЕ ПРИ ОТСУТСТВИИ ВОЗМОЖНОСТИ ДОЛЖНИКА УДОВЛЕТВОРИТЬ В ПОЛНОМ ОБЪЕМЕ ТРЕБОВАНИЯ КРЕДИТОРОВ

PROBLEMS OF QUALIFICATION OF FRAUDULENT ACTIONS ENCROACHING ON THE PROPERTY OF CREDIT INSTITUTIONS AND RELATIONS ARISING IN THE ABSENCE OF THE DEBTOR'S ABILITY TO SATISFY IN FULL THE CLAIMS OF CREDITORS

Аннотация. В статье аргументирован вывод о том, что в уголовно-правовых нормах, предусмотренных ст. ст. 195–197 УК РФ, отсутствует конкретизация круга субъектов данных преступлений, что обуславливает сложности для правоприменителя. В этой связи сформулирован вывод о том, что,

учитывая бланкетность данных составов, целесообразно закрепить содержание данного субъективного признака в отраслевом законодательстве. Автором предложено расширить перечень правонарушений (бездействий), связанных с банкротством, в диспозиции статьи 195 УК РФ, так как неправомерные деяния, связанные с банкротством, приобретают новые формы и содержание.

Автором выявлены противоречия между диспозициями норм о кредитном мошенничестве в сфере банкротства (ст. 195–197 УК РФ), посягающих на собственность кредитных организаций и отношения, возникающие при неспособности должника удовлетворить в полном объеме требования кредиторов, что приводит к искаженному и (или) недостоверному их толкованию и применению. В результате исследования сформулирован вывод о необходимости исключения статей 196 и 197 из УК РФ, поскольку их содержание охватывается статьей 195 УК РФ, исходя из грамматического толкования наименования и диспозиции указанной статьи, предусматривающей ответственность за любые неправомерные действия, связанные с банкротством.

Ключевые слова и словосочетания: экономика, преступления в сфере экономической деятельности, состав преступления, банкротство, кредитор, должник, обман, неправомерные действия при банкротстве, преднамеренное банкротство, фиктивное банкротство.

Annotation. The article argues the conclusion that the criminal law norms stipulated by Art. 195–197 of the Criminal Code of the RF, there is no specification of a circle of subjects of the given crimes that causes difficulties for the law-enforcer. In this regard, the conclusion is formulated that, given the blanket nature of these compositions, it is advisable to fix the content of this subjective feature in the sectorial legislation. The author proposed to expand the list of wrongful acts (omissions) related to bankruptcy in the disposition of article 195 of the Criminal Code of the RF, as wrongful acts related to bankruptcy acquire new forms and content.

The author has identified contradictions between the dispositions of the norms on credit fraud in bankruptcy (articles 195–197 of the Criminal Code of the RF), encroaching on the property of credit institutions and relations arising from the failure of the debtor to fully satisfy creditors' claims, which leads to distorted and (or) unreliable interpretation and application of them. As a result of the study a conclusion was formulated on the need to exclude articles 196 and 197 of the Criminal Code of the RF, since their content is covered by article 195 of the Criminal Code of the RF based on the grammatical interpretation of the name and disposition of the article, which provides responsibility for any unlawful actions related to bankruptcy.

Key words and phrases: economy, crimes in the sphere of economic activity, corpus delicti, bankruptcy, creditor, debtor, fraud, bankruptcy misconduct, deliberate bankruptcy, fictitious bankruptcy.

Проблемы взаимоотношений должников и кредиторов существовали в обществе еще с древних времен. Данные проблемы характеризуются появлением и развитием такого общественного института, как банкротство.

Различая условия наступления банкротства, принято выделять два критерия его наступления: юридический и финансовый. К юридическому критерию относится признание судебными инстанциями экономической несостоятельности организации (субъекта хозяйствования). С позиции финансов банкротство определяется фактическим состоянием имущества хозяйствующего субъекта.

По своей сущности процедура банкротства вполне законное явление, если действия участников процедуры банкротства не стали уголовно-наказуемыми, иными сло-

вами, криминальными. Под криминальным банкротством следует понимать недобросовестное завладение чужой собственностью.

Так, Уголовный кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ) предусматривает три основных уголовно-правовых запрета противоправных деяний, совершаемых при проведении процедуры банкротства, и уголовную ответственность за их совершение:

- статья 195 УК РФ – неправомерные действия при банкротстве;
- статья 196 УК РФ – преднамеренное банкротство;
- статья 197 УК РФ – фиктивное банкротство.

Указанные составы преступлений обусловлены следующими элементами уголовно-правовой характеристики, которые свойственны практически каждому из них:

1. Объектом преступлений указанной категории являются: общественные отношения, возникающие в сфере экономической деятельности и направленные на защиту, охрану, а также стабилизацию законных интересов всех участников данных отношений. Предметами данных преступлений выступают: различное имущество, независимо от форм его собственности, в том числе, право на имущество; разнообразные официальные документы (учетные, бухгалтерские и т. д.), отображающие экономическую сторону деятельности организации (предприятия).

2. Объективной стороной преступлений указанной категории следует считать: деяния, выражающиеся в сокрытии или же в утаивании того или иного имущества, информации, носителей; в передаче во владение другим лицам имущества; в уничтожении и фальсификации документированной информации и т. д.

3. Субъектами вышеуказанных преступлений являются: вменяемые лица, достигшие 16-летнего возраста. Таковыми могут являться: руководители либо учредители организаций (предприятий), индивидуальные предприниматели, а также работники тех или иных организаций (предприятий). Однако перечень обозначенных лиц является оценочным и на законодательном уровне не закреплен.

4. Субъективной стороне анализируемых преступлений присущ прямой умысел. В данном случае противоправные действия (бездействия) совершаются преднамеренно, осознанно и целенаправленно.

Исходя из содержания диспозиции статьи 195 УК РФ под неправомерными действиями при банкротстве следует понимать такие деяния, сопряженные с причинением крупного ущерба, которые были направлены на сокрытие имущества, а также утаивание, подделку либо уничтожение финансовых документов должника, только в случае, если перечисленные действия совершены при наличии признаков банкротства.

В соответствии со статьей 196 УК РФ преднамеренное банкротство образуют деяния, повлекшие за собой причинение круп-

ного ущерба, умышленно направленные на искусственное создание таких условий, при которых должник не может в полной мере удовлетворить требованиям кредиторов по денежным обязательствам и (или) выполнить обязанности по уплате установленных обязательных платежей.

Согласно статьи 197 УК РФ, под фиктивным банкротством законодателем понимаются деяния, сопряженные с причинением крупного ущерба, которые направлены на заведомо ложное публичное объявление руководителем или учредителем организации (предприятия) об экономической несостоятельности данного юридического лица, а равно гражданином, в том числе индивидуальным предпринимателем, о своей несостоятельности.

В диспозициях статей 196 и 197 УК РФ законодателем используется признак «заведомость» действий, влекущих негативные преступные последствия, поскольку добросовестность участия хозяйствующего субъекта в реализации хозяйственных отношений позволила бы избежать банкротства. В пользу этого умозаключения свидетельствует анализ уголовных дел о преднамеренном банкротстве, расследование которых свидетельствует об использовании в качестве доказательственной информации заключений судебно-экономической, судебно-бухгалтерской экспертизы о результатах деятельности должника в финансово-хозяйственной сфере [1, с. 124].

Анализ научной литературы позволил сформулировать вывод о том, что наличие признака заведомости свидетельствует о том, что виновный причиняет крупный ущерб, действуя с прямым умыслом с целью создания или увеличения неплатежеспособности должника ввиду его банкротства и сокрытия имеющихся активов [2, с. 48; 3, с. 20–21; 4, с. 74].

В Постановлении Правительства Российской Федерации от 27 декабря 2004 г. № 855 «Об утверждении Временных правил проверки арбитражным управляющим наличия признаков фиктивного и преднамеренного банкротства» раскрыт порядок

определения характерных преднамеренному банкротству признаков. Так, преступными неправомерными действиями при банкротстве признаются те действия, которые совершаются при наличии признаков и состояния банкротства и осуществляются с целью дезориентирования кредиторов и искажения порядка осуществления процедуры банкротства. В случае же преднамеренного банкротства преступными действиями следует считать целенаправленные действия, совершенные и окончившиеся до начала процедуры банкротства, а равно действия, осуществляемые с целью неисполнения тех и иных имущественных обязательств при наличии реальной финансовой возможности их исполнения.

В ходе анализа действующего законодательства усматриваются проблемы при определении субъектного состава вышеуказанных преступлений, и этот вопрос в настоящее время остается недостаточно изученным. Так, согласно Федеральному закону от 29 декабря 2014 г. № 476-ФЗ, в субъектный состав всех преступных деяний, предусмотренных ст. ст. 195, 196 и 197, с 1 июля 2015 г. в качестве исполнителя включены физические лица (граждане).

В соответствии со ст. 168 Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ (в редакции Федерального закона от 2 июля 2021 г. № 353-ФЗ) «О несостоятельности (банкротстве)» субъектами указанных преступлений могут быть должностные лица следующих организаций: стратегических предприятий и организаций, градообразующих, финансовых и сельскохозяйственных организаций; субъектов естественных монополий.

В приведенном выше нормативно-правовом акте используется такое понятие, как «руководитель должника». Данное понятие, исходя из количественного критерия, можно условно разделить на две группы:

– единоличные исполнительные органы юридического лица, к которым относятся: директор, генеральный директор, президент и т. д., осуществляющие в соответствии с действующим законодательством деятель-

ность от имени юридического лица без доверенности;

– коллегиальные исполнительные органы юридического лица, к которым относятся: советы, правления и т. д. В данном случае подлежит уголовной ответственности не только соответствующий руководитель коллегиального органа, но и члены правления, совета директоров, при условии доказанности отнесения их к лицам, осуществляющим контроль должника [5, с. 35–36; 2, с. 48; 6, с. 39; 7, с. 59–60; 8, с. 49].

В Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21 декабря 2017 г. № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве» дано разъяснение о том, кого следует относить к лицам, осуществляющим контроль в отношении должника. К таковым, исходя из пункта 3 данного Постановления, следует относить лиц, имеющих фактическую возможность обязывать должника исполнять определенные указания, либо в иной форме определять его действия. Также данное определение содержится в соответствующем отраслевом законодательстве (п. 3 ст. 53.1 ГК РФ, п. 1 ст. 1.10 Закона о банкротстве).

По мнению И. Михайленко, «...к уголовной ответственности за преднамеренное и фиктивное банкротство могут быть также привлечены руководители временной администрации кредитной организации» [9, с. 39].

При этом необходимо иметь в виду, что руководители временной администрации кредитной организации могут осуществлять деятельность от имени кредитной организации без доверенности в случае приостановления полномочий исполнительных органов кредитной организации.

Учитывая вышеизложенное можно сделать вывод о том, что в законодательстве отсутствует единая нормативная регламентация субъекта преступлений, связанных с банкротством. Однако анализ сложившейся юридической практики, а также понятийного аспекта нормативно-правовой базы, позволяет сделать вывод о том, что субъек-

том уголовного преследования по уголовным делам данной категории может выступать только физическое лицо, являющееся участником правоотношений банкротства. Действия указанного субъекта должны быть неоспоримо противоправными ввиду того, что уголовная ответственность не может наступать за правомерные действия. Ввиду чего, признаки противоправности и виновности такового субъекта также должны быть регламентированы уголовным законом (Общей и Особенной частями УК РФ), ибо фактически не может быть уголовной ответственности за деяние, которое не предусмотрено в уголовном законодательстве в качестве преступления (статья 3 УК РФ).

В связи с этим возникает проблема доказывания противоправности указанных деяний, и эта проблема требует детального рассмотрения. Так, на законодательном уровне не регламентирована позиция о необходимости решения арбитражного суда по делу о банкротстве. Указанное решение нужно для подтверждения «неспособности должника удовлетворить требования кредиторов по денежным обязательствам, и (или) исполнить обязанность по уплате обязательных платежей», а также для подтверждения «признаков банкротства». Это позволит решить проблему определения начала уголовного преследования в отношении лица, в действиях которого усматривается криминальное банкротство.

Так, анализируя сложившуюся судебную практику, можно сделать вывод о том, что признаки преступлений, связанных с банкротством, необходимо определять только после вступления в законную силу решений, принятых в рамках процедуры арбитражного судопроизводства. При этом таковые решения должны быть предусмотрены нормами Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» и ни в коей мере не противоречить им.

Схожий подход нашёл свое подтверждение и в практической деятельности следственных органов. Так, сложившаяся юридическая практика показывает, что уго-

ловные дела о преступлениях, связанных с банкротством, как правило, возбуждаются только тогда, когда арбитражным судом уже была введена одна из процедур банкротства. Вместе с этим, правоохранительными органами должна быть получена первичная информация о признаках криминального банкротства должника, которая предоставляется либо новым руководством организации, либо арбитражным управляющим.

В результате анализа вышеизложенного следует сделать вывод о том, что уголовно-правовые запреты, установленные в статьях 195, 196 и 197 УК РФ, имеют бланкетный характер. Это обусловлено тем, что указанные статьи УК РФ отсылают правоприменителя к иным отраслям российского законодательства, регламентирующим содержание и особенности процедуры банкротства. В этой связи при производстве по уголовным делам о банкротстве определяющее значение имеет высокий уровень юридической подготовленности в сфере специального законодательства. От этого факта во многом зависит ход расследования уголовных дел указанной категории, а также объем предъявленного обвинения лицу, совершившему вышеуказанные противоправные деяния. А в некоторых случаях может иметь место и недоказуемость деяния, заключающаяся в отсутствии тех или иных признаков состава преступления. В этой связи следует помнить о том, что уголовно-наказуемыми деяниями вышеуказанной категории являются только те действия (бездействия), которые совершаются вопреки или с нарушением, а также несоблюдением процедуры банкротства. Вместе с тем, не следует забывать, что статьи 195, 196 и 197 УК РФ по конструкции объективной стороны характеризуются как нормы, содержащие в себе материальный состав. Как видно, для привлечения лица к уголовной ответственности по вышеуказанным статьям необходимо наступление общественно опасного последствия в виде причинения крупного ущерба. Это является неотъемлемым признаком вышеуказанных преступлений. Отсутствие такового влечет за собой принятие следственными

органами решения об отказе в возбуждении уголовного преследования ввиду отсутствия состава того или иного преступления.

Наиболее распространенными в практической деятельности неправомерными действиями при банкротстве следует считать: подтасовку голосов кредиторов; последовательное формирование повышенной несостоятельности организации; создание мнимого долга организации с последующей его перепродажей аффилированным юридическим (физическим) лицам; трату материальных средств должника; фиктивное оформление займов; производство сомнительных сделок; превышение пределов оплаты труда арбитражным управляющим с целью осуществления «откатов»; проведение торгов фиктивного характера без реальной конкуренции, необоснованно заниженной стоимости, а также заранее определенным лицам и т. д.

Следует указать, что подобные деяния приобретают новые, все более изощренные формы и проявления. Это создает сложность в нормативном регулировании общественных отношений, на которые посягают виновные, и невозможность их уголовного преследования. Следовательно, приобретает все большую актуальность вопрос о расширении перечня неправомерных действий (бездействий), связанных с банкротством, в нормах уголовного законодательства, которые следует изложить в диспозиции статьи 195 УК РФ.

Вместе с тем, необходимо обратить внимание, что в законодательстве Российской Федерации присутствует противоречивость диспозиций норм об обманных деяниях в сфере банкротства, посягающих на собственность кредитных организаций и отношения, возникающие при неспособности должника удовлетворить в полном объеме требования кредиторов (ст. ст. 195–197 УК РФ). Это обстоятельство приводит к искаженному и (или) недостоверному толкованию указанных норм, а следовательно, и к их неверному правоприменению. Складывающаяся проблематика указывает на неустребованность правоприменителем данных

норм, поэтому с учетом сложившейся ситуации возникает вопрос о целесообразности исключения из российского уголовного законодательства норм о ряде обманных преступлений в сфере банкротства (статей 196 и 197 УК РФ). Это обусловлено тем, что указанные деяния могут охватываться преступлениями, предусмотренными статьей 195 УК РФ, исходя из грамматического толкования наименования и диспозиции указанной статьи, запрещающей любые неправомерные действия, связанные с банкротством.

Подводя итог вышеизложенному, можно сформулировать следующие выводы.

1. Принимая во внимание тот факт, что в уголовно-правовых нормах, предусмотренных ст. ст. 195–197 УК РФ, отсутствует конкретизация круга субъектов данных преступлений, что обуславливает сложности для правоприменителя, целесообразно, учитывая бланкетность данных составов, закрепить содержание данного субъективного признака в отраслевом законодательстве.

2. Ввиду того, что неправомерные деяния, связанные с банкротством, приобретают новые формы и содержание, становится актуальным вопрос о расширении перечня неправомерных действий (бездействий), связанных с банкротством, в диспозиции статьи 195 УК РФ.

3. В российском уголовном законодательстве имеются противоречия между диспозициями норм о кредитном мошенничестве в сфере банкротства (ст. 195–197 УК РФ), посягающем на собственность кредитных организаций и отношения, возникающие при неспособности должника удовлетворить в полном объеме требования кредиторов, что приводит к искаженному и (или) недостоверному их толкованию и применению. Учитывая это, целесообразным представляется исключение статей 196 и 197 из Уголовного кодекса Российской Федерации, поскольку их содержание охватывается статьей 195 УК РФ исходя из грамматического толкования наименования и диспозиции указанной статьи, включающей любые неправомерные действия, связанные с банкротством.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белякова Е. Г. Актуальные проблемы судебной финансово-экономической экспертизы по делам о преднамеренном банкротстве юридических лиц // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 9. С. 123–129.
2. Коренная А. А. Определение размера ущерба, причиненного преднамеренным банкротством (ст. 196 Уголовного кодекса Российской Федерации) // Арбитражный и гражданский процесс. 2021. № 1. С. 47–51.
3. Кули-Заде Т. А. К вопросу об определении ущерба при преднамеренном банкротстве // Российская юстиция. 2018. № 9. С. 20–22.
4. Осокин Р. Б. Хищение путем обмана или злоупотребления доверием (мошенничество): история, элементы и признаки состава, квалификация: монография. Тамбов: Тамбовский филиал Московского университета МВД России, 2005. 128 с.
5. Карелина С. А., Москалева О. А. Субъектный состав криминального банкротства // Законодательство. 2007. № 12. 33–39.
6. Крымов В. А. Проблемы в установлении субъекта преднамеренного банкротства // Российский судья. 2007. № 4. С. 38–40.
7. Кузнецова О. А. Фиктивное банкротство организации: коллизии гражданского, уголовного и процессуального права // Судебно-арбитражная практика Московского региона. Вопросы правоприменения. 2003. № 3. С. 58–61.
8. Осокин Р. Б. Об интеллектуально-психологических качествах субъекта мошеннических посягательств // Международный журнал психологии и педагогики в служебной деятельности. 2017. № 3. С. 49–50.
9. Михайленко И. Нарушение законодательства о мерах по предупреждению банкротства кредитных организаций // Законность. 2001. № 10. С. 36–39.

© Савченко М. М.

С. Ю. БАЛМОЧНЫХ, старший преподаватель кафедры административного права Воронежского института МВД России, кандидат юридических наук (г. Воронеж)

S. YU. BALMOCHNYKH, senior lecturer of the chair of administrative law of the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, candidate of legal sciences (Voronezh)

И. С. ПАНФЕРКИНА, доцент кафедры административного права Воронежского института МВД России, кандидат педагогических наук (г. Воронеж)

I. S. PANFERKINA, associate professor of the chair of administrative law of the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, candidate of pedagogic sciences (Voronezh)

РЕАЛИЗАЦИЯ НОРМ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА В СФЕРЕ ЮВЕНАЛЬНОЙ ЮСТИЦИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

IMPLEMENTATION OF THE STANDARDS OF INTERNATIONAL LAW IN SPHERENAL JUSTICE OF MINORS IN THE MODERN RUSSIAN CRIMINAL PROCESS

Аннотация. На основе анализа зарубежных правовых норм, решений органов уголовной юстиции стран Совета Европы раскрывается юридическое содержание международно-правовых стандартов в области отправления правосудия в отношении несовершеннолетних, совершивших преступления небольшой или средней тяжести. Отмечается, что комплекс международно-правовых норм в сфере ювенальной юстиции содержит рекомендации, регулирующие параметры отправления правосудия по делам несовершеннолетних. Рассматриваются основания для освобождения лиц в возрасте до 18 лет от уголовной ответственности в случае совершения ими противоправных деяний, не несущих серьезных последствий для потерпевшей стороны. Для этого анализируются нормы, содержащиеся в ст. ст. 25, 28, 427 УПК РФ и их соотношение с нормами международного права как основания для изменения меры наказания карательного характера на меры воспитательного воздействия. Устанавливается, что несовершеннолетний правонарушитель должен рассматриваться уголовной юстицией не как объект репрессии, а как субъект ресоциализации. Отмечается необходимость всестороннего подхода со стороны органов исполнительной власти к профилактической работе с несовершеннолетними. С этой целью анализируются существующие в настоящее время программы развития системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних в Российской Федерации. Обосновывается необходимость использовать положительный опыт отдельных субъектов нашей страны, в которых такие программы привели к положительному результату, а именно снижению подростковой преступности. Вносятся предложения о внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по модернизации производства по уголовным делам в отношении несовершеннолетних. Определяется значение международных норм для дальнейшей модернизации российского законодательства с учетом предложенных изменений.

Ключевые слова и словосочетания: несовершеннолетний преступник, прекращение уголовного преследования, международные стандарты, ресоциализация.

Annotation. Based on the analysis of foreign legal norms, decisions of the criminal justice authorities of the Council of Europe countries, the legal content of international legal standards in the field of the administration of justice for minors who have committed crimes of small or medium gravity is revealed. It is noted that the set of international legal norms in the field of juvenile justice contains recommendations that regulate the parameters of the administration of juvenile justice. The author considers the grounds for the release of persons under the age of 18 from criminal liability in the event that they commit illegal acts that do not carry serious consequences for the injured party. For this, the norms contained in Art. 25, 28, 427 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation and their relationship with the norms of international law as a basis for changing the punitive measure to measures of educational influence. It is established that a juvenile offender should be considered by the criminal justice not as an object of repression, but as a subject of resocialization. The need for a comprehensive approach on the part of executive authorities to preventive work with minors is noted. For this purpose, the current programs for the development of the system for the prevention of neglect and juvenile delinquency in the Russian Federation are analyzed. The need to use the positive experience of individual subjects of our country, in which such programs have led to a positive result, namely, a decrease in juvenile delinquency, is substantiated. Proposals are being made on amendments and additions to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation for the modernization of criminal proceedings against minors. The importance of international norms for the further modernization of Russian legislation is determined, taking into account the proposed changes.

Keywords and phrases: minor; termination of criminal prosecution, international standards, resocialization.

В новом тысячелетии обеспечение благополучного и безопасного детства является одним из актуальных направлений государственной политики Российской Федерации. В условиях развития демократии участие государства в жизни несовершеннолетних необходимо, ведь именно так строится правовое государство, молодое поколение в котором должно быть ориентировано на правильные жизненные цели и задачи. В последние десятилетия многими учеными-процессуалистами в своих исследованиях затрагиваются актуальные вопросы, связанные с организационными проблемами обеспечения прав и законных интересов несовершеннолетних при отправлении правосудия [1], необходимостью использования зарубежного опыта осуществления уголовного судопроизводства с участием подростков [2], реализацией концепции ювенальной юстиции в производстве по делам лиц, не достигших совершеннолетия в России [3]. Среди негативных явлений, влияющих на становление и развитие высокоразвитого молодого поколения, в настоящее время следует остановиться на противоправных деяниях несовершеннолетних. К сожалению, преступность лиц, не достигших 18 лет, один из элементов сегодняшней действительности.

Так, по официальным данным Генеральной прокуратуры Российской Федерации только в 2019 г. до 145 тысяч выросло количество несовершеннолетних, которые были поставлены на учет в подразделениях по делам несовершеннолетних, за 2020 г. – до 142 тысяч. При этом более 70 тысяч из них совершили административные деликты до 16 лет [4]. Например, согласно статистическим данным Администрации Выборгского района г. Санкт-Петербурга за 9 месяцев 2021 г. составлено 379 административных протоколов по линии несовершеннолетних [5].

О серьезности ситуации говорит и то, что преступность несовершеннолетних за указанный период времени сохраняется на высоком уровне. Так, в 2017–2019 годах каждое двадцать пятое (4 %) преступление совершено несовершеннолетними, в 2020 году – каждое двадцать седьмое (3,7 %). Всего к уголовной ответственности было привлечено 37 953 подростка, которые совершили 41 548 преступлений. Кроме того, наблюдается угрожающая тенденция к росту тяжких и особо тяжких преступлений несовершеннолетних. Если в 2018 году их было 9716, то в 2019 году – 10 113, в 2020 году – 9797 [6]. Увеличилось количество преступлений, сопряженных с экстремизмом, на почве национальной ненависти и вражды.

Такие явления в структуре преступности среди молодежи указывают на изменение мотивации совершаемых противоправных деяний подростков. При этом уголовная статистика отмечает ежегодный рост на 2–3 % рецидивной преступности несовершеннолетних, что вызывает особое беспокойство среди ученых-юристов и практических работников. Однако, стоит отметить тот факт, что негативные тенденции увеличения подростковой преступности в том числе связаны и с демографией, коснувшейся волны снижения рождаемости в России в определенный период. Это касается лиц, на сегодня достигших 10–15 лет, 16–18 лет.

Бесспорно и то, что в любом государстве рост противоправных деяний среди несовершеннолетних станет фактором скорейшего распространения неблагоприятных явлений в социальной сфере страны, поэтому к уровню преступности несовершеннолетних всегда обращено пристальное внимание. От эффективности работы законодательной и исполнительной власти напрямую зависит дальнейшее развитие молодого поколения как в отдельном государстве, так и в мировом сообществе в целом. Важно своевременно перенимать, внедрять и применять те нормы, которые уже используются другими странами как эффективные профилактические способы в борьбе с несовершеннолетними правонарушителями и преступниками.

В Российской Федерации государственная политика в сфере предупреждения совершения несовершеннолетними преступлений осуществляется в настоящее время органами власти на трех уровнях: федеральном, региональном и местном. Деятельность таких органов направлена на создание необходимых, благоприятных, комфортных условий для включения подрастающего поколения в социальную, экономическую и культурную жизнь страны, а также профилактическую работу, ориентированную на коррекцию девиантного поведения детей и подростков. Однако использование международного опыта в целях защиты интересов подростков при производстве по делам об административных правонарушениях или престу-

плениях, возможность замены карательных мер воспитательными в целях дальнейшего становления законопослушной личности несовершеннолетнего правонарушителя или преступника несомненно смогут дать дополнительный бонус к движению вперед в рамках гуманного отношения к подрастающему поколению в нашем государстве, даже если он допустил нарушение закона.

Как отмечает Комитет министров Совета Европы в своих Рекомендациях, в настоящее время существующая система юстиции ориентирована на совершеннолетних правонарушителей и в полной мере разрешить проблемы, связанные с подростками, совершающими противоправные деяния, она не может. В этой связи Советом Европы были разработаны новые механизмы, способные противодействовать правонарушениям лиц, не достигших 18 лет, среди которых выделим: ресоциализацию несовершеннолетних, учет потребностей и интересов потерпевших и др. При этом учитываются прежде всего меры и санкции, способные оказать воспитательное или восстановительное воздействие. В Рекомендациях сказано, что государством в лице правоохранительных органов должно поощряться стремление несовершеннолетнего правонарушителя к устранению негативных последствий своего противоправного деяния или к устранению ущерба, ставшего следствием проступка. основополагающими началами восстановительного правосудия должна стать не карательная мера от государства, а удовлетворение интересов потерпевшего. К нарушившим же правовые нормы подросткам применяться социально-реабилитационные программы, ориентированные на недопущение совершения противоправных деяний. Считаем, что данный подход наиболее приемлем для правонарушителей, чей возраст не достиг совершеннолетия. Мы солидарны с Л. В. Юрченко [7], указывающей, что восстановительный подход противодействия преступности подростков должен содержать поощрительную составляющую – положительную реакцию со стороны должностных лиц на стремление несо-

вершеннолетнего изменить свое поведение на законопослушное, осознание опасности содеянного и неизбежности наступления ответственности.

Кроме указанных Рекомендаций, существуют и иные международные правовые акты, предлагающие обращаться к программам восстановительного правосудия при отправлении уголовного судопроизводства в отношении несовершеннолетних правонарушителей. К ним относятся, например, принятые Генеральной Ассамблеей ООН в 1990 году Руководящие принципы Организации Объединенных наций для предупреждения преступности среди несовершеннолетних, Декларация участников деловой встречи Международной Сети по исследованию восстановительного правосудия для несовершеннолетних 1997 года.

Новым этапом в развитии уголовного судопроизводства в отношении несовершеннолетних можно считать принятые ООН Минимальные стандартные правила, касающиеся отправления правосудия в отношении лиц, не достигших 18 лет (далее – Пекинские правила) [8]. В них указывается на необходимость создания таких условий в правовой среде, при которых представители общественности смогут привлечь несовершеннолетних к участию в восстановительных программах или мероприятиях. Пекинские правила направлены на более грамотное, четкое, органичное, эффективное, справедливое правосудие в отношении несовершеннолетнего с целью защиты его прав в том случае, если он стал подозреваемым или обвиняемым по делу. Правилами рекомендуется не доводить уголовные дела до рассмотрения судом, а находить возможность досудебного урегулирования конфликта. Данным документом также предусматриваются принципы уголовного судопроизводства в отношении несовершеннолетних. Например, принцип обеспечения благополучия несовершеннолетнего. Суть его заключается в том, чтобы учитывать не только само содеянное противоправное деяние как нарушающее закон поведение, обстоятельства, приведшие к его совершению,

но и особенности личности, его совершившего. Еще один принцип базируется на соблюдении соразмерности степени тяжести совершенного проступка к мере наказания за него с возможностью освобождения от ответственности подростка в том случае, если воспитательными и иными мерами возможно заменить ответственность. Считаем, что с учетом таких принципов при отправлении уголовного судопроизводства возможно оценивать общественную опасность деяния несовершеннолетнего, не только принимая во внимание степень его тяжести, но и психологические аспекты личности подозреваемого (обвиняемого).

Пленумом Верховного Суда Российской Федерации (например, Постановлением от 1 февраля 2011 г. № 1, от 27 июня 2013 г. № 19) разъясняется, что при отправлении правосудия в отношении несовершеннолетнего возможно применять международно-правовые стандарты, в том числе перечисленные в Пенинских правилах. В Российской Федерации, именно опираясь на международные нормы, правила, рекомендации, в каждом конкретном случае считаем необходимым использовать возможность применения норм статей 75–78 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) (в том числе при примирении с потерпевшим по делам небольшой и средней тяжести) [9] и статей 24–28 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) (об освобождении от уголовной ответственности) [10].

Распоряжением Правительства от 22 марта 2017 г. № 520-р была утверждена Концепция развития системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних на период до 2020 года. В ней подчеркивалось, что «обеспечение благополучного и безопасного детства стало одним из основных национальных приоритетов Российской Федерации» [11]. С учетом внесенных изменений нормы реализации данной Концепции вместе с соответствующим Планом мероприятий в рамках профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних продлены до 2025 года.

Наличие вышеуказанных правовых актов свидетельствует о том, что в последние десятилетия происходит изменение направленности уголовной политики в отношении несовершеннолетних, за которой следуют и изменения в уголовно-процессуальной отрасли. Однако в связи с тем, что карательная направленность уголовной политики, в том числе и в отношении несовершеннолетних, устоялась среди правоприменителей, эти изменения, к сожалению, не всегда адекватно воспринимаются последними.

По нашему мнению, именно восстановительное правосудие способно изменить реакцию общества на противоправное деяние несовершеннолетнего, ведь именно оно служит удовлетворению частных интересов граждан, в отличие от карательного правосудия, которое служит в первую очередь интересам государства. Карательный подход противодействию преступности несовершеннолетних сегодня не приносит результата. Применение уголовного наказания в виде лишения свободы к лицу, не достигшему 18 лет, своим следствием приводит к невозможности, как правило, последних полноценно жить в обществе по возвращению в социум. Пребывание несовершеннолетних в воспитательных учреждениях закрытого типа негативно влияет на еще несформировавшуюся их личностную структуру и, наоборот, способствует проявлению таких негативных качеств, как жестокость и агрессия. Нельзя не согласиться с мнением Е. В. Марковичевой [12] в том, что в настоящее время восстановительное правосудие – одна из наиболее предпочтительных моделей реакции общества на противоправное деяние, совершенное лицом, не достигшим совершеннолетия. Полагаем, что именно такой подход должен стать основой отправления сегодняшнего правосудия в отношении подростков, допустивших нарушение закона. Тем более правовые условия для реализации в нашей стране модели восстановительного правосудия уже существуют. Так, УПК РФ предусматриваются основания прекращения уголовного дела в связи с деятельным раскаянием (ст. 28), примирением

сторон (ст. 25), а также применением принудительных мер воспитательного характера (ст. 427) [10]. Это означает, что прекратить уголовное дело, в котором несовершеннолетний выступает участником производства, с точки зрения восстановительного подхода возможно, а в некоторых случаях даже необходимо. По мнению Л. М. Карнозовой [13], прекратить уголовное преследование в отношении подростка по основаниям, предусмотренным указанными статьями уголовно-процессуального законодательства, означает «открыть ворота» для применения медиации по уголовным делам. Полагаем, что урегулировать конфликт, сложившийся в результате совершения несовершеннолетним противоправного уголовного наказуемого деяния, возможно на стадии предварительного расследования в том случае, если деяние не несет тяжких последствий. Такой подход, с одной стороны, будет способствовать осознанию подростком своего поведения, нарушающего нормы действующего законодательства, с другой – неотвратимости ответственности, а не наказания. Ведь как известно из практики, потерпевшей стороне не всегда возмещается ущерб в рамках уголовного производства, зачастую речь идет о наказании виновного, именно поэтому как результат – «наказание» не приносит ни моральной, ни материальной компенсации.

В тех субъектах Российской Федерации, где сегодня применяются указанные нормы, очевиден их положительный результат. Так, в Ростовской области, где еще с начала нового тысячелетия в деятельность судов были введены ювенальные технологии, ежегодно около 25–30 % уголовных дел в отношении несовершеннолетних обвиняемых прекращается. Кроме того, при судах появились помощники судей, наделенные специальной функцией профилактической работы с несовершеннолетними. Перечисленные меры позволили снизить показатель рецидива преступности среди несовершеннолетних [14].

Таким образом, прекращение уголовного дела в отношении несовершеннолетних в связи с примирением сторон, деятельным

раскаянием, применением принудительных мер воспитательного воздействия соответствует идеям восстановительного правосудия. Поэтому указанные основания следует активно применять на практике, так как они выступают наиболее оптимальным решением уголовного конфликта между несовершеннолетним подозреваемым (обвиняемым) и потерпевшей стороной.

Не оставляет сомнений тот факт, что любое современное общество нуждается в образованной, культурной молодежи, готовой соблюдать моральные и нравственные ценности, а значит без строго налаженной системы профилактики в предупреждении совершения противоправных деяний лицами, не достигшими 18 лет, не обойтись. В настоящее время на федеральном уровне Правительственной комиссией по делам несовершеннолетних и защите их прав [15] утвержден дополнительный комплекс мер по развитию системы профилактики совершения несовершеннолетними противоправных деяний до 2025 года. Среди таких мер выделим организацию и проведение мероприятий по повышению квалификации должностных лиц, в обязанности которых входит работа по ресоциализации несовершеннолетних через формирование моральных качеств и нравственных взглядов, правовое воспитание, разъяснение законодательства Российской Федерации, выработку привычки соблюдать нормы права, воспитание необходимости следовать закону.

За годы реализации различных целевых программ в нашем государстве удалось сформировать нормативную правовую базу, соответствующую реалиям сегодняшнего времени, найти механизмы и институты осуществления государственной политики в отношении предупреждения совершения несовершеннолетними преступных деяний,

повысить уровень координации органов исполнительной власти, участвующих в воспитании молодого поколения. Однако, как и в любой поставленной цели, останавливаться на достигнутом не стоит. В настоящее время в России успешно реализуются региональные проекты развития системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних (например, в Республике Башкортостан, Воронежской, Тульской областях и др.), эту практику необходимо продолжать и развивать. Регионам следует также активно внедрять передовой опыт субъектов Российской Федерации, например, принявших закон о запрете нахождения несовершеннолетних в ночное время в общественных местах без сопровождения взрослых, так как преступления, совершаемые лицами в возрасте до 18 лет, все чаще происходят в позднее время суток; или о запрете на продажу энергетиков несовершеннолетним – такой закон принят уже более чем в сорока субъектах Российской Федерации (например, в Республике Адыгея, Бурятии, в Краснодарском и Ставропольском краях, Курской, Липецкой, Ростовской, Рязанской и других областях). Бесконтрольное употребление подобной продукции не только приводит к истощению нервной системы несформировавшейся личности подростка, но и нередко к их девиантному поведению. В целях предупреждения совершения несовершеннолетними противоправных деяний в развитии направлений дальнейшей государственной политики следует изучать и использовать позитивный международный опыт для поиска новых возможностей и реализации новых механизмов построения правового российского государства, молодое поколение в котором ориентировано на правильные цели и жизненные приоритеты.

ЛИТЕРАТУРА

1. Борзов В. М., Надеяева Т. В. Особенности процессуальной формы отправления правосудия по уголовным делам с участием несовершеннолетних в суде первой инстанции: монография. М., Юрлитинформ, 2020. 144 с.

2. Спесивов Н. В. Реализация международных стандартов уголовного судопроизводства в отношении несовершеннолетних в современной России: монография. М.: Юрлитинформ, 2018. 159 с.
3. Шестакова Л. А. Реализация концепции ювенальной юстиции в производстве по делам несовершеннолетних в Российской Федерации: генезис, современность и перспективы: дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2015. 242 с.
4. Генеральная прокуратура Российской Федерации: портал правовой статистики // http://crimestat.ru/offenses_map (дата обращения: 10.02.2022).
5. Администрация Санкт-Петербурга: официальный сайт // <https://www.gov.spb.ru/gov/terr/reg> (дата обращения: 10.02.2022).
6. Статистические данные МВД России // <https://xn--b1aew.xn--p1ai/Deljatelnost/statistics> (дата обращения: 10.02.2022).
7. Юрченко Л. В. Некоторые проблемы развития восстановительного правосудия по делам несовершеннолетних // Российская юстиция. 2009. № 2. С. 14–17.
8. Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила) (приняты 29 ноября 1985 г. Резолюцией 40/33 на 96-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // <https://base.garant.ru/1305342/> (дата обращения: 10.02.2022).
9. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 10.02.2022).
10. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения: 10.02.2022).
11. Концепция развития системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних на период до 2020 года: утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 22 марта 2017 г. № 520-п // static.government.ru (дата обращения: 10.02.2022).
12. Марковичева Е. В. Уголовно-процессуальная политика в отношении несовершеннолетних // Сибирские уголовно-процессуальные чтения и криминалистические чтения. 2017. № 3.
13. Карнозова Л. М. Медиация как способ реагирования на деяния, запрещенные уголовным законом // Уголовно-процессуальное законодательство РФ 2001–2011 гг.: сборник научных статей / под ред. И. Б. Михайловской. М.: Проспект, 2012. С. 151–174.
14. Спесивов Н. В. Реализация международных стандартов уголовного судопроизводства в отношении несовершеннолетних в современной России: монография. М.: Юрлитинформ, 2018. С. 157.
15. О правительственной комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав: постановление Правительства Российской Федерации от 6 мая 2006 г. № 272 / <http://base.garant.ru/1355571/> (дата обращения: 10.02.2022).

© Балмочных С. Ю.

© Панферкина И. С.

УДК 343.123:343.121(470)

В. Н. ГРИГОРЬЕВ, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского института ФСИИ России, профессор Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, доктор юридических наук, профессор (г. Москва)

V. N. GRIGORYEV, leading researcher of the Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, professor of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. YA. Kikotya, doctor of law, professor (Moscow)

А. Ю. ТЕРЕХОВ, заместитель начальника Уфимского юридического института МВД России (по научной работе), кандидат юридических наук, доцент (г. Уфа)

A. YU. TEREKHOV, deputy head of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, candidate of legal sciences, associate professor (Ufa)

ВОЗБУЖДЕНИЕ УГОЛОВНОГО ДЕЛА И ПРИВЛЕЧЕНИЕ В КАЧЕСТВЕ ОБВИНЯЕМОГО

INITIATION OF A CRIMINAL CASE AND INVOLVEMENT AS AN ACCUSED

Аннотация. Продолжая начатые ранее исследования о начальном этапе уголовного преследования в российском уголовном судопроизводстве, авторы обращают внимание на тот факт, что установленный в УПК РФ законодательный алгоритм производства по уголовному делу не предусматривает конкретных норм, непосредственно определяющих взаимосвязь и соотношение актов возбуждения уголовного дела и привлечения в качестве обвиняемого. Между тем, в реальности возможны варианты как совпадения указанных актов по предмету уголовного преследования, так и их расхождения по этому предмету. Из-за отсутствия прямого разрешения такой ситуации в законе на практике возникают проблемы, не всегда имеющие очевидный выход. На основе анализа следственной и судебной практики, правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации формулируются основы взаимосвязи и соотношения актов уголовного преследования на досудебном производстве и на этой базе предлагаются дополнения в закон.

Ключевые слова и словосочетания: производство по уголовным делам, рамки производства по уголовным делам, возбуждение уголовного дела, возбуждение уголовного преследования, привлечение в качестве обвиняемого, предъявление обвинения, прекращение уголовного преследования.

Annotation. Continuing the previously begun research on the initial stage of criminal prosecution in Russian criminal proceedings, the authors draw attention to the fact that the legislative algorithm for criminal proceedings established in the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation does not provide for specific rules that directly determine the relationship and correlation of acts of initiating a criminal case and the accused. Meanwhile, in reality, a number of options are possible, both the coincidence of these acts on the subject of criminal prosecution, and their discrepancies on this subject. Due to the lack of a direct resolution of such a situation in the law, in practice problems arise that do not always have an obvious way out. Based on the analysis of investigative and judicial practice, the legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation, the foundations of the relationship and correlation of acts of criminal prosecution in pre-trial proceedings are formulated, and on this basis, amendments to the law are proposed.

Keywords and phrases: criminal proceedings, the framework of criminal proceedings, initiation of a criminal case, initiation of criminal prosecution, prosecution as an accused, indictment, termination of criminal prosecution.

Структура статьи. Предлагаемая уважаемому читателю статья, посвященная взаимосвязи и соотношению актов возбуждения уголовного дела и привлечения в качестве обвиняемого, поделена на восемь рубрик, среди которых:

1. К постановке проблемы.

2. Типичная ситуация взаимосвязи и соотношения актов возбуждения уголовного дела и привлечения в качестве обвиняемого в практике прежних лет.

3. Допустимость привлечения лица в качестве обвиняемого в совершении преступления без возбуждения по признакам состава этого преступления уголовного дела.

4. Необходимость принятия следователем отдельного процессуального решения в связи с отказом от уголовного преследования по факту, по которому было возбуждено уголовное дело, и тем более в случае его возбуждения в отношении конкретного лица.

5. Правовое значение уведомления о переквалификации действий.

6. Противоречие следственной практики последних лет правовым позициям Конституционного Суда Российской Федерации о взаимосвязи и соотношении актов возбуждения уголовного дела и привлечения в качестве обвиняемого.

7. Самая свежая судебная практика о взаимосвязи и соотношения актов возбуждения уголовного дела и привлечения в качестве обвиняемого.

8. Выводы.

Первая часть статьи была размещена в предыдущем номере журнала под названием «О взаимосвязи и соотношении актов возбуждения уголовного дела и привлечения в качестве обвиняемого». Она содержит первые четыре рубрики.

Вторая часть статьи размещена в текущем номере журнала под названием «Возбуждение уголовного дела и привлечение в качестве обвиняемого». Она содержит следующие, с пятой по восьмую рубрики.

5. Правовое значение уведомления о переквалификации действий. В материалах уголовного дела по обвинению Листочкина имеется подписанный следователем документ, озаглавленный как «Уведомление» и адресованный начальнику СИЗО для вручения следственно-арестованному Листочкину и в копиях – адвокатам. В содержании данного документа сообщается, что в ходе предварительного следствия по уголовному делу № 813840 действия обвиняемого Листочкина переквалифицированы с ч. 1 ст. 201 на ч. 4 ст. 160 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) (по эпизоду причинения материального ущерба ОАО «НПО «Сатурн»).

С учетом того, что это был единственный документ, определяющий данную ситуацию, возник вопрос о том, что стоит за этой новой процессуальной формой под названием «уведомление о переквалификации действий».

В результате предпринятого анализа материалов указанного уголовного дела выяснилось, что при производстве предварительного следствия по одному составу преступления возбужденное уголовное преследование в отношении лица завершилось привлечением этого лица в качестве обвиняемого и предъявлением ему обвинения, по другому составу – возбужденное уголовное преследование не получило процессуального завершения в рамках производства по уголовному делу, по третьему составу – уголовное преследование, выразившееся в привлечении лица в качестве обвиняемого и предъявлении ему обвинения, осуществлялось без возбуждения уголовного дела отдельно по данному составу преступления.

Все отмеченные перипетии следственного производства нашли весьма лаконичное словесное отражение в упомянутом документе. В этой связи возник вопрос о сути появившегося на практике уведомления о переквалификации действий и правовом

значении данного документа для определения рамок производства по уголовному делу.

В факте появления данного документа усматривается схожесть позиции следователя с изложенными выше правовыми позициями Конституционного Суда Российской Федерации, приведенными толкованиями закона, выводами ученых, суть которых состоит в том, что начатое по уголовному делу уголовное преследование должно получить свое логичное продолжение либо завершение с соответствующим документальным оформлением. Однако предпринятое документальное оформление принятых по делу решений в виде упомянутого уведомления вызывает критические замечания как не соответствующее установленному в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (далее – УПК РФ) порядку:

1) уголовное дело и уголовное преследование прекращается в соответствии со ст. 213 УПК РФ по постановлению следователя. Уведомляя обвиняемого Листочкина о прекращении уголовного преследования за совершение преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 201 УК РФ, следователь не вынес постановления об этом – в материалах уголовного дела в отношении Листочкина сведения о наличии подобного документа отсутствуют;

2) о привлечении лица в качестве обвиняемого за совершение преступления следователь в соответствии со ст. 171 УПК РФ выносит постановление о привлечении данного лица в качестве обвиняемого. В случае изменения или дополнения обвинения в УПК РФ также предписывается выносить постановление в соответствии с указанной ст. 171 (ст. 175) УПК РФ. На момент уведомления об изменении обвинения (21 ноября 2014 года) подобный документ также отсутствовал: постановление о привлечении Листочкина в качестве обвиняемого по уголовному делу с предъявлением ему обвинения в совершении преступлений, предусмотренных ч. 4 ст. 160 и ч. 6 ст. 290 УК РФ, датировано 24 ноября 2014 года.

Указанное уведомление по сути своей является сопроводительным письмом, к которому должны быть приложены соот-

ветствующие процессуальные документы: постановление о прекращении уголовного преследования Листочкина в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 201 УК РФ, и постановление о привлечении Листочкина в качестве обвиняемого в совершении преступлений, включая предусмотренное ч. 4 ст. 160 УК РФ. Однако на момент составления указанного уведомления подобных документов не существовало, и они в качестве приложений к нему не фигурируют.

На этом основании можно сделать вывод о том, что уведомление о переквалификации действий, являясь по сути «сопроводителькой», не имеет правового значения (имеет ничтожное правовое значение) и не может заменять предусмотренные законом соответствующие процессуальные документы, в рассматриваемой ситуации – постановление о прекращении уголовного преследования и постановление о привлечении в качестве обвиняемого (дополнении обвинения).

6. Противоречие следственной практики последних лет правовым позициям Конституционного Суда Российской Федерации о взаимосвязи и соотношении актов возбуждения уголовного дела и привлечения в качестве обвиняемого. Приведенные положения о взаимосвязи и соотношении актов возбуждения уголовного дела и привлечения в качестве обвиняемого в настоящее время прямо зафиксированы в правовых позициях Конституционного Суда Российской Федерации и уже находили свое отражение в юридической печати [1, п. 9 комм. к ст. 146; 2, с. 188–194; 3, с. 55–61; 4, с. 461–465]. Тем не менее, имеются свидетельства того, что практика их не воспринимает. По-прежнему встречаются случаи переквалификации действий и привлечения к уголовной ответственности по признакам преступлений, по которым уголовное дело не возбуждалось. Приведем характерный пример из практики последних лет.

Чистков обвиняется в хищении денежных средств путем обмана в особо крупном размере с использованием своего служебного положения, то есть в совершении преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 159

УК РФ «Мошенничество». Однако его уголовное преследование начиналось по другому составу преступления.

Возбуждение уголовного дела по факту причинения ущерба. Следственной частью СУ УМВД России по г. Н. Новгороду 25 января 2019 г. возбуждено уголовное дело № 11901220001000012 по признакам преступления, предусмотренного п. «б» ч. 2 ст. 165 УК РФ (Причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием, причинившее особо крупный ущерб) по следующему факту: в период с 15 декабря 2016 г. по 29 ноября 2017 г. неустановленное лицо, из числа руководства ООО ГК «Ютон», действуя умышленно, путем обмана при отсутствии признаков хищения, причинило особо крупный имущественный ущерб Министерству строительства Нижегородской области на сумму 7 812 014 руб. путем завышения заактивированных объемов работ над фактически выполненными при завершении строительства и оказании содействия заказчику по вводу в эксплуатацию объекта незавершенного строительства «Жилой дом с помещениями общественного назначения» по ул. Пролетарской, 4 в Канавинском районе г. Н. Новгорода. В качестве повода к возбуждению уголовного дела в постановлении указано сообщение Контрольно-счетной палаты Нижегородской области от 22 февраля 2018 г., зарегистрированное в КУСП за № 1136 от 25 января 2019 г.

Обстоятельства вмененного Чисткову причинения особо крупного ущерба. ООО ГК «Ютон» – коммерческая организация, целью которой является систематическое извлечение прибыли от выполнения строительных работ в рамках заключенных договоров подряда с контрагентами.

На основании коммерческого предложения ООО ГК «Ютон» заключило договор подряда с «Жилищно-строительным кооперативом по завершению строительства дома на Пролетарской 4» (далее – ЖСК) на сумму 133 889 480 рублей для завершения строительства и ввода в эксплуатацию объекта незавершенного строительства.

В соответствии с соглашением о предоставлении субсидии за счет средств бюджета Нижегородской области Министерством строительства Нижегородской области со счета казначейства на расчетный счет ЖСК перечислена субсидия в размере 130 039 210,77 рублей для завершения строительства и ввода в эксплуатацию объекта незавершенного строительства, при этом обязательным условием для получения субсидии было предоставление ЖСК в Министерство строительства Нижегородской области уже заключенного договора подряда на завершение строительства и необходимой проектной и финансовой документации. После перечисления субсидии на счет ЖСК денежные средства перестали быть бюджетными. На основании ст. 78.1 Бюджетного кодекса Российской Федерации бюджетные ассигнования данным учреждениям на исполнение государственного (муниципального) задания выделяются в форме субсидий. По факту, когда денежные средства поступили учреждениям, они перестают быть бюджетными и находятся в их собственности, тем самым с этого момента не применяется бюджетное законодательство. Но при этом эти учреждения не перестают быть объектом государственного (муниципального) финансового контроля.

Таким образом, следует, что в вопросах достройки объектов капитального строительства и введения их в эксплуатацию подрядчик не является получателем бюджетных средств (субсидии) и не является участником бюджетного процесса. Если между Министерством строительства Нижегородской области и подрядчиком не заключено соглашение о предоставлении субсидии, у подрядчика отсутствует специальный признак в виде открытого лицевого счета в Министерстве финансов Нижегородской области, то последний не является получателем бюджетных средств. Как следует из проекта Акта сверки расчетов между ООО ГК «Ютон» и ЖСК, «Ютон» получал все деньги от ЖСК на счета, открытые в коммерческих организациях, что подтверждает отсутствие обязательного признака получателя бюджет-

ных средств – открытие счета в Минфине. Получателем бюджетных средств является только организация, с которой заключено соглашение о предоставлении субсидии, непосредственно которой перечислены денежные средства на лицевой счет, с которого получатель субсидии осуществляет их расход на цели, предусмотренные соглашением и предоставляет отчет об использовании субсидии.

На то, что субсидия не являлась бюджетными денежными средствами при расчетах с ООО ГК «Ютон», указывает и отсутствие необходимой процедуры, поскольку при заключении договоров подряда с расчетом средствами, принадлежащими бюджету, необходимо проводить конкурс на основании законодательства о закупках и контрактной системе в сфере закупок, а не заключать договор на основании коммерческого предложения.

Субсидия предназначалась именно для завершения строительства дома на Пролетарской, 4 и цель ее предоставления достигнута: строительство завершено и объект капитального строительства введен в эксплуатацию, данный объект не является муниципальным.

Контрольно-счетная палата Нижегородской области проводила выборочный контрольный обмер выполненных работ на объекте. Согласно акту, обмерами установлено завышение заактированного объема работ над фактически выполненными на общую сумму 7 812 014,00 рублей.

На основании акта ЖСК обратился с претензией к ООО ГК «Ютон» с требованием вернуть эту сумму как неосновательное обогащение, но получив отказ, в судебном порядке с требованием о ее взыскании не обращался.

Данные обстоятельства указывают на то, что ООО ГК «Ютон» исполняло обязательство в рамках договора с ЖСК, а ЖСК, установив излишне выплаченные деньги, инициировал досудебную процедуру их взыскания, что соответствует условиям договора, арбитражному, гражданскому законодательству и обычаям делового оборота

и указывает на спор гражданско-правового характера, а не на совершение умышленного преступления путем обмана Министерства строительства Нижегородской области.

Переквалификация действий неустановленного лица. 30 апреля 2020 г. старший следователь по ОВД УМВД России по г. Н. Новгороду без предъявления обвинения в совершении преступления, предусмотренного п. «б» ч. 2 ст. 165 УК РФ, ссылаясь на ст. 38, 175 УПК РФ, выносит постановление о переквалификации, усматривая в действиях неустановленного лица преступление, предусмотренное ч. 4 ст. 159 УК РФ.

Таким образом, рассматриваемое уголовное дело было возбуждено по факту причинения ущерба. В последующем, не предъявляя Чисткову обвинение, следователь своим постановлением переквалифицировал действия неустановленного лица на хищение путем мошенничества по ч. 4 ст. 159 УК РФ.

Предъявление обвинения по уголовному делу. 16 июля 2020 г. и 10 августа 2020 г. Чисткову было предъявлено обвинение в совершении преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 159 УК РФ.

Алгоритмы производства и сложившиеся ситуации по уголовному делу в отношении Чисткова. В производстве по уголовному делу в отношении Чисткова сложились следующие ситуации:

1) возбуждено уголовное дело и начато уголовное преследование по факту преступления, предусмотренного п. «б» ч. 2 ст. 165 УК РФ;

2) уголовное преследование, начатое по факту преступления, предусмотренного п. «б» ч. 2 ст. 165 УК РФ, переквалифицировано без возбуждения нового уголовного дела и предъявления обвинения по ч. 4 ст. 159 УК РФ;

3) Чисткову предъявлено обвинение в совершении преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 159 УК РФ, по которому уголовное дело не возбуждалось.

Первая ситуация, связанная с уголовным преследованием по факту преступления, предусмотренного п. «б» ч. 2 ст. 165 УК РФ,

не вписывается в обычный законодательный алгоритм «успешного» производства по уголовному делу: по признакам данного состава преступления было возбуждено уголовное дело и начато уголовное преследование, однако обвинение по этому составу преступления никому не предъявлено и все производство ничем не завершилось.

Легитимность второй ситуации не находит своего подтверждения в действующем уголовно-процессуальном законодательстве. «Переквалификация» в этом случае, так же как и «Уведомление о переквалификации действий» по уголовному делу Листочкина, имеет ничтожное правовое значение и не может заменять предусмотренные законом соответствующие процессуальные документы – постановление о прекращении уголовного преследования, постановление о привлечении в качестве обвиняемого.

В третьей ситуации было предъявлено обвинение в совершении такого преступления, по признакам которого уголовное дело не возбуждалось.

К тому же, для всех отмеченных ситуаций характерно принятие решения об уголовном преследовании по факту/обвинению в совершении преступления по уголовному делу частного-публичного обвинения, которые в соответствии с ч. 3 ст. 20 УПК РФ возбуждаются не иначе как по заявлению потерпевшего или его законного представителя, при отсутствии такого заявления.

Следовательно, по одному составу преступления возбужденное уголовное преследование ничем не завершилось, по другому – уголовное преследование, начатое без возбуждения уголовного дела, завершилось привлечением Чисткова в качестве обвиняемого и предъявлением ему обвинения.

Субъект причинения ущерба. Ущерб в размере 7 812 014 руб. (в редакции постановления о привлечении в качестве обвиняемого от 10 августа 2020 года – ущерб в размере 5 825 652,86 руб.) причинен Чистковым, действовавшим в качестве Генерального директора ООО ГК «Ютон» – юридического лица, целью деятельности которого является извлечение прибыли при выпол-

нении строительных работ в рамках заключенных договоров подряда с контрагентами. В соответствии с п. 5.19 Устава ООО ГК «Ютон» руководство текущей деятельностью Общества осуществляется единоличным исполнительным органом Общества. В соответствии с п. 5.20 Устава единоличным исполнительным органом Общества является Генеральный директор.

Следовательно, вмененные Чисткову действия по причинению ущерба совершены членом органа управления коммерческой организации в связи с осуществлением им полномочий по управлению организацией либо в связи с осуществлением коммерческой организацией предпринимательской или иной экономической деятельности, что подпадает под признаки субъекта причинения ущерба по уголовным делам частного-публичного обвинения, предусмотренным в ч. 3 ст. 20 УПК РФ.

Кому причинен ущерб. Возбуждая уголовное дело, а в последствии переквалифицируя с п. «б» ч. 2 ст. 165 на ч. 4 ст. 159 УК РФ, органы предварительного расследования ошибочно полагают, что денежные средства в размере 7 812 014 руб. принадлежат Министерству строительства Нижегородской области, т. е. бюджету, что не соответствует установленным по уголовному делу обстоятельствам.

Между ООО ГК «Ютон» и Министерством строительства Нижегородской области отсутствуют договорные, контрактные отношения, в том числе соглашения на достройку объекта капитального строительства – дома на ул. Пролетарская, 4 в г. Н. Новгороде.

15 декабря 2016 г. на основании коммерческого предложения ООО «ГК «Ютон» заключило договор подряда с другим юридическим лицом – Жилищно-строительным кооперативом по завершению строительства дома на Пролетарской, 4 на сумму 133 889 480 рублей, при этом ЖСК не является участником бюджетного процесса в силу закона. Расчет по указанному договору производился по безналичному расчету денежными средствами, принадлежащими

ЖСК, и со счета, открытого ЖСК, а не со счета Министерства строительства Нижегородской области.

Довод о том, что ООО ГК «Ютон» – не сторона отношений с бюджетом, подтверждает и соглашение о предоставлении субсидии 328-03-02/15/17 от 22 декабря 2016 г., которое заключено между Министерством строительства Нижегородской области и ЖСК.

Это обстоятельство подтверждает также тот факт, что если бы при расчете с ООО ГК «Ютон» были бы бюджетные денежные средства, то договор подряда на основании коммерческого предложения ООО ГК «Ютон» заключить бы никто не позволил, в том числе Министерство финансов Нижегородской области, поскольку при заключении договоров подряда с расчетами средств, принадлежащих бюджету, необходимо проводить конкурс на основании бюджетного законодательства и Федеральных законов от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ (ред. от 2 июля 2021 г.) «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» [5] и от 18 июля 2011 г. № 223-ФЗ (ред. от 1 июля 2021 г.) «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» [6]. Бюджетные средства в расчетах с ООО ГК «Ютон» отсутствуют, поэтому соответствующий конкурс не проводился.

Бюджетные средства были выделены ЖСК: в соответствии с соглашением от 22 декабря 2016 г. № 328-03-02/15/17 за счет средств бюджета Нижегородской области Министерством строительства Нижегородской области со счета УФК на расчетный счет ЖСК перечислена субсидия в размере 130 039 210,77 рублей для завершения строительства и ввода в эксплуатацию объекта незавершенного строительства.

Субсидия № 328-03-02/15/17 предназначалась именно для завершения строительства дома на Пролетарской 4 и цель ее предоставления достигнута: строительство завершено и разрешением № 52RU52303000-1950-2013 от 29.11.2017 объект капитального строительства введен в эксплуатацию.

Необходимо отметить, что для получения субсидии между ЖСК и Министерством строительства Нижегородской области было 22 декабря 2016 г. заключено соответствующее соглашение, в пункте 4 которого указано, что все споры относительно переданных в качестве субсидии денежных средств разрешаются в Арбитражном суде Нижегородской области. Более того, на момент заключения соглашения от 22 декабря 2016 г. (между ЖСК и Министерством строительства Нижегородской области) уже был заключен договор подряда от 15.12.2016 между ЖСК и ООО ГК «Ютон» на сумму 133 889 480 рублей.

Таким образом, установленный счетной палатой ущерб на сумму 7 812 014 руб. был причинен (по версии следствия) юридическому лицу «Жилищно-строительный кооператив по завершению строительства дома на Пролетарской 4».

Следовательно, вмененные Чисткову действия по причинению ущерба не причинили вреда интересам государственного или муниципального унитарного предприятия, государственной корпорации, государственной компании, коммерческой организации с участием в уставном (складочном) капитале (паевом фонде) государства или муниципального образования и их предметом не являлось государственное или муниципальное имущество. То есть, Чистков не совершил такого преступления, уголовное дело о котором может быть отнесено в соответствии с ч. 3 ст. 20 УПК РФ к уголовным делам частного-публичного обвинения.

Заявление, послужившее поводом к возбуждению уголовного дела. Поводом для возбуждения уголовного дела послужило сообщение Контрольно-счетной палаты Нижегородской области, зарегистрированное в КУСП за № 1136 от 25 января 2019 г. «ЖСК по завершению строительства дома на Пролетарской 4» заявление о возбуждении уголовного дела в правоохранительные органы не подавал. При этом каких-либо претензий к объемам выполненных работ, используемым материалам ни со стороны «ЖСК по завершению строительства дома на Пролетарской 4».

тарской 4», ни со стороны компетентных органов к ООО ГК «Ютон» не имелось. Министерство строительства Нижегородской области также не обращалось с заявлением о причинении ему ущерба.

Оценка законности возбуждения уголовного дела. Возбуждение уголовного дела № 11901220001000012 по признакам преступления, предусмотренного п. «б» ч. 2 ст. 165 УК РФ, по факту причинения Министерству строительства Нижегородской области материального ущерба на общую сумму 7 812 014,00 рублей является незаконным как при первоначальной квалификации действий неустановленного лица по п. «б» ч. 2 ст. 165 УК РФ, так и после переквалификации его действий по признакам преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 159 УК РФ.

В силу положений ч. 3 ст. 20 УПК РФ уголовные дела, предусмотренные ч. 2 ст. 165 УК РФ и ч. 4 ст. 159 УК РФ, относятся к делам частно-публичного обвинения и могут быть возбуждены не иначе как по заявлению потерпевшего, за исключением случаев, если вред причинен интересам государственного или муниципального унитарного предприятия, государственной корпорации, государственной компании, коммерческой организации с участием в уставном (складочном) капитале (паевом фонде) государства или муниципального образования либо если предметом преступления явилось государственное или муниципальное имущество.

Возбуждая уголовное дело, а в последствии переквалифицируя уголовное преследование с п. «б» ч. 2 ст. 165 на ч. 4 ст. 159 УК РФ, органы предварительного расследования необоснованно полагают, что денежные средства в размере 7 812 014 руб. принадлежат Министерству строительства Нижегородской области, т. е. бюджету.

С учетом того, что денежные средства, хищение которых вменено Чисткову, бюджетными не являются, а заявлений от вероятных потерпевших – от Министерства строительства Нижегородской области (которое таковым не является ввиду отсутствия сведений о наличии ущерба) и от руководства

«Жилищно-строительного кооператива по завершению строительства дома на Пролетарской 4» о фактах хищения не поступало, указанное уголовное дело возбуждено незаконно и подлежит прекращению, поскольку в силу п. 5 ч. 1 ст. 24 УПК РФ уголовное дело не может быть возбуждено, а возбужденное уголовное дело подлежит прекращению при отсутствии заявления потерпевшего, если уголовное дело может быть возбуждено не иначе как по его заявлению.

Изложенное позволяет сделать вывод о том, что выявление в процессе расследования по основному делу признаков нового преступного события, в том числе совершенного тем же подозреваемым или обвиняемым, влечет необходимость решения вопроса о возбуждении нового уголовного дела.

Следовательно, исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод о недопустимости привлечения генерального директора ООО ГК «Ютон» Чисткова в качестве обвиняемого в совершении мошенничества в особо крупном размере, то есть преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 159 УК РФ, без возбуждения уголовного дела по признакам данного состава преступления.

7. Самая свежая судебная практика о взаимосвязи и соотношении актов возбуждения уголовного дела и привлечения в качестве обвиняемого. Приведенные выше факты из следственной практики, а также положения о взаимосвязи и соотношении актов возбуждения уголовного дела и привлечения в качестве обвиняемого из правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации получили в настоящее время особое звучание в связи с Кассационным определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 17 декабря 2020 г. № 89-УДП20-10, которая отменила приговор в части осуждения по обвинению, по которому уголовное дело не возбуждалось [7].

В Кассационном определении Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации, в частности, отмечено: «При этом из материалов уго-

ловного дела усматривается, что решение о возбуждении уголовного дела в отношении Болкоева Б. М. по факту приобретения им и передачи на хранение Б. в мае 2012 года наркотических средств массой 3452,2 г, не принималось, а инкриминируемое осужденному указанное преступление не является частью ранее возбужденного и расследуемого дела по факту незаконного сбыта наркотических средств К., поскольку данные преступления отличаются конкретными фактическими обстоятельствами, направленностью умысла осужденного при совершении в разное время преступлений и разными лицами».

В обоснование принятого решения в Определении Судебной коллегии указано, что согласно правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации стадия возбуждения уголовного дела является обязательной; актом возбуждения уголовного дела начинается публичное уголовное преследование от имени государства в связи с совершенным преступным деянием, которое обеспечивает последующие процессуальные действия органов дознания, предварительного следствия и суда и одновременно влечет необходимость обеспечения права на защиту лица, в отношении которого осуществляется обвинительная деятельность. Таким образом, возбуждение дела понимается как процедура официального начала предварительного расследования. Актом возбуждения дела создается условие для производства принудительных процессуальных действий, и обеспечиваются права заинтересованных лиц: заявителя, будущего потерпевшего и подозреваемого. При этом ч. 1 ст. 46, ч. 1 ст. 108, ст. ст. 171 и 172 УПК РФ не предполагают возможность привлечения лица в качестве подозреваемого или обвиняемого и применения в отношении него меры пресечения в связи с подозрением (обвинением), уголовное дело по поводу которого не было возбуждено.

С учетом изложенного вынесение постановления о возбуждении уголовного дела в соответствии с требованиями ст. ст. 140–146 УПК РФ является обязательным, поскольку именно этот процессуальный

документ порождает правовые основания и последствия для осуществления уголовного преследования конкретного лица и возникновение у того соответствующих прав, в том числе и право на его обжалование прокурору, в суд с целью предупреждения необоснованного ограничения прав и свобод личности [7].

Совершенно очевидно, что приведенная позиция Верховного Суда Российской Федерации по вопросу о взаимосвязи и соотношения актов возбуждения уголовного дела и привлечения в качестве обвиняемого сформирована на основе правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации. И хотя подобное толкование весьма приблизительно вытекает из норм УПК РФ, оно по сути представляет современный тренд, который определяет новое видение упомянутых институтов досудебного производства, направленное на ограничение произвола в деятельности правоохранительных органов Российской Федерации по уголовному преследованию лиц, совершивших преступления.

8. Выводы.

1. В соответствии с правовыми позициями Конституционного Суда Российской Федерации запрещается привлекать лицо в качестве подозреваемого или обвиняемого, а также изменять и дополнять ранее предъявленное обвинение в связи с совершением лицом преступления, по признакам которого уголовное дело не возбуждалось.

2. В соответствии с Кассационным определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации исключается возможность привлечения лица в качестве подозреваемого или обвиняемого, и применения в отношении него меры пресечения в связи с подозрением (обвинением), уголовное дело по поводу которого не было возбуждено.

3. Законодательный алгоритм производства по уголовному делу, установленный в УПК РФ, сам по себе непосредственно не предусматривает конкретных норм, устанавливающих взаимосвязь и соотношение актов возбуждения уголовного дела и привлече-

ния в качестве обвиняемого в соответствии с правовыми позициями Конституционного Суда Российской Федерации и современной практикой Верховного Суда Российской Федерации. Между тем, в реальности здесь возможны варианты как совпадения указанных актов по предмету уголовного преследования, так и их расхождения по этому предмету. Из-за отсутствия прямого разрешения такой ситуации в законе на практике возникают проблемы, не всегда имеющие

очевидный выход, порой получающие незаконные варианты разрешения. В этой связи предлагается установить в УПК РФ соответствующую норму, дополнив ст. 171 УПК РФ частью пятой следующего содержания:

«5. Запрещается привлекать лицо в качестве подозреваемого или обвиняемого, а также изменять и дополнять ранее предъявленное обвинение в связи с совершением лицом преступления, уголовное дело по признакам которого не было возбуждено».

ЛИТЕРАТУРА

1. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) (Смирнов А. В., Калиновский К. Б.) / под общ. ред. А. В. Смирнова. Подготовлен для системы КонсультантПлюс, 2012.

2. Григорьев В. Н. Уведомление о переквалификации действий: новая процессуальная форма? // Организация деятельности органов расследования преступлений: управленческие, правовые и криминалистические аспекты (к 60-летию кафедры управления органами расследования преступлений): Международная научно-практическая конференция 23–24 апреля 2015 г. В 2-х ч. Ч. 1. М.: Академия управления МВД России, 2015. С. 188–194.

3. Григорьев В. Н., Терехов А. Ю. Научный анализ некоторых практических явлений (об уведомлении о переквалификации действий) // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2015. № 2 (30). С. 55–61.

4. Уголовный процесс. Проблемы теории и практики: учебник для студентов вузов, обучающихся по направлению подготовки «Юриспруденция» / под ред. А. В. Ендольцевой, О. В. Химичевой. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2019. 799 с.

5. О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд: Федеральный закон от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ (ред. от 2 июля 2021 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2013. № 14. Ст. 1652.

6. О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц: федеральный закон от 18 июля 2011 г. № 223-ФЗ (ред. от 1 июля 2021 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 30 (ч. 1). Ст. 4571.

7. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 17 декабря 2020 г. № 89-УДП20-10 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 11.10.2021).

© Григорьев В. Н.

© Терехов А. Ю.

УДК 343.131.5(470)

О. А. МАКСИМОВ, заведующий кафедрой уголовного процесса Ульяновского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент (г. Ульяновск)

O. A. MAXIMOV, head of a chair of criminal procedure of Ulyanovsk State University, candidate of law, docent (Ulianovsk)

ЕДИНСТВО И УНИКАЛЬНОСТЬ ПРАВОВОГО ИНСТИТУТА ХОДАТАЙСТВ И ЖАЛОБ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

UNITY AND UNIQUENESS OF THE LEGAL INSTITUTE OF PETITIONS AND COMPLAINTS IN THE CRIMINAL PROCEEDINGS OF THE RUSSIAN FEDERATION

Аннотация. В работе раскрывается значение единства правового института ходатайств и жалоб, основанное на единстве цели, диспозитивности рассматриваемых средств, единого механизма реализации права на ходатайство и жалобу путем запуска к действию публичных полномочий процессуальных органов. Делается вывод о значительных отличиях ходатайств и жалоб как средств защиты прав и свобод лиц, вовлекаемых в уголовное судопроизводство, от иных обращений – заявлений, отводов, требований, мнений, выступлений в прениях и т. д. Содержание требований не всегда соответствует тому, как они поименованы в законе. Путаница в терминах, характерная для действующего УПК РФ, препятствует полноценной реализации права на ходатайство и жалобу, так как оставляет возможность применения при разрешении требований к процессуальным органам неспецифических средств.

Ключевые слова и словосочетания: ходатайства, жалобы, заявления, отводы, мнения, прения, уголовный процесс.

Annotation. The paper reveals the significance of the unity of the legal institution of petitions and complaints, based on the unity of purpose, the discretion of the means under consideration, a single mechanism for exercising the right to petition and complaint by launching the public powers of procedural bodies into action. The conclusion is made about the significant differences between petitions and complaints as a means of protecting the rights and freedoms of persons involved in criminal proceedings from other appeals – statements, challenges, demands, opinions, speeches in debates, etc. The content of the requirements does not always correspond to how they are named in the law. The confusion in terms, characteristic of the current Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, prevents the full implementation of the right to petition and complaint, as it leaves the possibility of using non-specific means when resolving requirements for procedural bodies.

Keywords and phrases: petitions, complaints, statements, challenges, opinions, debates, criminal proceedings.

Ходатайства и жалобы несомненно обладают общими чертами, отличающими их от иных форм обращений лиц, вовлекаемых в уголовное судопроизводство. Сходство это проявляется прежде всего в их общей волевой (правозащитной) направленности [1, с. 34; 2, с. 35]. Цель и ходатайств и жалоб как элементов уголовно-процессуальной формы – не принятие конкретного

решения или производство определенного действия, а реализация имеющихся в связи с процессуальным или реальным статусом прав и законных интересов по осуществлению судопроизводства в форме, гарантирующей достижение назначения уголовного процесса, – например, установление обстоятельства, изменение процессуального положения и т. д., – с помощью производства

требуемых действий или принятия решений. Таким образом, они направлены на приведение в «действующее», «рабочее» состояние имеющегося у обращающегося права и тем самым на организацию уголовно-процессуальной деятельности в соответствии с уголовно-процессуальной формой, гарантирующей достижение уголовного судопроизводства.

Еще один значимый момент – невозможность реализации таких прав без активности заявителя какими-либо иными уголовно-процессуальными средствами и диспозитивность таких прав. Исследователи имеют противоположную точку зрения на то, является ли право на ходатайство и жалобу диспозитивным. По мнению А. М. Юсубова, оно диспозитивно [3, с. 57]. И. С. Дикарев с этим не согласен по причине возможности реализации этого права только по усмотрению должностного лица или органа [4, с. 80].

Мы безусловно относим такое право к диспозитивному. И ходатайство, и жалоба подаются лицом, обладающим процессуальным статусом, включающим в себя право на требование от компетентных органов реализации их полномочий по принятию решений и производства действий (бездействия) по собственному решению. О диспозитивности ходатайств и жалоб свидетельствует и право на отзыв такого обращения, неминуемо влекущий отсутствие производства по такому обращению. В то же время обращение в суд процессуального органа или лица в порядке ст. ст. 105.1–109, 114, 115, 165, 214.1 и др. Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) не обладает признаком диспозитивности, так как основано на публичном требовании о реализации соответствующих функций государственных органов и должностных лиц в уголовном процессе. Активность сторон, основанная на их процессуальном статусе, – неотъемлемая часть состязательности. Основной способ ее реализации лицами, вовлеченными в уголовный процесс – ходатайства и жалобы. Таким образом, институт ходатайств и жалоб гарантирует состязательное построение процесса.

Третий объединяющий эти явления признак состоит в том, что и ходатайства и жалобы запускают к действию публичные полномочия процессуальных органов. Несмотря на отнесение процессуальных органов досудебного производства к стороне обвинения, что позволяет говорить о запрете для них «заниматься защитой личности от необоснованного обвинения» [5, с. 127–133; 6, с. 122–125], требования ст. ст. 7, 9–16, 73 УПК РФ заставляют лиц, осуществляющих предварительное расследование, прокурора и суд применять свои полномочия в интересах обращающихся лиц.

Еще один важный момент заключается в том, что и ходатайства и жалобы – требования, а не просьбы. Как уже отмечалось, они заявляются в целях реализации тех возможностей, которые заложены в публично-правовом регулировании уголовно-процессуальных отношений на нормативном уровне. Обращение с просьбой о совершении действия (принятия решения), которое не заложено в рамки уголовно-процессуальной деятельности, ни ходатайством, ни жалобой, в придаваемом нами смысле, расценено быть не может. Его можно рассматривать как просьбу и следует разрешать вне рамок уголовного дела. Кроме того, обращение с ходатайством (жалобой) само по себе влечет обязательное его рассмотрение, что также не соотносится со значением слова «просьба», предполагающим «призыв», в отличие от «требования», являющегося «притязанием», «распоряжением».

Таким образом, несмотря на существенные различия, ходатайства и жалобы представляют собой единое правосстановительное средство, что позволяет нам включать в содержание принципа права на обжалование процессуальных действий и решений (ст. 19 УПК РФ) и то и другое, и доказать единство указанного правового института. Выявленные нами существенные черты позволяют отделить «правосстановительные» ходатайства и жалобы от иных процессуальных явлений, терминологически сходных с рассматриваемыми, – ходатайств и жалоб процессуальных органов,

жалоб на окончательные решения суда и т. п.

Отграничение ходатайств и жалоб от иных форм обращений в уголовном процессе необходимо на практике для единообразия процессуального режима работы с ними.

Термин «заявление» в УПК РФ используется в различных значениях.

Обязательность предупреждения лица, подающего заявление, о преступлении об уголовной ответственности за заведомо ложный донос свидетельствует о том, что законодательно охраняемой ценностью в данном обращении является именно информация. И. А. Тутикова указывает, что если в жалобе содержатся конкретные обвинения в совершении преступления, то заявитель должен быть предупрежден об уголовной ответственности за заведомо ложный донос [7, с. 22]. Публично-правовые последствия, в большинстве (за исключением дел частного обвинения) случаев не зависящие от заявителя, не позволяют рассматривать право на подачу заявления о преступлении в качестве права диспозитивного. Отозвать поданное заявление невозможно, жалобу же и ходатайство всегда можно отозвать до момента их разрешения. Даже поданное пострадавшим лицом заявление не дает ему возможности защитить свои права и законные интересы, кроме как добиваться законного рассмотрения заявления и знать о принятых по нему решениях. Для этого требуется (в случае, если уголовное дело было возбуждено) отдельное решение о признании потерпевшим и реализация прав потерпевшего в уголовном деле. Таким образом, волевой компонент не является обязательным элементом заявления. Отмечаемая в науке отстраненность заявителя от процессуальных функций подчеркивает характер заявления о совершении преступления как информационного повода для возбуждения уголовного дела и факультативность его правоохранительной направленности.

Заявление о явке с повинной, упомянутое в ч. 1 ст. 142 УПК РФ, обладает теми же свойствами, что и заявление о преступлении, «поскольку это тоже заявление о преступлении, предположительно совершенном самим зая-

вителем, как это и указано в его заявлении» [8, с. 133]. По этой причине мы не будем останавливаться подробно на его существенных отличиях от ходатайств и жалоб.

В частях 5 и 6 ст. 6.1 УПК РФ «Разумный срок уголовного судопроизводства» упоминается возможность подачи «заявления об ускорении рассмотрения дела». Это достаточно новый вид обращения в российском уголовном процессе, при этом он отличен от ходатайств и жалоб. Специфика ходатайств и жалоб заключается, в том числе в том, что они направлены на создание юридически значимых последствий путем применения полномочий процессуальных органов. Результат же рассмотрения указанного заявления – скорее организационный, чем уголовно-процессуальный. Суд независим при рассмотрении уголовного дела и постановление председателя суда не может касаться ни существа ни процедуры рассмотрения дела. Таким образом, заявление об ускорении рассмотрения дела – не требование, а просьба, не подкреплена полномочиями процессуальных органов и, несмотря на наличие некоторых общих черт, не может быть отнесено к ходатайствам или жалобам.

Статья 64 УПК РФ предусматривает заявление об отводе как самостоятельный вид обращения. Значение заявления об отводе состоит в доведении информации о наличии обстоятельств, препятствующих участию в деле, причем при наличии таких обстоятельств лицо, ими связанное, обязано само устраниваться из дела, даже если все остальные участники процесса не возражают или желают его участия. О какой-либо диспозитивности распоряжения правом на отвод говорить также не приходится. Данный институт публично-правовой. Различия отводов и рассматриваемого нами в качестве предмета исследования института подчеркивается и тем, что заявление об отводе не может быть заявлено повторно, кроме случаев повторного заявления отвода в суде после отказа в нем на досудебной стадии (ч. 3, 4 ст. 62 УПК РФ). Ходатайства же (как и жалобы) могут быть заявлены неограниченное количество раз.

Статья 330 УПК РФ говорит о возможности заявления о том, что вследствие особенностей рассматриваемого уголовного дела образованная коллегия присяжных заседателей в целом может оказаться неспособной вынести объективный вердикт. Полагаю, что такое заявление в какой-то степени является применением правил ч. 2 ст. 61 УПК РФ о невозможности участия в уголовном процессе при наличии какой-либо заинтересованности в исходе уголовного дела применительно не к конкретному лицу, а ко всей коллегии присяжных заседателей. Так, по мнению Верховного Суда Российской Федерации, тенденциозность может быть вызвана однородностью состава коллегии присяжных [9]. Полагаю, что однородность как причина тенденциозности обуславливается тем, что однородный состав имеет общие интересы, которые не могут быть преодолены по отношению к конкретному делу. Поэтому единство возрастных, социальных, профессиональных и иных факторов ведет к односторонней, основанной на общем для всей членов коллегии, собственной заинтересованности и невозможности всесторонне и объективно оценивать обстоятельства рассматриваемого дела и принять по нему справедливый вердикт.

При этом формальных, то есть информационных критериев для признания коллегии «тенденциозной» закон не определяет и определить не сможет по причине того, что в отношении одного преступления однородная коллегия будет в состоянии вынести объективный вердикт, а в отношении другого – нет. Таким образом, оценивая коллегия по существу, заявитель выражает свою волю на определение состава суда – требует применить полномочия процессуального органа с целью защитить его от возможного необъективного вердикта. Право на это принадлежит только стороне, невозможно к реализации без заявления требования и в полной мере является диспозитивным.

Все это позволяет нам отнести рассматриваемое правовое средство к ходатайствам, несмотря на использование законодателем термина «заявление». В подтверждение нашего мнения следует также указать исполь-

зование Верховным судом термина «ходатайство» в отношении рассматриваемого инструмента в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 ноября 2005 г. № 23. Отметим, что это не явилось решающим аргументом по причине привычности достаточно вольного обращения как законодателя, так и судебной власти и правоохранительных органов с терминологическим аппаратом вообще, а в отношении различных видов обращений в уголовном процессе – в наибольшей степени. Один и тот же инструмент в различных случаях может называться по-разному, а различные средства порой имеют одинаковые названия, что, наряду с другими основаниями, и подтолкнуло нас к проведению данного исследования. Еще одним аргументом является сформулированное в том же самом Постановлении требование о мотивированности и обоснованности такого обращения.

Требование реабилитированного лица о возмещении имущественного вреда и о восстановлении трудовых, пенсионных, жилищных и иных прав (ч. 2, 3, 4, 5 ст. 135, 138, п. 1 ст. 397 УПК РФ), несмотря на непоименование его ходатайством, однозначно является таковым. Оно представляет собой диспозитивное волеизъявление о желании реализовать права, ранее предоставленные (признанные) специальными решениями процессуальных органов в связи со статусом обращающегося и имеющимися полномочиями суда. Интерес обращающегося направлен на реализацию положений, гарантирующих соблюдение процессуальной формы – защиту прав личности, вовлеченной в уголовный процесс, путем применения санкции за незаконное применение мер принуждения, что отличает его от интереса гражданского истца, направленного на обеспечение имущественного интереса путем использования уголовно-процессуального инструментария. Имеет четко выраженный явочный характер, за исключением размера вреда. В качестве основания такое ходатайство содержит ссылку на допущенные в отношении лица нарушения, при этом обращающийся не ставит вопрос об оценке этих

действий (решений), так как эта оценка уже сделана, что отличает его от жалобы, несмотря на сходность оснований требования. П. 1 ч. 1 ст. 399 УПК РФ не случайно называет такое требование ходатайством.

Согласно ст. 328 УПК РФ (ч. ч. 5, 6), кандидаты в присяжные заседатели заявляют ходатайства о невозможности участия в судебном разбирательстве, освобождении от участия в рассмотрении уголовного дела. Обстоятельства, препятствующие исполнению обязанностей присяжного заседателя указаны в пункте 2 ст. 7 Федерального закона от 20 августа 2004 г. № 113-ФЗ «О присяжных заседателях федеральных судов общей юрисдикции в Российской Федерации». Именно эти причины указывает лицо согласно ч. 4 ст. 328 УПК РФ, и данные основания представляют собой информационный повод для однозначного решения об их исключении из списка присяжных заседателей наряду с требованиями ст. 3 упомянутого Закона, ч. 3 ст. 326 УПК РФ и иными основаниями для отвода, указанными в УПК РФ. Пункт 10 Постановления Пленума Верховного суда Российской Федерации от 22 ноября 2005 г. № 23 (в действующей редакции) обязывает лицо, составляющее предварительный список присяжных заседателей, по собственной инициативе, без соответствующего заявления, проверять наличие вышеуказанных обстоятельств, как и иных обстоятельств, по закону безусловно препятствующих участию лица в качестве присяжного заседателя. Правовая позиция Конституционного Суда Российской Федерации состоит в том, что кандидаты в присяжные заседатели в случае выявления обстоятельств, которые препятствуют их участию в рассмотрении уголовного дела (ч. ч. 2, 3 ст. 3 и ст. 7 Федерального закона от 20 августа 2004 г. № 113-ФЗ «О присяжных заседателях федеральных судов общей юрисдикции в Российской Федерации», во всяком случае не допускаются к исполнению обязанностей присяжных заседателей и подлежат исключению председательствующим из предварительного списка [10; 11; 12]. Обращения с такой информацией срод-

ни отводу (самоотводу) и не имеют волевой составляющей, что не позволяет нам отнести их к ходатайствам.

Отсюда мы делаем вывод, что ходатайства, упомянутые в ч. ч. 5, 6 ст. 328 УПК РФ, подаются на основании ч. 7 ст. 326 УПК РФ, являются толчком к рассмотрению заявленного ходатайства, но не ведут к обязательному, обусловленному лишь наличием соответствующей информации, решению об освобождении лица от исполнения обязанностей присяжного заседателя. Они обладают признаками ходатайства, входящего в исследуемый нами институт, – заявляются с целью освобождения от возможного уголовно-процессуального статуса присяжного заседателя, основаны на имеющемся праве не участвовать в отправлении правосудия в качестве присяжного заседателя, могут быть заявлены или не заявлены (то есть диспозитивны), запускают к действию публичные полномочия суда.

Прения внешне представляют собой ходатайства, так как их основная цель – обосновать мнение о принятии интересующего решения. Однако целью выступления в прениях является не защита прав выступающего или лица, в чьих интересах высказывается выступающий, а принятие по делу правосудного решения. Они не запускают к использованию полномочия процессуальных органов. Приговор будет вынесен не в связи с тем, что об этом просят, а в связи с публичной необходимостью. То есть прения – не требования, в отличие от ходатайств и жалоб. Кроме того, право на прения, в отличие от ходатайств и жалоб, является не средством выражения диспозитивности, а обязательным элементом процессуальной деятельности. Таким образом, прения не выражают желание субъекта на принятие решения или совершение действия. В ст. 119 УПК РФ совершенно справедливо указано, что лицо «вправе заявить ходатайство». Таким образом, ходатайства отличаются от иных обращений тем, что они могут и не быть заявлены. Отсутствие ходатайства приводит к тому, что указанные права остаются нереализованными и не могут реализовать-

ся никаким иным образом. Аналогичный характер имеет и выступление с репликой.

В УПК РФ имеются еще несколько способов обращения лиц, вовлекаемых в уголовное судопроизводство, к процессуальным лицам и органам, ведущим уголовный процесс. Законодатель использует термины «высказывать позицию» (ч. 3 ст. 335 УПК РФ), «изложить позицию» (ч. 2 ст. 399 УПК РФ), «довести позицию» (ч. 3 ст. 473.4 УПК РФ), «разъяснить мнение» (ч. 4 ст. 80 УПК РФ), «изложить мнение» (ч. 1 ст. 248 УПК РФ), «выступить» (ч. 2 ст. 18 УПК РФ) «выступить с репликой» (ч. 4 ст. 125, ч. 6 ст. 242 УПК РФ), «обращать внимание суда» (ч. 1 ст. 284 УПК РФ), «представлять суду письменные формулировки» (ст. 244 УПК РФ). Мнения высказываются сторонами по предложению суда по различным вопросам (ч. 2 ст. 271, ст. 272, ч. 4 ст. 274 и др. УПК РФ).

Все эти обращения имеют только информационную сторону, в них выражается мнение, сообщается информация, однако не выражается интерес лица на приведение в движение механизма уголовного судопроизводства, отсутствует требование. Они не являются основанием для совершения процессуальных действий и принятия процессуальных решений, что и отличает их от жалоб и ходатайств, имеющих целевую направленность на принятие по делу каких-либо решений и совершение действий по делу.

Все это позволяет отграничить исследуемый нами правовой институт от упомянутых выше средств обращения.

Пункт 2 ч. 3 ст. 57 УПК РФ предусматривает право эксперта на заявление ходатайства о предоставлении ему дополнительных материалов, необходимых для дачи заключения, либо привлечении к производству судебной экспертизы других экспертов. Как видно уже из законодательно установленных целей данного обращения, оно не имеет своей целью реализацию процессуального интереса заявителя как личности, а направлено на реализацию профессионального интереса, экспертной инициативы [13, с. 68]. Также сложно говорить о диспозитивности такого обращения – оно вызвано не желанием реализовать свои права, а необходимостью выполнить обязанность по правильному проведению исследования. Таким образом, эксперт обращается только если это необходимо, а отказ от использования такой возможности приведет к недопустимости заключения эксперта.

Терминологическая путаница имеющая место в законодательстве оказывается значительным препятствием для реализации права на ходатайство и жалобу. Такие препятствия порождают не только обозначение в качестве ходатайства или жалобы явлений, не обладающих их признаками, но и подмена одного из них другим.

ЛИТЕРАТУРА

1. Насонова И. А. Ходатайства, жалобы, отводы: сходства и различия // Вестник Воронежского института МВД России. 2011. № 1. С. 34–38.
2. Зеленская Ю. Е. Ходатайства, жалобы: сходства и различия // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2014. № 1 (68). С. 33–40.
3. Юсубов А. М. Принцип публичности в советском уголовном процессе: дисс. ... канд. юрид. наук. Москва, 1988. 184 с.
4. Дикарев И. С. Диспозитивность в уголовном процессе России: монография / под ред. проф. А. П. Кругликова. Волгоград, 2005. 164 с.
5. Григорьев В. Н. О некоторых замечаниях к нормативным формулировкам назначения уголовного судопроизводства // Право и государство: теория и практика. 2021. № 1 (63). С. 127–133.
6. Григорьев В. Н. Нормативные формулировка назначения уголовного судопроизводства и его реальное содержание // Вестник экономической безопасности. 2021. № 2. С. 122–125.
7. Тутикова И. А. Внесудебный порядок рассмотрения жалоб участников уголовного судопроизводства (в порядке ст. 124 УПК РФ): автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2016. 32 с.

8. Тарасов А. А. О процессуальном статусе «заявитель о преступлении» // Судебная власть и уголовный процесс. 2021. № 1. С. 131–141.

9. О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих судопроизводство с участием присяжных заседателей: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 ноября 2005 г. № 23 // СПС «КонсультантПлюс» http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_56702/ (дата обращения: 27.01.2022 г.)

10. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 17 июля 2012 г. № 1478-О // <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision110426.pdf> (дата обращения: 27.01.2022 г.)

11. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 29 мая 2019 г. № 1218-О // <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision110426.pdf> (дата обращения: 27.01.2022 г.)

12. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 20 июля 2021 г. № 1445-О // <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision555345.pdf> (дата обращения: 27.01.2022 г.)

13. Дьяконова О. Г. Право эксперта заявлять ходатайства, связанные с назначением и производством экспертизы, как реализация экспертной инициативы // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2019. № 5. С. 66–78.

© Максимов О. А.

УДК 343.132:004.773.5(470)

А. В. ПОБЕДКИН, начальник кафедры уголовной политики Академии управления МВД России, доктор юридических наук, профессор (г. Москва)

A. V. POBEDKIN, head of the criminal politicians chair of the Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia, doctor of law, professor (Moscow)

**ПРОИЗВОДСТВО СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ
С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СИСТЕМ ВИДЕО-КОНФЕРЕНЦ-СВЯЗИ
НА ДОСУДЕБНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ:
РАМОЧНОСТЬ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ГАРАНТИЙ**

**PRODUCTION OF INVESTIGATIVE ACTIONS
USING VIDEO CONFERENCE COMMUNICATION SYSTEMS
IN THE PRE-COURT PROCEEDINGS:
FRAMEWORK OF PROCEDURAL GUARANTEES**

Аннотация. В статье анализируются новеллы отечественного уголовно-процессуального законодательства, предусматривающие возможность производства с использованием систем видео-конференц-связи допроса, очной ставки, опознания. Обращено внимание на широкую рамочность процессуальной регламентации производства указанных действий, что ставит под угрозу процессуальные гарантии. Рассмотрены различные варианты производства следственных действий с использованием видео-конференц-связи в зависимости от места нахождения их участников. Предлагаются наиболее приемлемые действия должностных лиц в различных ситуациях и направления совершенствования уголовно-процессуального закона.

Ключевые слова и словосочетания: видео-конференц-связь, цифровые технологии в уголовном судопроизводстве, дистанционный допрос, опознание, очная ставка.

Annotation. *The article analyzes the novelties of the domestic criminal procedural legislation, which provide for the possibility of production using video-conferencing systems for interrogation, confrontation, identification. Attention is drawn to the broad framework of the procedural regulation of the production of these actions, which jeopardizes the procedural guarantees. Various options for the production of investigative actions using video-conferencing are considered, depending on the location of their participants. The most acceptable actions of officials in various situations and directions of improving the criminal procedure law are proposed.*

Keywords and phrases: *video conferencing, digital technologies in criminal proceedings, remote interrogation, identification, confrontation.*

Использование современных информационно-телекоммуникационных технологий в уголовном судопроизводстве – самая актуальная тема в науке уголовного процесса последних лет, нередко, к сожалению, в ущерб иным актуальным процессуальным проблемам. На преувеличенные ожидания от использования таких технологий в уголовном судопроизводстве уже обращалось внимание [1, с. 15–25; 2, с. 50–55].

Технологические прорывы в истории человечества в целом не изменили существо уголовного процесса, который, конечно, воспринимал в разумных пределах отдельные результаты научно-технического прогресса. Развитие цифровых технологий не способно и не должно перевернуть уголовное судопроизводство, придать ему механистическую сущность, разрушить нравственные основы процесса, теоретические представления о доказывании, понятии и видах доказательств, роли должностного лица, ведущего производство по уголовному делу и несущего за его ход и результаты полную ответственность как процессуальную, так и иную. В этой связи не имеют оснований быть поддержанными мнения о необходимости цифровой революции в судопроизводстве [3; 4, с. 24–34]. Впрочем, многочисленные предложения о цифровизации уголовного судопроизводства и, прежде всего, уголовно-процессуального доказывания носят поверхностный лозунговый характер, мало помогающий в решении конкретных уголовно-процессуальных проблем. Один из примеров: «Привлечение информационных технологий позволит оценивать эффективность приговоров. Современная теория уголовно-процессуальных процессов доказательств виновности требует неизбежных

изменений, так как переход в цифровую эпоху связан с внедрением инновационных средств» [5, с. 226–227].

Однако после теоретического осмысления использование в уголовном судопроизводстве возможностей цифровизации, конечно, неизбежно. Об этом свидетельствует и опыт отдельных государств на постсоветском пространстве (например, в Республике Казахстан), где, к слову, цифровые технологии большей частью используются в процессуально-организационном ключе в целях ускорения доведения информации о процессуальных действиях и решениях до уполномоченных участников уголовного процесса (прокурора, защитника и т. д.). Такое направление внедрения цифровых технологий в уголовный процесс не вызывает возражений.

Более осторожного отношения требуют предложения и законодательные решения в части использования информационно-телекоммуникационных технологий, особенно, дистанционных, при производстве процессуальных действий, требующих обеспечения процессуальных гарантий прав и законных интересов участников процесса. Здесь важно руководствоваться правилом, в соответствии с которым внедрение современных технологий в уголовное судопроизводство ни в коем случае не может снижать уровень таких гарантий, а, напротив, должно выступать дополнительным средством, их усиливающим [6, с. 27–38]. При этом недопустимо ставить под угрозу и гарантии правильного установления обстоятельств по уголовному делу, которые зачастую являются одновременно и гарантиями прав человека, хотя нередко обеспечивают исключительно правильное установление значимых для уголовного дела обстоятельств.

Использование информационно-телекоммуникационных технологий именно при собирании доказательств стало особенно актуальным в условиях пандемии COVID-19. В ситуации введенных ограничений Верховный Суд Российской Федерации даже дозволил дистанционное участие в судебных разбирательствах в случаях, прямо не предусмотренных Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации (далее – УПК РФ) [7, с. 268; 8, с. 211–219].

Ясно, что действия, не разрешенные УПК РФ, даже в сложных обстоятельствах организационного характера оправданы быть не могут. Вопрос о внесении изменений в уголовно-процессуальный закон резко актуализировался. Президент Российской Федерации В. В. Путин в выступлении на расширенном заседании коллегии МВД России в 2020 г. поставил задачу проработать вопрос использования в уголовном процессе новых способов собирания доказательств, в том числе в случаях, когда участники следственных действий к месту их проведения по объективным причинам явиться не могут [9].

Поручение Президента Российской Федерации реализовано в виде Федерального закона от 30 декабря 2021 г. № 501-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации», который предусматривает возможность производства отдельных следственных действий: допроса, очной ставки, опознания – путем использования систем видео-конференц-связи.

Как и следовало ожидать, изменения в УПК РФ в целом ориентированы на случаи территориальной отдаленности участников следственных действий от места производства предварительного расследования и не способны кардинально решить проблему преодоления ограничений, введенных в условиях пандемий и эпидемий, поскольку лица, участвующие в следственных действиях, обязаны являться в орган предварительного расследования по месту своего нахождения, т. е. вступать в непосредственное общение с людьми. Другого решения

не следовало и ожидать, ибо не существует никакой реальной возможности обеспечить как необходимую деловую обстановку, так и процессуальные гарантии при дистанционном участии в следственном действии лица, находящегося по месту своего жительства, без присутствия следователя (дознателя).

С учетом этого законодатель пошел по пути использования аналогии со ст. 278.1 УПК РФ, позволяющей суду допрашивать свидетеля (потерпевшего) с использованием систем видео-конференц-связи. Однако заметные различия между правилами новой ст. 189.1 и ст. 278.1 УПК РФ существуют.

Прежде всего, ст. 189.1 УПК РФ допускает с использованием видео-конференц-связи производство не только допроса, но также очной ставки и опознания. Заметим, что в отличие от наименования ст. 193 («Предъявление для опознания») использование термина «опознание» в названии гл. 26 УПК РФ представляется более точным, поскольку суть действия состоит именно в опознании – процедуре установления тождества, осуществляемой опознаваемым [10, с. 151]. Опознание как следственное действие допускается и в ходе судебного следствия (гл. 37 УПК РФ), однако законодатель не решился разрешить его производство дистанционно. Вероятно, причины здесь исключительно организационные: проработка вопроса дистанционных следственных действий была поручена МВД России.

Однако по какой причине законодатель допустил производство с использованием систем виде-конференц-связи, кроме допроса и очной ставки, только предъявление для опознания? Вероятно, разработчики законопроекта ориентировались на ошибочную точку зрения о производности предъявления для опознания от допроса, тогда как на самом деле сутью предъявления для опознания является отождествление личности, а не сообщение вербальной информации [10, с. 149–150].

Действительно, в ходе предъявления для опознания постановка задачи осуществляется в вербальной форме, далее – наблюдение за идентификационными действиями опозна-

ющего, результат которых выражается им в вербальной форме. При этом допрос и очная ставка – действия технически статичные. Они не требуют от их участников совершения каких-либо действий, кроме вербальной коммуникации (за исключением составления протокола следственного действия), что удобно для применения дистанционных технологий, позволяющих установить связь с лицом, ведущим производство по уголовному делу. Таким образом, решение о возможности дистанционной очной ставки вполне объяснимо.

Иные следственные действия требуют производства процедур, которые по видео-конференц-связи осуществить затруднительно. Речь об активных действиях невербального характера (осмотр, освидетельствование, обыск, выемка), в том числе о перемещениях, восприятии полноценной картины обстановки следственного действия для принятия процессуальных решений в его ходе (следственный эксперимент, проверка показаний на месте).

Для таких следственных действий, производство которых не позволяет следователю (дознавателю), ведущему производство по уголовному делу, в полном объеме контролировать их ход, предусмотрена возможность направления письменного поручения о производстве следственного действия в порядке ч. 1 ст. 152 УПК РФ.

Отметим другие отличия правил, установленных ст. 198.1 УПК РФ, от правил допроса с использованием видео-конференц-связи в ходе судебного следствия. Судья по месту нахождения допрашиваемого свидетеля (потерпевшего) удостоверяет их личность (ч. 4 ст. 278.1 УПК РФ), однако такая обязанность на следователя (дознавателя) по тому же месту не возложена и, как представляется, напрасно. Правоприменитель склонен толковать закон буквально, в связи с чем процессуально удостоверить личность явившихся для производства следственного действия придется должностному лицу, ведущему производство по уголовному делу, что в условиях дистанционных технологий малоэффективно.

Обратим внимание и на то, что в ходе судебного следствия дистанционному допросу подлежит только свидетель и потерпевший. Подсудимый участвует в судебных процедурах с использованием систем видео-конференц-связи только в строго оговоренных законодателем случаях. При рассмотрении в суде первой инстанции уголовного дела по существу участие подсудимого, содержащегося под стражей, допускается в исключительных случаях в целях обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства, и только по уголовным делам о преступлениях, прямо перечисленных в ч. 6.1 ст. 241 УПК РФ. В ст. 189.1 УПК РФ прямых исключений для дистанционного допроса обвиняемого (его же участия в очной ставке) не делается. Придется опираться на косвенные признаки воли законодателя: протокол допроса, очной ставки, опознания согласно ст. 189.1 УПК РФ составляется с учетом требований статей 166, 167, 170, 189, 190, 192 и 193 УПК РФ. Обратим внимание, что ст. 173 УПК РФ в приведенный перечень не включена. Однако в ней сказано, что допрос проводится в порядке, установленном ст. 189 УПК РФ («Общие правила проведения допроса»), с изъятиями, предусмотренными ст. 173 УПК РФ. К числу изъятий относятся правила, касающиеся допроса обвиняемого сразу после предъявления ему обвинения. Повторные допросы обвиняемого производятся по его просьбе по общим правилам производства допроса, которые предусмотрены в ст. 189 УПК РФ. Исходя из изложенного можно сделать вывод: законодатель позволяет повторные допросы обвиняемого производить с использованием систем видео-конференц-связи.

Равно допустим с использованием видео-конференц-связи и допрос подозреваемого, за исключением подозреваемого, задержанного в порядке ст. 92 УПК РФ, поскольку в приведенном перечне статей, учитываемых при составлении протокола следственного действия, отсутствует ч. 4 ст. 92 УПК РФ. Соответственно и очная ставка с использованием видео-конференц-связи с участием любых ранее допрошенных лиц

при наличии существенных в них противоречий в случае необходимости может быть проведена между любыми участниками уголовного процесса.

При этом должностное лицо, осуществляющее производство по уголовному делу, вправе произвести очную ставку с использованием видео-конференц-связи при нахождении ее участников в одном помещении не по месту производства предварительного расследования. В таком случае направление поручения в порядке ч. 1 ст. 152 УПК РФ нецелесообразно, поскольку следователь (дознатель), у которого уголовное дело находится в производстве, безусловно лучше ориентируется в его обстоятельствах, чем следователь (дознатель), выполняющий поручение. Соответственно и гарантии эффективности результата очной ставки выше, когда она проводится лицом, осуществляющим расследование.

Очная ставка между участниками судопроизводства, находящимися в разных местах, территориально отдаленных друг от друга, – это вариант, который, надо полагать, законодатель имел в виду в первую очередь. Права участникам этого следственного действия следователь (дознатель), осуществляющий производство по уголовному делу, имеет возможность разъяснить самостоятельно. В полном объеме он способен и руководить следственным действием, ставить допрашиваемым лицам вопросы, отводить заданные вопросы и т. д.

При проработке проблемы использования дистанционных технологий в ходе следственных действий вызывал вопросы порядок подписания протокола следственного действия (допроса, очной ставки) допрошенными участниками уголовного судопроизводства [11, с. 451], однако законодатель решил его вполне приемлемо, ограничив при этом возможность личного прочтения протокола лицами, давшими показания, – путем оглашения протокола и направления в адрес лица, ведущего производство по уголовному делу, подписки, в которой отражается факт разъяснения участникам следственного действия прав, обязанно-

стей и ответственности, а также оглашения протокола следственного действия. В данной подписке, направляемой должностному лицу, производившему следственное действие, участники следственного действия вправе сделать замечания об уточнении или дополнении протокола. Обратим внимание, что законодатель указывает на замечания о дополнении и уточнении протокола. Заметим также, что собственноручная запись в протоколе допроса, невзирая на различные точки зрения, показаниями не является, поскольку показания все же предполагают изложение сведений устно с последующей их фиксацией в протоколе. Письменные записи без предварительного устного изложения имеют иную природу информационного сигнала. Участник следственного действия даже в ходе допроса (очной ставки) не может ни уточнить, ни дополнить протокол. Он имеет возможность лишь сделать замечания относительно его полноты и правильности.

Некоторые процессуальные сложности могут возникнуть при производстве с использованием видео-конференц-связи опознания. Наиболее сложная задача следователя (дознателя) в ходе этого следственного действия – соблюсти процессуальные требования его производства, в том числе правильно вербальным способом поставить задачу. В ст. 193 УПК РФ опущена формулировка задачи, ставящейся перед опознающим, т. е. не предусмотрена формулировка вопроса следователя (дознателя). Правильно сформулированный вопрос должен быть акцентирован на том, видел ли опознающий предъявляемых для опознания лиц, и если видел, то при каких обстоятельствах (вместо: «есть ли среди предъявляемых лиц то, о котором опознающий ранее давал показания», ибо другие предъявляемые лица могут быть знакомы ему по иным причинам). В целом применительно к предъявлению для опознания в режиме видео-конференц-связи это вполне возможно, хотя и не для всех ситуаций целесообразно.

В случае нахождения опознаваемого и опознающего в одном и том же месте, территориально отдаленном от места произ-

водства предварительного расследования, производство данного действия с использованием систем видео-конференц-связи нецелесообразно, поскольку ответственность за его законность в полном объеме несет должностное лицо, производящее следственное действие, однако именно оно и не в состоянии проконтролировать, соблюдались ли при опознании необходимые требования, в частности не допускались ли какие-либо подсказки опознающему вне зоны охватываемой видеокамерой. В рассматриваемом варианте следователю (дознавателю), у которого уголовное дело находится в производстве, затруднительно гарантировать соблюдение всех процессуальных гарантий, и прежде всего, недопустимость визуального контакта опознающего и опознаваемого до следственного действия, или иных вольных или невольных подсказок опознаваемому.

В таком случае ответственность за законность производства следственного действия должен в полном объеме нести следователь (дознаватель) по месту нахождения опознаваемого и опознающего. Иначе говоря, необходимо направлять поручение о производстве предъявления для опознания в порядке ч. 1 ст. 152 УПК РФ. Представляется, те же правила следует применять и для производства предъявления для опознания предметов и трупа, если опознающий может это сделать без использования видео-конференц-связи непосредственно.

Нахождение опознаваемого в месте производства предварительного расследования или в ином месте, территориально отдаленном от места нахождения опознаваемого, и есть те случаи, когда необходимо предъявление для опознания с использованием систем видео-конференц-связи. В самом деле организационные сложности обеспечения нахождения в одном и том же месте опознающего и опознаваемого в отдельных случаях могут оказаться непреодолимыми.

Однако именно в этом случае важно полноценное руководство ходом следственного действия следователем, производящим предъявление для опознания, его персональная ответственность за соблюдение всех

процессуальных гарантий, обеспечивающих достоверность полученного результата. Технически это представляется вполне возможным. Следователь (дознаватель) направляет соответствующее поручение по месту нахождения опознаваемого и опознающего, разъясняет порядок производства следственного действия опознающему, его права, обязанности и ответственность по видео-конференц-связи (или непосредственно, в случае нахождения опознающего по месту производства предварительного расследования) в присутствии по месту нахождения опознающего понятых и вне видео-конференц-связи между местом нахождения опознаваемого и местом нахождения опознающего. Затем в присутствии понятых и следователя (дознавателя) по месту нахождения опознаваемого порядок производства следственного действия, права, обязанности, ответственность по видео-конференц-связи разъясняются и ему, в том числе его право занять любое место среди предъявляемых для опознания. После реализации опознаваемым данного права следователь (дознаватель) подключает к сеансу видео-конференц-связи опознающего, который осуществляет процедуру идентификации.

Предъявление для опознания предметов, трупов в случае территориальной отдаленности места нахождения опознающего также целесообразно осуществлять посредством видео-конференц-связи при условии нахождения понятых в месте нахождения опознающего.

Не исключается предъявление для опознания с использованием систем видео-конференц-связи и в условиях исключаяющих визуальное наблюдение опознаваемым опознающего. Это возможно, если защитник будет находиться по месту нахождения опознающего или ему будет предоставлена возможность дистанционно наблюдать место нахождения опознающего. При этом виде-конференц-связь между опознающим и опознаваемым – односторонняя: опознающий наблюдает предъявляемых для опознания лиц, опознаваемый опознающего не видит.

С учетом особенностей опознания в условиях, исключающих визуальное наблюдение опознаваемым опознающего, отсутствие защитника в месте нахождения обвиняемого (подозреваемого) – единственный случай, при котором защитник может отсутствовать в том месте, где находится обвиняемый (подозреваемый). Очевидно, что снижение процессуальных гарантий прав и законных интересов обвиняемого (подозреваемого), участвующего в следственном действии дистанционно, в иных случаях не позволяет допустить дистанционного участия защитника в таком следственном действии.

Незаконченным представляется требование законодателя, имеющее целью компенсацию снижения уровня процессуальных гарантий прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства, заложенное в ч. 4 ст. 189.1 УПК РФ, об обязательном применении видеозаписи в ходе следственных действий, проводимых с использованием систем видео-конференц-связи. Ограничиваться видеозаписью обстоятельств, охватываемых видео-конференц-связью, явно недостаточно. Целесообразно обеспечить видеозаписью с максимальным охватом место нахождения участника следственного действия не по месту производства предварительного расследования, что выступит дополнительной гарантией недопустимости незаконного воздействия на него, в том числе в ситуациях нарушения видеосвязи.

Явно неполными являются формулировки п. 4.1 ч. 2 ст. 38 и п. 1.3 ч. 3 ст. 41 УПК РФ, предусматривающих право лица, ведущего производство по уголовному делу, давать следователю, дознавателю, органу дознания обязательное для исполнения письменное поручение об организации участия в следственном действии лица, участие которого в данном следственном действии признано необходимым. В отдельных случаях от следователя (дознавателя) по месту нахождения участника следственного действия требуется выполнение и иных действий, явно выходящих

за рамки обеспечения участия лиц в следственном действии. Например, при опознании, осуществляемом с использованием видео-конференц-связи, в случае нахождения опознаваемого вне места производства предварительного расследования, следователю (дознавателю) в этом месте придется обеспечить выполнение требования о предъявлении для опознания лиц, сходных по внешности (контроль за выполнением данного требования лежит на должностном лице, у которого уголовное дело находится в производстве). Следователь (дознаватель) по месту нахождения предмета (трупа), подлежащего опознанию, должен обеспечить его предъявление опознающему по видео-конференц-связи. Не забудем, что это же должностное лицо отвечает за установление видео-конференц-связи в части функционирования технических средств вне места производства предварительного расследования.

В этой связи в п. 4.1 ч. 2 ст. 38 и п. 1.3 ч. 3 ст. 41 УПК РФ следовало бы предусмотреть, что следователь, дознаватель в случаях, предусмотренных ст. 189.1 УПК РФ, вправе давать поручение соответственно следователю (органу дознания, дознавателю), дознавателю (органу дознания) осуществить отдельные процессуальные действия в ходе производства следственного действия, осуществляемого с использованием систем видео-конференц-связи.

Законодатель решился на первый серьезный шаг в сторону применения информационно-телекоммуникационных технологий при собирании доказательств в уголовном процессе. В настоящий момент фактически предусмотрена только такая возможность, а не процессуальный порядок. Если и можно говорить о процессуальном порядке использования дистанционных технологий в ходе следственных действий, то только как о правилах в широких рамках. Такой вариант процессуальной регламентации можно было бы признать достаточным при подготовленном правоприменителе, владеющем правилами толкования уголовно-процессуального закона, применения аналогии, выявления

смысла закона путем анализа его принципов и т. д. В современных реалиях рамочность процессуальных гарантий при производстве

следственных действий с использованием систем видео-конференц-связи вызывает серьезное беспокойство.

ЛИТЕРАТУРА

1. Головкин Л. В. Цифровизация в уголовном процессе: локальная оптимизация или глобальная революция? // Вестник экономической безопасности. 2019. № 1.
2. Победкин А. В. Этико-аксиологические риски моды на цифровизацию для уголовного судопроизводства (об ошибочности технологичного подхода к уголовному процессу) // Вестник экономической безопасности. 2020. № 3.
3. Потапов Д. В. Проблемы взаимодействия следователя, руководителя следственного органа и прокурора в досудебном производстве по уголовному делу: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2019.
4. Александров А. С. Русский уголовно-процессуальный догматизм или цифровой мир: что победит? // Юридическая истина в уголовном праве и процессе: материалы Всероссийской научно-практической конференции / под общ. ред. К. А. Калиновского, Л. А. Зашляпина. СПб., 2018.
5. Федоров А. Ф. Использование инновационных технологий в решении проблемы уголовно-процессуального доказывания // Современное уголовно-процессуальное право – уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования. Орел: ОрЮИ МВД России имени В. В. Лукьянова. Т. 2. 2021. № 1 (3).
6. Гаврилин Ю. В., Победкин А. В. Модернизация уголовно-процессуальной формы в условиях информационного общества // Труды Академии управления МВД России. 2019. № 3 (51).
7. Марковичева Е. В. Цифровые технологии в современном уголовном процессе // Современное уголовно-процессуальное право – уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования. Орел: ОрЮИ МВД России имени В. В. Лукьянова. Т. 1. 2021. № 1 (3).
8. Победкин А. В. Может ли крайняя необходимость оправдывать нарушение принципов уголовного судопроизводства (по следам пандемии) // Современные проблемы уголовного процесса: пути решения: сборник материалов 2-й Международной конференции. Уфа: Уфимский ЮИ МВД России, 2021.
9. Выступление Президента Российской Федерации В. В. Путина на расширенном заседании коллегии МВД России 3 марта 2021 г. // <http://www.kremlin.ru/events/president/news/65090> (дата обращения: 19.01.2022).
10. Победкин А. В., Яшин В. Н. Следственные действия: монография. М.: Юрлитинформ, 2016.
11. Спешилова Т. С. Об отдельных направлениях использования цифровых технологий в уголовном судопроизводстве // Развитие учения о противодействии расследованию преступлений и мерах по его преодолению в условиях цифровой трансформации: сборник научных статей по материалам Международной научно-практической конференции «62-е криминалистические чтения» / под ред. Ю. В. Гаврилина, Ю. В. Шпагиной. Москва: Академия управления МВД России, 2021.

© Победкин А. В.

УДК 343.139.5(470)

Р. М. РАМАЗАНОВ, заместитель начальника управления – начальник отдела по вопросам противодействия коррупции Управления Судебного департамента в Республике Татарстан, Заслуженный юрист Республики Татарстан (г. Казань)

R. M. RAMAZANOV, deputy head of the Department – Head of the Anti-Corruption Department of the Office of the Judicial Department in the Republic of Tatarstan, Honored Lawyer of the Republic of Tatarstan (Kazan)

ОСОБЕННОСТИ ДОПРОСА СУДОМ ЗАЩИЩАЕМЫХ ЛИЦ ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ В УСЛОВИЯХ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ

FEATURES OF COURT QUESTIONING OF PROTECTED PERSONS IN CRIMINAL CASE UNDER SECURITY CONDITIONS

Аннотация. Обеспечение безопасности участников уголовного судопроизводства регулируется в современном российском законодательстве разноотраслевыми актами, которые в совокупности образуют достаточную систему правовых средств для повышения эффективности доказательственного процесса, выполнения назначения уголовного судопроизводства. Установленный в ч. 3 ст. 11 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) перечень мер уголовно-процессуальной безопасности включает две меры: закрытое судебное заседание (п. 4 ч. 2 ст. 241 УПК РФ) и проведение допроса в судебном заседании без оглашения подлинных данных допрашиваемого и в условиях, исключающих его визуальное наблюдение другими присутствующими в зале судебного заседания (ч. 5 ст. 278 УПК РФ). Как показывает правоприменительная деятельность, допрос в судебном заседании в указанных условиях вызывает определенные проблемы, о чем свидетельствует его крайне редкое применение. В этой связи, по нашему мнению, правовая регламентация содержания ч. 5 ст. 278 УПК РФ нуждается в анализе и совершенствовании.

Ключевые слова и словосочетания: безопасность личности; допрос; судебное заседание; оглашение подлинных данных; защита свидетелей и потерпевших.

Annotation. Ensuring the safety of participants in criminal proceedings in modern Russian legislation is regulated by various sectoral acts, which together form a sufficient system of legal means to increase the effectiveness of the evidentiary process and fulfill the purpose of criminal proceedings. The list of measures of criminal procedure safety established in part 3 of article 11 to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation includes two measures: the closed court session (paragraph 4 of part 2 of article 241 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation) and conducting interrogation in court session without announcement of original data interrogated and in the conditions of excluding his visual observation by other attendees in the courtroom (part 5 of article 278 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation). As shown by law enforcement activity, interrogation in court under these conditions causes certain problems, as evidenced by its extremely rare use. In this regard, in our opinion, the legal regulation of the content of part 5 of art. 278 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation needs to be analyzed and improved.

Keywords and phrases: personal security; interrogation; court hearing; the disclosure of genuine data; protection of witnesses and victims.

Рассмотрение и исследование доказательств по уголовному делу в судебном за-

седании является основным средством установления истины в современном российском

уголовном судопроизводстве. Судебное разбирательство включает разнообразные процедуры исследования собранных органами уголовного преследования доказательств. Наиболее распространенным среди процессуальных средств установления обстоятельств, подлежащих доказыванию, является допрос. Помимо этого, допрос в судебном заседании при реализации этой процессуальной формы, установленной в ч. 5 ст. 278 УПК РФ, представляет интерес и в связи с установлением гарантий безопасности участников процесса.

Защита свидетелей и потерпевших от угроз в их адрес в связи с участием в уголовном судопроизводстве в современных условиях противодействия преступности становится актуальной задачей государственного масштаба. Этой проблеме посвящено достаточное количество научных публикаций [1, с. 225–229; 2, с. 140–143; 3, с. 180–183; 4, с. 359], в том числе посвященных непосредственно допросу в судебном заседании [5, с. 480–496; 6, с. 94–100; 7, с. 108–111].

Процесс установления обстоятельств, подлежащих доказыванию, обязывает создавать необходимые и достаточные условия для собирания, проверки и оценки полученной информации по уголовному делу. Отметим, допрос в судебном заседании в условиях, обеспечивающих безопасность, является самостоятельной мерой процессуальной безопасности, которая установлена в ч. 3 ст. 11 УПК РФ. Кроме общих условий допроса как процессуального действия, допрос в судебном заседании имеет свои специфические особенности.

Показания свидетелей и потерпевших являются наиболее распространенным видом доказательств в подавляющем количестве уголовных дел. Допрос этих участников уголовного процесса в судебном заседании отличается от допроса в досудебном производстве. Кроме того, он может быть существенно осложнен в связи с угрозами потерпевшим, свидетелям или иным участникам процесса по причине их содействия производству по уголовному делу.

Уголовно-процессуальные меры безопасности перечислены в ч. 3 ст. 11 УПК РФ. В этой связи уголовно-процессуальные нормы регулируют обязанность суда обеспечить такой допрос в условиях, исключающих в судебном заседании угрозы в отношении участников процесса (ст. 278 УПК РФ).

Обратим внимание на то, что процедура, установленная в ст. 278 УПК РФ, распространяется на проведение допроса не только свидетелей и потерпевших, но и лиц, заключивших досудебное соглашение о сотрудничестве, и дело, в отношении которых выделено в отдельное производство. Уголовно-процессуальный статус этого участника процесса установлен на основании Федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 30 октября 2018 г. № 376-ФЗ (далее – Закон № 376-ФЗ) в ст. 56.1 УПК РФ, а сам допрос регламентирован в новой статье 281.1 «Допрос и оглашение показаний лица, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство в связи с заключением с ним досудебного соглашения о сотрудничестве» [8].

В части 1 ст. 281.1 УПК РФ имеется отсылочная норма к правилам допроса такого лица – по процедуре ст. 278 УПК РФ, в которой установлена возможность допроса в условиях, исключающих визуальное наблюдение допрашиваемого иными участниками процесса и присутствующими лицами в судебном заседании. Как полагаем, правила заключения досудебного соглашения о сотрудничестве с подозреваемым или обвиняемым предполагают расследование преступления, которое совершено в соучастии. То есть личность заключившего такое соглашение уже известна другим подсудимым. В таком случае, по нашему мнению, вряд ли применение положений ч. 5 ст. 278 УПК РФ может принести ожидаемый результат для обеспечения безопасного проведения допроса и последующего режима секретности. Однако не следует исключать применение допроса в условиях, исключающих визуальное наблюдение заключившего соглашение лица в случае, когда его личность другим

соучастникам до этого момента судебного разбирательства не известна.

На содержание закона № 376-ФЗ, кроме указанных новелл (ст. 56.1 и 281.1 УПК РФ), обращено наше внимание в контексте безопасности участников уголовного процесса и в связи с дополнением ряда статей уголовно-процессуального закона: в ст. 113 УПК РФ – о возможности привода лица, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве; в ч. 5 ст. 164 УПК РФ – о предупреждении такого лица об ответственности несоблюдения или невыполнения им обязательств, предусмотренных досудебным соглашением о сотрудничестве (гл. 40.1 УПК РФ) при производстве следственных действий с его участием (умышленного сообщения ложных сведений или сокрытия правдивых и существенных обстоятельств по уголовному делу); в ст. 264 УПК РФ – об удалении лица, заключившего соглашение, и иных лиц, свидетелей из зала судебного заседания; в ст. 278 УПК РФ – о привлечении этого участника процесса к осмотру судом местности и возможности постановки ему судом вопросов; в ст. 288 УПК – об участии в следственном эксперименте, проводимом судом.

Перечисленные изменения в отдельных статьях УПК РФ, которые в целом не устанавливают меры безопасности, вместе с тем не содержат обязанности обеспечения безопасности участия в следственных и процессуальных действиях лица, с которым заключено досудебное соглашение и в отношении которого уголовное дело было выделено в отдельное производство. Считаю необходимым дополнить положения ст. ст. 113, ч. 5 ст. 164, 264, 278 и 288 УПК РФ указанием на необходимость обеспечения безопасности этого участника процесса в связи с его привлечением к перечисленным следственным и иным процессуальным действиям. Такое дополнение, как считаем, будет направлено на усиление процесса обеспечения безопасности лица, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, при проведении с его участием отдельных следственных и иных процессуальных действий.

Проведение судом допроса участников процесса в безопасных условиях имеет свои процессуальные и организационные особенности в отличие от его проведения в досудебных стадиях по уголовному делу. Они обусловлены такими факторами, как 1) гласность судебного разбирательства, 2) состязательность процесса и 3) необходимость обеспечения сторонам возможности исследовать показания, в том числе путем постановки вопросов и пр.

Правовое регулирование процессуальных правил допроса потерпевшего и свидетеля в судебном заседании (ст. 277 УПК РФ) является идентичным. Правовая регламентация допроса в суде определена в ч. 5 ст. 278 УПК РФ: «При необходимости обеспечения безопасности свидетеля, его близких родственников, родственников и близких лиц суд без оглашения подлинных данных о личности свидетеля вправе провести его допрос в условиях, исключающих визуальное наблюдение свидетеля другими участниками судебного разбирательства, о чем суд выносит определение или постановление». Такая мера безопасности закреплена в ч. 3 ст. 11 УПК РФ и может применяться при наличии к тому строго установленных оснований.

Прежде всего, следует обратить внимание на то, что: 1) подобное решение принимается только судом; 2) решение фиксируется в самостоятельном определении (постановлении); 3) условием применения является необходимость защиты участников процесса; 4) угроза существует как в отношении допрашиваемого лица, так и его близких родственников, родственников и близких лиц.

Как полагаем, базовым основанием применения этой меры безопасности в судебном заседании является наличие угрозы как основание применения уголовно-процессуальной меры. Проблемы противодействия имеющимся или потенциально возможным угрозам участнику судебного процесса связаны с исключением визуального наблюдения защищаемого другими участниками судебного разбирательства. В судебной практике может возникнуть проблема реа-

лизации такой обстановки судебного заседания, при которой лицо будет допрошено в условиях, исключающих его визуальное наблюдение другими участниками процесса. Как полагаем, в этой норме следовало бы более подробно раскрыть такие условия. Вместе с тем, в УПК РФ невозможно установить регламентацию абсолютно всех процедур, в нем определены только основополагающие нормативные регуляторы. Как полагаем, разрешение проблем проведения допроса в суде лица вне визуального контроля должно вырабатываться в процессе правоприменительной деятельности. Например, защищаемое лицо может находиться в кабинете судьи, который совмещен с залом судебного заседания.

Содержание ч. 5 ст. 278 УПК РФ было предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации, который не нашел нарушений этого уголовно-процессуального положения [9; 10]. В заявлении В. В. Скепского было указано, что установленные в ч. 5 ст. 278 УПК РФ процедуры конфиденциальности ущемляют его права на исследование доказательств (допрос участника судебного заседания без визуального контроля, использование специальной техники, искажающей голос допрашиваемого), применение подобной процедуры ставит сторону обвинения в некое привилегированное положение по сравнению с полномочиями защиты. В определении отмечено, что стороны процесса, в том числе и защита, не лишены возможности исследования и оценки иных доказательств по рассматриваемому судом уголовному делу. В частности, в ст. 2.1 отмечена ссылка на соответствующие положения Конституции Российской Федерации (ч. 3 ст. 55) о том, что права гражданина могут быть ограничены, если это необходимо «для обеспечения борьбы с преступностью и защиты прав и законных интересов потерпевших, свидетелей и иных лиц, оказывающих содействие в раскрытии и расследовании преступлений». Помимо этого, Конституционный Суд Российской Федерации определил соответствие оспариваемых положений ряду норм меж-

дународных документов, в частности, ст. 22 «Защита лиц, сотрудничающих с правосудием, и свидетелей» Конвенции об уголовной ответственности за коррупцию [11].

В этой связи, отметим и иные нормы международных документов, в которых установлена обязанность создания безопасных условий для участвующих в деле лиц. Так, в ст. 22 «Защита свидетелей» Конвенции против транснациональной организованной преступности устанавливает возможность применения средств связи (видеоконференции) и иных мер безопасности свидетелей и потерпевших в судебном заседании [12]. Аналогичные положения закреплены в ст. 32 «Защита свидетелей, экспертов и потерпевших» Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции [13].

В содержании раздела III «Меры по защите и программы защиты» Рекомендации N R (2005) 9 Комитета министров Совета Европы «О защите свидетелей и лиц, сотрудничающих с правосудием» [14], как представляется, указано очень важное правило о возможности использования «показаний, данных во время предварительного рассмотрения дела, в качестве показаний в суде, если их появление в зале суда может стать причиной серьезной реальной опасности для свидетелей/лиц, сотрудничающих с правосудием, или их близких». Как видно, основанием для использования судом ранее данных в досудебном производстве показаний защищаемого лица необходимо основание: наличие реальной угрозы его безопасности при его появлении в зале судебного заседания. В подобной ситуации сторона защиты и вовсе лишается возможности постановки вопросов уличающему подсудимого свидетелю или потерпевшему, так как он не присутствует в зале судебного заседания, а его показания оглашаются.

Подобная процедура с одной стороны нарушает права участников со стороны защиты на постановку вопросов защищаемому лицу и право на исследование доказательств, с другой – обеспечивает безопасность участника процесса и его близких лиц. В этой проблемной ситуации необходим

процессуальный баланс интересов обвинения и защиты. По справедливому утверждению Л. В. Брусницына, показания защищаемого лица должны подтверждаться и иными доказательствами по уголовному делу [15, с. 7–11].

Вместе с тем, интересы правосудия в данном случае, по нашему мнению, также необходимо гарантировать путем надлежащей процедуры установления достаточности совокупности полученных в судебном заседании доказательств, которые должны отвечать таким свойствам, как относимость, допустимость, достоверность и в своей совокупности достаточность. Одной из серьезных проблем, возникающих в правоприменительной судебной деятельности, является выполнение предписания ч. 5 ст. 278 УПК РФ о создании условий, «исключающих визуальное наблюдение свидетеля другими участниками судебного разбирательства». Более того, УПК РФ не дает уточнений этой формулировки или каких-либо формальных критериев, правовых формулировок или предписаний. Следовательно, организация допроса наполняется конкретикой в самом судебном заседании в зависимости от условий, которые имеются у суда в судебном заседании.

В этой связи О. Д. Жук справедливо отмечает отсутствие достаточной конкретизации в правовых актах, направленных на применение мер государственной защиты и обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства, по сравнению с аналогичными правовыми актами в законодательстве ряда западных государств [16, с. 46–51].

Обратим внимание на то, что специальное оборудование и материально-техническое состояние современных помещений судов пока оставляет желать лучшего. Усилиями Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации в этом направлении проводится работа и в последние годы наблюдается позитивные результаты. Одной из задач Судебного департамента на сегодняшний день является оснащение техническими средствами и системами обеспе-

чения безопасности зданий федеральных судов, включая федеральные арбитражные суды. Эти мероприятия проводятся в соответствии с ранее принятой федеральной целевой программой «Развитие судебной системы России на 2013–2020 годы» [17]. В частности, на оснащение указанных судов техническими средствами и системами обеспечения безопасности, их надлежащее обслуживание, а также физическую охрану зданий судов предусмотрено ежегодное финансирование в размере около 2 млрд рублей из федерального бюджета, направленное на повышение уровня безопасности судебной деятельности и создание условий для независимого отправления правосудия. Кроме того, в разделе III «Мероприятия» Постановления Правительства Российской Федерации от 27 декабря 2012 г. № 1406 предусмотрено финансирование на «оснащение федеральных судов общей юрисдикции комплектами оборудования для допроса потерпевших и свидетелей без возможности их визуального наблюдения» [18].

Вместе с тем, возникают и иные, уже процессуальные, вопросы. Если допрос осуществляется в условиях, исключающих визуальное наблюдение, то в отношении кого из участников судебного разбирательства этот запрет распространяется. Очевидно, что судья должен иметь такой визуальный контакт с защищаемым свидетелем (потерпевшим), так как он должен, прежде всего, удостовериться в личности допрашиваемого путем сопоставления удостоверяющего его личность документа и самого защищаемого лица. По нашему мнению, в отношении остальных участников запрет визуального контроля должен распространяться без каких-либо исключений. Такого же мнения придерживается ряд ученых [19].

Кроме того, допрос в таких условиях может быть эффективным в случае, если личность потерпевшего, свидетеля неизвестна подсудимому или его окружению. В другой ситуации, когда данные о защищаемом свидетеле, потерпевшем известны, судом может принято решение о применении другой меры безопасности, содержащейся в п. 4 ч. 2

ст. 241 УПК РФ, – закрытое судебное заседание.

Таким образом, эффективная организация и применение уголовно-процессуальных положений, установленных в ч. 5 ст. 278 УПК РФ, позволяют обеспечить надлежа-

щие гарантии проведения допроса защищаемых свидетеля и потерпевшего в судебном заседании и выполнить назначение уголовного судопроизводства при вынесении итогового судебного решения по уголовному делу.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреева О. И., Зайцев О. А., Епихин А.Ю. Запрет определенных действий как новая мера обеспечения безопасности личности в уголовном процессе // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 436. С. 225–229.
2. Дмитриева А. А. Проблемы повышения эффективности обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства в стадии предварительного расследования // Пробелы в российском законодательстве. 2015. № 3. С. 140–143.
3. Епихин А. Ю. Предпосылки применения мер безопасности участников уголовного процесса // «Татищевские чтения: актуальные проблемы науки и практики» Гуманитарные науки и образование: опыт, проблемы, перспективы: Материалы Международной научной конференции Тольятти, 2004. С. 180–183.
4. Епихин А. Ю. К вопросу о надзоре (контроле) за обеспечением безопасности личности в сфере уголовного судопроизводства // Черные дыры в Российском законодательстве. 2004. № 3. С. 359.
5. Епихин А. Ю., Мишин А. В. Допрос потерпевшего, свидетеля под псевдонимом в досудебном и судебном производствах (уголовно-процессуальные и криминалистические аспекты) // Вестник Удмуртского университета. Серия Экономика и право. 2019. Т. 29. № 4. С. 480–486.
6. Епихин А. Ю., Мишин А. В. Междисциплинарные проблемы допроса защищаемого лица в судебном разбирательстве по уголовному делу // Проблемы противодействия преступности: опыт, современное состояние и пути решения: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, посвященной памяти профессора В. А. Малюткина. Чебоксары, 2019. С. 94–100.
7. Епихин А. Ю., Мишин А. В. Особенности обеспечения безопасности потерпевших и свидетелей в судебном производстве по уголовным делам // Уголовное судопроизводство: современное состояние и основные направления совершенствования: сборник материалов Международной научно-практической конференции, посвященной 50-летию юбилею доктора юридических наук, профессора А. В. Гриненко. 2016. С. 108–111.
8. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 30 октября 2018 г. № 376-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 5 ноября 2018 г. № 45. Ст. 6831.
9. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Скепского Владислава Вячеславовича на нарушение его конституционных прав частью девятой статьи 166, пунктом 4 части второй статьи 241, частью пятой статьи 278 и частью шестой статьи 355 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда Российской Федерации от 17 июля 2007 г. № 622-О-О // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 15.01.2022).
10. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Ермакова Михаила Борисовича на нарушение его конституционных прав частью девятой статьи 166, частью пятой статьи 193 и частью пятой статьи 278 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда Российской Федерации от 21 апреля 2005 г. № 240-О // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 15.01.2022).
11. Конвенция об уголовной ответственности за коррупцию (заключена в г. Страсбурге 27 января 1999 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 18 мая 2009г. № 20. Ст. 2394.
12. Конвенция против транснациональной организованной преступности (принята в г. Нью-Йорке 15 ноября 2000 г. Резолюцией 55/25 на 62-ом пленарном заседании 55-ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН) (с изм. от 15 ноября 2000 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 4 октября 2004 г. № 40. Ст. 3882.

13. Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции (принята в г. Нью-Йорке 31 октября 2003 г. Резолюцией 58/4 на 51-ом пленарном заседании 58-ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН) // Собрание законодательства Российской Федерации. 26 июня 2006 г. № 26. ст. 2780.

14. О защите свидетелей и лиц, сотрудничающих с правосудием: Рекомендация N R (2005) 9 Комитета министров Совета Европы (принята 20 апреля 2005 г. на 924-ом заседании представителей министров) (документ опубликован не был) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 15.01.2022).

15. Брусницын Л. В. К вопросу о надзоре за исполнением законодательства в сфере обеспечения безопасности участников уголовного процесса // Законность. 2012. № 9. С. 7–11.

16. Жук О. Д. Сравнительно-правовые аспекты внедрения штатных негласных сотрудников в организованные преступные формирования // Российский следователь. 2017. № 17. С. 46–51.

17. О федеральной целевой программе «Развитие судебной системы России на 2013–2020 годы»: постановление Правительства Российской Федерации от 27 декабря 2012 г. № 1406 (ред. от 24 декабря 2018 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 7 января 2013 г. № 1. Ст. 13. (утратила силу).

18. О федеральной целевой программе «Развитие судебной системы России на 2013–2024 годы»: постановление Правительства Российской Федерации от 27 декабря 2012 г. № 1406 (ред. от 14 сентября 2021 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 7 июля 2013 г. № 1. Ст. 13.

19. Практика применения Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. Часть 2. Актуальные вопросы судебной практики, рекомендации судей Верховного Суда РФ по применению уголовно-процессуального законодательства на основе новейшей судебной практики: практическое пособие / под ред. В. М. Лебедева. 7-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2016. 395 с.

© Рамазанов Р. М.

УДК 343.132(470)

А. В. СИБИЛЬКОВА, старший преподаватель кафедры управления органами расследования преступлений Академии управления МВД России, кандидат юридических наук (г. Москва)

A. V. SIBILKOVA, senior lecturer of the Department of management of bodies of investigation of crimes Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, candidate of legal sciences (Moscow)

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРЕДЪЯВЛЕНИЯ ДЛЯ ОПОЗНАНИЯ

PROCEDURAL ISSUES OF PRESENTATION FOR IDENTIFICATION

Аннотация. Проведение предъявления для опознания, в отличие от таких следственных действий, как допрос или осмотр места происшествия, может быть актуально при расследовании не каждого уголовного дела. Для его проведения должен сложиться ряд условий.

Опознание человека актуально в случае непосредственного восприятия одного, ранее незнакомого лица, другим лицом, при этом хорошо запомнившим признаки и не видевшим его позже, в связи с расследованием уголовного дела; предмета – если в процессе расследования обнаружены орудие преступления или похищенные вещи.

В случае возникновения условий для проведения рассматриваемого следственного действия, оно приобретает очень важное значение для получения доказательств. Однако в процессе его производства может возникнуть множество проблемных ситуаций, да и в его процессуальной регламентации существуют пробелы. Эти аспекты, а также возможные пути преодоления возникающих сложностей рассматриваются в статье. Анализируются доказательства, которые могут быть получены в результате данного следственного действия. Проведен обзор проблемных ситуаций, которые могут возникнуть в процессе предъявления для опознания, и предложены пути их разрешения.

Ключевые слова и словосочетания: *предъявление для опознания, зеркало Гезелла, встречное опознание, опознаваемый, опознающий, статист.*

Annotation. *Conducting a presentation for identification, in contrast to such investigative actions as an interrogation or an inspection of the scene of the incident, may not be relevant in the investigation of every criminal case. There must be a number of conditions for its implementation.*

Identification of a person is relevant in the case of direct perception of one person, previously unknown to him, by another person, who at the same time remembered his signs well, and did not see him later, in connection with the investigation of a criminal case, Item – if a crime weapon or stolen items are found during the investigation.

In the event that conditions arise for carrying out the investigative action under consideration, it becomes very important for obtaining evidence. However, in the process of its production, many problematic situations may arise, and there are gaps in its procedural regulation. These aspects, as well as possible ways to overcome the emerging difficulties, are considered in the article. The evidence that can be obtained as a result of this investigative action is analyzed. The review of problematic situations that may arise in the process of presentation for identification is carried out, and ways of their resolution are proposed.

Keywords and phrases: *presentation for identification, mirror Gesell, counter identification, identifiable, identifying statistician.*

Проведение предъявления для опознания, в отличие от таких следственных действий, как допрос или осмотр места происшествия, может быть актуально при расследовании не каждого уголовного дела.

Если речь идет об опознании человека, оно может понадобиться в случае, когда потерпевший, либо свидетель видел лицо, совершившее преступление, оно ему не было знакомо, при этом он хорошо запомнил его признаки, и не видел его позже, в связи с расследованием уголовного дела. Либо, если указанные выше участники уголовного судопроизводства хорошо запомнили орудие преступления, его индивидуальные признаки, и оно обнаружено в процессе расследования. Также могут быть обнаружены похищенные у потерпевшего предметы, и он может их опознать по знакомым ему индивидуальным признакам. В общем это следственное действие, которое представляет собой отождествление воспринятого ранее объекта по запечатленному в памяти опознающего его мысленному образу. Порядок данного следственного действия регламен-

тирован в ст. 193 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ).

В случае, если при расследовании уголовного дела возникают условия для проведения рассматриваемого следственного действия, оно приобретает очень важное значение в плане получения доказательств. Однако в процессе его производства может возникнуть множество проблемных ситуаций, да и в его процессуальной регламентации существуют пробелы. Эти аспекты, а также возможные пути преодоления возникающих сложностей, будут рассмотрены в данной статье.

Опознаваемый объект предъявляется опознающему для того, чтобы определить его относимость к преступлению. Например, потерпевший может опознать человека, совершившего на него разбойное нападение, либо нож, которым преступник угрожал ему. Установление того обстоятельства, что какой-либо объект имеет отношение к расследуемому преступлению является целью предъявления для опознания. Задачей

предъявления для опознания является предоставление возможности опознающему узнать среди предъявляемых ему людей, предметов, животных и иных объектов тот, который наблюдался им ранее.

Если в процессе расследования устанавливается факт наблюдения допрашиваемым лицом какого-либо объекта, оно называет признаки данного объекта, по которым может его опознать, и заявляет о возможности опознания им этого объекта, следовательно целесообразно провести предъявление для опознания. При этом следует иметь в виду, что данное следственное действие не должно производиться, если имеются сведения, с очевидностью устанавливающие тождество объекта, опознаваемый и опознающий знакомы между собой (за исключением опознания трупов), либо после первичного наблюдения объекта лицо получило о нем дополнительные сведения (например, лицо, совершившее грабеж, задержали в присутствии потерпевшей в результате объезда окрестной территории).

При решении вопроса о проведении предъявления для опознания следует принимать во внимание психические и физические свойства опознающего, а также и его психологическое и физическое состояние при восприятии объекта; совершалось ли над этим человеком психологическое, физическое или сексуальное насилие, в какой степени преступление затрагивало интересы этого человека. Важное значение имеют психофизиологические свойства опознающего – состояние его органов чувств и памяти. Состояние органов чувств влияет на способность воспринимать зрительные образы (острота зрения, наличие глазных болезней), звуковую информацию (острота слуха, наличие болезней органов слуха). Информацию о состоянии органов восприятия у лица, с которым предполагается проводить предъявление для опознания следователь должен узнать при его допросе. В исключительных случаях опознание может проводиться посредством органов обоняния, осязания и вкуса, но, как правило, данные каналы восприятия носят вспомогательный характер.

Память каждого человека характеризуется индивидуальными свойствами: объемом, быстротой, точностью, длительностью, влияющими на процессы запоминания, воспроизведения и узнавания. Узнавание во многом зависит от того, насколько тренирована память опознающего. На эту способность может оказать влияние профессия человека, например, у преподавателей, фотографов, художников вырабатывается профессиональная память на лица людей. Следует отметить, что человек, отдающий себе отчет, что является свидетелем преступления, старается запомнить его как можно лучше, его восприятие становится целенаправленным.

Кроме этого, мы согласны с мнением М. В. Савельевой, А. Б. Смушкина, О. В. Домниной, что результативность процесса опознания человека будет обусловлена психологической готовностью опознающего лица воспринимать тот объект (опознаваемого), который он воспринимал в экстремальных условиях, связанных с событием преступления, что предопределено психологической составляющей деятельности субъекта опознания [1, с. 215–216].

В связи с этим А. И. Рахимов отмечает, что для получения от человека сведений, имеющих важное значение для раскрытия и расследования преступлений, требуются познания не только в области юриспруденции и практики использования традиционных криминалистических средств и методов, но и определенные познания в области психологии и психофизиологии, которые возможно эффективно использовать для получения дополнительной информации от человека [2, с. 176]. Мы поддерживаем эту точку зрения и считаем, что хороший потенциал применения в предъявлении для опознания имеет трансактный анализ [3].

Трансактный анализ представляет собой психологическую модель, служащую для описания и анализа поведения человека. Исходя из этой модели, можно анализировать и прогнозировать поведение каждого участника данного следственного действия и при необходимости корректировать его процессуальными средствами.

Кроме способности запомнить, на опознание влияет способность воспроизведения запечатленного образа в памяти. При опознании в уголовном судопроизводстве такое воспроизведение происходит по крайней мере два раза. Впервые – когда допрашиваемое лицо описывает признаки воспринятого им объекта, затем – когда ему предлагают изучить с помощью органов чувств один или несколько представленных на опознание объектов и сравнить их с мысленным образом запечатленного ранее объекта.

В уголовно-процессуальном законе (ст. 193 УПК РФ) подробно регламентирован порядок проведения предъявления для опознания, поскольку наряду с указанными выше факторами чрезвычайно значимы условия предъявления для опознания.

При подготовке предъявления для опознания нужно учесть субъективные и объективные факторы, оказывающие влияние на восприятие, запоминание и воспроизведение признаков объектов. К субъективным факторам можно отнести пол, возраст, профессию, состояние здоровья, эмоциональное состояние человека, его отношение к событию преступления. К объективным факторам можно отнести время суток, освещенность, расстояние до объекта, погодные условия (дождь, снег, туман).

В соответствии с уголовно-процессуальным законом, при предъявлении для опознания должны соблюдаться следующие правила:

1) опознающий обязательно должен быть предварительно допрошен;

2) опознаваемый объект располагается в числе не менее двух других, имеющих с ним внешнее сходство объектов;

3) лицо, предъявляемое для опознания, имеет право первым занять любое место среди лиц, предъявляемых вместе с ним, по своему усмотрению;

4) должно проводиться в присутствии понятых;

5) опознающий должен указать, по каким признакам опознал объект.

Целью допроса, проводимого перед опознанием, является выявление обстоятельств и условий восприятия объекта опознания,

эмоциональное состояние опознающего на момент восприятия объекта, обозначение признаков этого объекта. В целях последующего опознания живого лица в протоколе допроса фиксируются анатомические и функциональные признаки опознаваемого.

Подбор объектов, имеющих внешнее сходство с объектом, подлежащим опознанию, имеет важное значение для проведения опознания. Сходство определяется по совокупности общих признаков, свойственных опознаваемому объекту. Например, в следственной практике автора по уголовному делу появилась потребность предъявить ботинки из черной кожи со шнуровкой, принадлежавшие подозреваемому, которые он выбросил в мусорный контейнер недалеко от места совершения кражи, переобувшись в похищенные ботинки потерпевшего. Для предъявления для опознания были подобраны мужские ботинки того же размера, из черной кожи со шнуровкой, примерно одинаковой степени изношенности.

При предъявлении для опознания людей подбор статистов осуществляется по полу, возрасту (разница должна быть не более пяти лет), росту (разница должна быть не более пяти сантиметров), расовым и национальным признакам.

Объектами, которые могут быть предъявлены для опознания, могут являться:

1) человек;

3) предметы и документы;

2) труп или его части;

4) животные;

5) помещения, строения и участки местности [4].

Опознаваемыми людьми чаще всего могут выступать подозреваемый и обвиняемый, но также ими могут стать потерпевший или свидетель в том случае, если, например, подозреваемый дает признательные показания, запомнил потерпевшего и готов это подтвердить его опознанием.

Необходимость в предъявлении для опознания трупов может возникнуть в случае обнаружения трупа, личность которого с помощью документов установить не представляется возможным.

Предметами, подлежащими опознанию, могут быть любые вещи, имеющие отношение к расследуемому событию, например, орудия преступления, похищенные у потерпевшего, обнаруженные на месте происшествия.

При предъявлении для опознания животных подбор объектов происходит по виду и масти. А само опознание считается возможным, если животное имеет ряд каких-либо сравнительных или характерных признаков, отличающих его от других животных, подобных ему.

Помещения, участки местности предъявляются для опознания в тех случаях, когда опознающий хорошо помнит описываемую территорию или помещение, но не может назвать его точного адреса.

Подготовительный этап предъявления для опознания людей включает в себя:

- допрос, лица, которому будет предъявляться для опознания живое лицо;
- выбор места, в котором будет проводиться следственное действие (кабинет следователя, следственный изолятор или иное);
- подбор лиц, в числе которых будет предъявляться опознаваемое лицо (статистов), сходных с ним по общим признакам, описанным выше;
- подготовка необходимых технических средств (фотоаппарата или видеокамеры, специальной ширмы, исключающей визуальное наблюдение опознающего и т. д.);
- подбор понятых (при опознании в условиях, исключающих визуальное наблюдение, их желательно, чтобы было четверо: двое находятся рядом с опознающим, двое – рядом с опознаваемым);
- ознакомление всех участников следственного действия с их правами и обязанностями, порядком проведения следственного действия.

Следует отметить, что перед подготовкой предъявления для опознания необходимо получить согласие опознающего на участие в данном следственном действии и создать у него соответствующий психологический настрой [5, с. 171].

На рабочем этапе производятся следующие действия:

- в помещение, где будет проводиться опознание, приглашаются понятые;
- приглашаются опознаваемый и статисты;
- опознаваемому предлагается занять любое место среди статистов;
- присутствующим разъясняется, кто и для чего будет далее приглашен в данное помещение;
- приглашается опознающий, ему разъясняются его права и обязанности;
- опознающему предлагается осмотреть представленных лиц и сказать, узнает ли он кого-либо из них, если узнает, то по каким признакам (этих признаков должно быть минимум 2–3);
- опознанному предлагается назвать себя;
- опознающему задается вопрос, откуда он знает опознанного, при каких обстоятельствах встречал или видел его ранее, не знаком ли ему кто-либо из остальных предъявленных ему людей;
- в протоколе фиксируются ход и результаты следственного действия;
- присутствующим разъясняется их право делать заявления по поводу проведения следственного действия, и если заявления поступили, они фиксируются в протоколе;
- протокол подписывается всеми участвующими лицами.

На практике иногда бывают случаи, когда опознающий пугается сказать, что узнал преступника, а потом наедине говорит следователю, что в действительности он узнал его, но побоялся заявить об этом во всеулышание. В этом случае следователю необходимо подробно допросить данного человека по этим обстоятельствам. Дело в том, что протокол предъявления для опознания, согласно которому подозреваемый или обвиняемый не был опознан как лицо, совершившее преступление, является доказательством его непричастности к преступлению, а допрос лица, которое его не опознало, будет опровергать это доказательство.

Бывают и случаи, когда опознающий указывает на статиста как на лицо, совер-

шившее преступление. В этом случае такой результат опознания фиксируется в протоколе, а в последующем необходимо допросить опознанного статиста, где он находился в период совершения преступления, чем занимался, кто это может подтвердить, то есть необходимо установить его алиби, поскольку протокол, согласно которому он был опознан как лицо, совершившее преступление, является доказательством его причастности к преступлению.

Следователю стоит заранее предусмотреть ситуацию, когда опознающий из страха не говорит, что узнал лицо, совершившее преступление, исходя из психологического состояния и особенностей характера этого человека. В случае, если опознающий испытывает страх и неуверенность перед встречей с преступником, возможно проведение предъявления для опознания в условиях, исключающих наблюдение опознаваемым опознающего. Это может обеспечиваться различными способами. Может быть оборудовано специальное помещение с перегородкой из стекла, пропускающего свет только в одну сторону (зеркало Гезелла). В этом случае по одну сторону этой перегородки находятся опознаваемый, его защитник, если он имеется в деле, понятые; по другую сторону – опознающий, понятые и следователь.

Следует отметить, что узнавание опознающего опознаваемым возможно не только по внешним признакам, воспринимаемым визуально, но также и по голосу. Подобная проблема верно отмечена З. Г. Самошиной [6, с. 41–42]. Узнавание свидетеля или потерпевшего не способствует его безопасности и облегчает дальнейшее неправомерное давление на него. Мы поддерживаем точку зрения М. В. Савельева, А. Б. Смушкин, О. В. Домнина, которые для решения этой проблемы предлагают вообще исключить указание на способ восприятия из ч. 8 ст. 193 УПК РФ [1, с. 216].

Иногда возникают дискуссии относительно того, где может находиться защитник. Высказывается мнение, что он должен видеть, как проходит сам процесс опозна-

ния, то есть находиться рядом с опознающим и следователем. Можно предоставить ему возможность перемещаться из помещения в помещение, то есть наблюдать и за своим подзащитным и за опознающим, однако в этом случае есть опасность, что он сообщит приметы опознающего своему подзащитному и тогда смысл опознания в условиях, исключающих наблюдение опознающего опознаваемым, теряется. Для того, чтобы этого избежать, предлагается закамуфлировать его одеждой, скрывающей лицо и фигуру. Либо можно придерживаться позиции, что защитник находится рядом со своим подзащитным и охраняет его интересы, за законностью же действий следователя и опознающего следят понятые, кроме этого можно использовать видеосъемку, чтобы при просмотре видеозаписи каждый мог убедиться в законности проведения данного следственного действия.

М. В. Савельева, А. Б. Смушкин, О. В. Домнина также пишут, что по возможности местонахождение защитника (адвоката) опознаваемого должно быть рядом со своим подзащитным, поскольку если он будет находиться в комнате рядом с опознающим, он может запомнить и описать его внешность своему подзащитному. В таком случае опознающий будет подвергаться опасности, что создаст дополнительный тревожный фактор, влияющий на результат следственного действия. В данной ситуации целесообразно законодательное закрепление местонахождения защитника опознаваемого подозреваемого, обвиняемого исходя из интересов опознающего лица [1, с. 217].

При отсутствии специально оборудованного кабинета, можно использовать ширму с зеркалом Гезелла, которая также может быть оборудована и устройством, преобразующим голос, чтобы по нему не могли узнать опознающего. Но, к сожалению, далеко не все органы внутренних дел оборудованы таким образом, чтобы у следователя была возможность при необходимости провести опознание в условиях, исключающих наблюдение опознающего опознаваемым.

Бывают случаи так называемого встречного опознания, когда в процессе опознания не только опознающий говорит, что узнал лицо, совершившее в отношении него преступление, но и опознаваемый говорит, что узнал человека, в отношении которого совершил преступление. Согласно статье 74 УПК РФ, доказательствами являются показания подозреваемого, обвиняемого (п. 1 ч. 2), показания потерпевшего, свидетеля (п. 2 ч. 2), протоколы следственных и судебных действий (п. 5 ч. 2), таким образом, в результате данного следственного действия будут получены сразу три доказательства – показания потерпевшего, узнавшего подозреваемого, показания подозреваемого, о том, что он узнает потерпевшего, и протокол данного следственного действия. Однако следователю нужно помнить, что они будут иметь силу только если подозреваемый (обвиняемый) был предупрежден о том, что его слова могут быть использованы в качестве доказательств.

Если информация о готовности к опознанию обеих сторон друг друга имеется заранее, как поступать следователю, законодательно не регламентировано, а практика идет разными путями. Если опознание одним человеком другого проводилось в общем порядке, то предъявлять для опознания его опознанному уже нельзя, ведь он видел его на данном следственном действии. Остается два варианта: предъявить одного по фотографии, а другого потом вживую, либо предъявить одного в условиях, исключающих визуальное наблюдение опознающего опознаваемым, а другого потом в общем порядке. Оба эти варианта не соответствуют закону по целям, поскольку согласно ч. 5 ст. 193 УПК РФ опознание по фотографии возможно только при невозможности предъявления лица в живую, а опознание в условиях, исключающих визуальное наблюдение опознающего опознаваемым, производится в целях обеспечения его безопасности. На наш взгляд, следует устранить этот пробел и законодательно ввести такое понятие, как встречное опознание, а также регламентировать порядок его проведения.

Для предъявления лица для опознания по фотографии необходимо на специальный бланк наклеить три фотографии в одном цвете (цветные или черно-белые), одного размера, с одинаковым расположением на них людей, причем люди должны быть одного пола, возраста, одной национальной принадлежности, иметь сходные прически и одежду. Каждая фотография опечатывается по углам.

Приглашенному опознающему разъясняются его права и обязанности, после чего предлагается посмотреть и сказать, опознает ли он кого-то на представленных фотографиях. В случае опознания предлагается пояснить, по каким признакам он опознал человека, изображенного на фотоснимке.

В целях экономии сил и средств на отдельные организационные моменты возможно проведение предъявления для опознания в ходе видеоконференцсвязи. Также в последнее время этот способ приобрел актуальность в связи с пандемией и вводимыми повсеместно ограничительными мерами на контактирование людей. Данный инновационный способ проведения предъявления для опознания требует особого рассмотрения. М. В. Новикова предлагает узаконить применение видеотехнологий при проведении опознания и дополнить ч. 8 ст. 193 УПК РФ следующим положением: «В случае невозможности проведения опознания в условиях, исключающих визуальный контакт между опознаваемым и опознающим, допустимо использование технических средств видеосвязи» [7, с. 40].

Предметы предъявляются для опознания в числе однородных, совпадающих по общим признакам, однако не рекомендуется подбирать предметы, совпадающие с опознаваемыми во всех деталях. Перед началом следственного действия следователь в присутствии понятых расставляет все предъявляемые предметы, среди которых располагает и опознаваемый объект. Около каждого предмета располагается табличка с номером. Расположение предметов с номерами нужно

сфотографировать и в виде фототаблицы приложить к протоколу. К фототаблице необходимо приложить справку с указанием номера опознаваемого предмета.

После такой подготовки в помещение приглашается опознающий, которому разъясняются его права и обязанности, а затем предлагается указать на объект, который он видел ранее, и при каких обстоятельствах это происходило. Допускается, чтобы опознающий брал предметы в руки и рассматривал их. В случае опознания предмета, следователь предлагает опознающему перечислить признаки, по которым он опознал предмет. Ход и результаты следственного действия заносятся в протокол данного следственного действия.

В случаях, когда для опознания нет возможности подобрать похожие предметы (уникальность вещи), он может быть представлен в единственном числе. Такому предъявлению для опознания должен предшествовать подробный допрос, в ходе которого у опознающего нужно узнать все отличительные признаки опознаваемого предмета и детально их зафиксировать в протоколе допроса, а затем и при производстве предъявления для опознания обратить на них особое внимание и также зафиксировать их наличие или отсутствие в протоколе данного следственного действия.

Животные предъявляются для опознания в числе особей того же пола и возраста, той же породы, а также сходной масти. Предъявляемые животные фотографируются с указанием номеров. При фиксировании результатов в протоколе следственного действия необходимо отметить, помимо того, узнал ли опознающий животное и по каким признакам, как животные реагировали на присутствие предполагаемого владельца, отзывались ли на кличку, наблюдались ли признаки дрессировки и т. п.

Таким образом, для опознания могут предъявляться самые разнообразные объекты. Определенные сложности представляет подбор объектов, которые будут предъявляться вместе с опознаваемым. Они должны быть достаточно похожими по общим

признакам, однако иметь и отличительные признаки. Следует иметь в виду, что человек видел объект лишь раз и не помнит всех подробностей того, как он выглядел, поэтому может ошибиться, если предъявляемые объекты очень похожи. Подбор подходящих предметов для опознания тоже может представлять сложность, поэтому, на наш взгляд, следует законодательно закрепить возможность следователя брать на время необходимые для опознания предметы в различных коммерческих организациях (магазинах, ломбардах).

Подводя итог сказанному, можно сделать следующие выводы:

1. Следователь должен быть готов к возможным неожиданным результатам опознания – опознанию статиста, неопознанию предъявляемого лица из страха, и знать, как действовать в этих случаях; применять при данном следственном действии знания психологии, в частности транзактного анализа, для оценки и прогноза действий участвующих лиц.

2. В законодательстве остаются спорными некоторые моменты. Например, не закреплено понятие встречного опознания, а оно может наблюдаться на практике. По нашему мнению, следует закрепить в УПК РФ это понятие, а также процедуру его проведения. Также необходимо законодательно закрепить процедуру опознания с использованием средств видео-конференц-связи.

3. Подбор предметов, предъявляемых для опознания, может представлять для следователя значительные сложности, поэтому предлагаем законодательно закрепить возможность следователя брать на время необходимые для опознания предметы в различных коммерческих организациях (магазинах, ломбардах).

Таким образом, следственное действие предъявление для опознания все еще нуждается в законодательном усовершенствовании, а органы внутренних дел – в техническом оснащении для предъявления лица для опознания в условиях, исключающих визуальное наблюдение опознающего опознаваемым.

ЛИТЕРАТУРА

1. Савельева М. В., Смушкин А. Б., Домнина О. В. Предъявление для опознания: психологические и тактические аспекты, перспективные методы производства // Психология и право. 2020. Том 10. № 2. С. 212–222.
2. Рахимов А. И. Повышение достоверности следственного действия «предъявление для опознания» с помощью метода психофизиологических исследований // Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. 2020. № 1(23). С. 175–180.
3. Берн Э. Игры, в которые играют люди: психология человеческих взаимоотношений. Люди, которые играют в игры: психология человеческой судьбы / пер. с англ. М. Будыниной и др. М.: ЭКСМО: АпрельПресс, 2002.
4. Ищенко Е. П., Топорков А. А. Криминалистика: учебник. 2-е издание. М.: Юридическая фирма «Контракт», Инфра-М, 2010.
5. Еникеев М. И., Образцов В. А., Эминов В. Е. Следственные действия: психология, тактика, технология: учебное пособие. М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2007.
6. Самошина З. Г. Проблемные вопросы предъявления для опознания // Вестник криминалистики. Вып. 1 (37). 2011. С. 40–43.
7. Новикова М. В. Институт безопасности в уголовном судопроизводстве и пути его совершенствования // Российский судья. 2007. № 7. С. 38–41.

© Сибилькова А. В.

УДК 343.131:342.721(470)

М. А. ЩЕРБАКОВА, адъюнкт Академии управления МВД России (г. Москва)

M. A. SHCHERBAKOVA, adjunct of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Moscow)

**ПРИНЦИП НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ ЛИЧНОСТИ
КАК ГАРАНТИЯ ПРАВА НА СВОБОДУ И ЛИЧНУЮ
НЕПРИКОСНОВЕННОСТЬ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ**

**THE PRINCIPLE OF PERSONAL INVIOLEABILITY
AS A GUARANTEE OF THE RIGHT TO FREEDOM AND PERSONAL
INVIOLEABILITY IN CRIMINAL PROCEEDINGS**

***Аннотация.** В статье рассматривается соотношение принципа неприкосновенности личности в уголовном судопроизводстве с конституционным правом на свободу и личную неприкосновенность, обращается внимание на границы действия принципа. Автором соотносятся понятия «лишение свободы» и «ограничение свободы», проводится анализ правовых позиций Европейского Суда по правам человека и Конституционного Суда Российской Федерации относительно мер принуждения, связанных с лишением свободы в уголовном судопроизводстве. На основании произведенного анализа вносятся предложения по совершенствованию уголовно-процессуальной нормы, закрепляющей принцип неприкосновенности личности в уголовном процессе Российской Федерации, а также о внесении в число основных понятий, используемых в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации, понятия «лишение свободы».*

Ключевые слова и словосочетания: принцип неприкосновенности личности, право на свободу и личную неприкосновенность, меры процессуального принуждения, лишение свободы, ограничение свободы, задержание, заключение под стражу, помещение в психиатрический стационар.

Annotation. *The article examines the correlation of the principle of personal inviolability in criminal proceedings with the constitutional right to freedom and personal inviolability, draws attention to the limits of the principle. The author correlates the concepts of «deprivation of liberty» and «restriction of liberty», analyzes the legal positions of the European Court of Human Rights and the Constitutional Court of the Russian Federation regarding coercive measures related to deprivation of liberty in criminal proceedings. Based on the analysis made, proposals are made to improve the criminal procedure norm that enshrines the principle of personal inviolability in the criminal process of the Russian Federation, as well as to include the concept of «deprivation of liberty» among the basic concepts used in the Criminal Procedure Code of the Russian Federation.*

Keywords and phrases: *the principle of personal inviolability, the right to freedom and personal inviolability, measures of procedural coercion, deprivation of liberty, restriction of liberty, arrest, detention, placement in a psychiatric hospital.*

Право на свободу является основополагающим правом человека. Конституция Российской Федерации (далее – Конституция), общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации допускают возможность ограничения права на свободу лишь в той мере, в какой оно необходимо в определенных законом целях и в установленном законом порядке. На такой же подход ориентирует правоприменителя Пленум Верховного Суда Российской Федерации [1].

По понятным причинам государство в лице уполномоченных органов, преследующих цели защиты личности и государства от преступных посягательств, выявления, раскрытия и расследования преступлений, осуществления правосудия, наделено широкими возможностями принудительного ограничения свободы человека.

Так, невзирая на существенное снижение за последние несколько лет количества лиц, к которым в качестве меры пресечения применено заключение под стражу (согласно данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации (далее – Судебный департамент), в 2018 году судами общей юрисдикции удовлетворено 102 205 ходатайств об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, в 2019 году – 94 632 аналогичных ходатайства, в 2020 году – 84 919, а в первом полугодии 2021 года – 43 427 ходатайств) [2], она продолжает оставаться довольно распро-

страненной, особенно на фоне других мер пресечения, допускаемых по решению суда (ходатайств об избрании меры пресечения в виде домашнего ареста в 2018 году было удовлетворено 6 329, в 2019 году – 6 038, в 2020 году – 6 949, в первом полугодии 2021 года – 3 485; об избрании меры пресечения в виде запрета определенных действий в 2018 году удовлетворено 301, в 2019 году – 1 246, в 2020 году – 1 850, в первом полугодии 2021 года – 1 298) [2].

На необходимость более тщательной оценки оснований применения меры пресечения в виде заключения под стражу вновь обратил внимание и Президент Российской Федерации В. В. Путин [3].

Гораздо меньший общественный резонанс и внимание законодателя вызывают случаи лишения свободы, состоящие в помещении лица в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях (далее – психиатрический стационар), для производства судебно-психиатрической экспертизы (ст. 203 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, далее – УПК РФ), а также после признания судебными экспертами лица, нуждающимся в применении принудительных мер медицинского характера (ст. 435 УПК РФ). Однако и эти меры процессуального принуждения применяются часто (в 2019 году было удовлетворено 7 756 ходатайств о помещении подозреваемого, обвиняемого, не находящего под стражей, в

психиатрический стационар, в 2020 году – 7 212, в первом полугодии 2021 года – 3 681 ходатайство; ходатайств о переводе в психиатрический стационар лица, содержащегося под стражей, в 2019 году удовлетворено 685, в 2020 году – 615, в первом полугодии 2021 года – 332) [2].

В связи с этим актуальной является реальная и эффективная реализация конституционного положения о праве на свободу и личную неприкосновенность (ст. 22 Конституции) и принципа уголовного судопроизводства – неприкосновенности личности (ст. 10 УПК РФ).

Стоит обратить внимание на то, что Конституция в качестве одного из основных прав закрепляет право на свободу и личную неприкосновенность, в то время как в уголовном процессе данное право выражено посредством принципа неприкосновенности личности, что не одно и то же. В Конституции речь идет о субъективном праве, в УПК РФ – об основополагающем, концептуальном положении, на основании которого строится вся уголовно-процессуальная деятельность, включая обязанность органов и должностных лиц, осуществляющих уголовный процесс, обеспечить реализацию конституционного субъективного права.

Простое дублирование конституционного права в качестве принципа уголовного судопроизводства не может являться средством эффективного обеспечения и защиты прав и свобод человека [4, с. 31], поскольку принцип является основой механизма, распространяющегося на все стадии уголовно-процессуальной деятельности, представляя собой важнейшую процессуальную гарантию [5, с. 70].

Из анализа содержания принципа неприкосновенности личности в его современной редакции следует, что резервы совершенствования этой процессуальной гарантии, к сожалению, не исчерпаны.

Обратимся к терминологии, которая в данном случае имеет ключевое значение. В Конституции речь идет о невозможности ограничения свободы личности и личной неприкосновенности без законных оснований.

Уголовно-процессуальный принцип в наименовании не содержит указания на обеспечение свободы личности. При этом в самом содержании принципа речь идет о мерах, связанных с ограничением свободы, то есть принцип формулирует законные основания ограничения именно права на свободу. Возникает вопрос о разграничении таких понятий, как свобода, личная неприкосновенность и неприкосновенность личности в уголовном судопроизводстве. В чем направленность принципа неприкосновенности личности – в защите от неправомерного лишения свободы, или же от бесосновательного ограничения права личной неприкосновенности?

Полагаем что в первую очередь для ответа на поставленные выше вопросы, целесообразно остановиться на анализе соотношения таких понятий, как «свобода личности», «неприкосновенность личности» и «личная неприкосновенность».

Существует мнение, что само по себе понятие «свобода» неосвязаемо, а в качестве официального предела осуществления личной свободы каждого выступает именно право, поскольку для человека, живущего в социуме, ограничение его свободы возможно и необходимо в определенных ситуациях, однако осуществляться может лишь в рамках формально установленных пределов [6, с. 107]. Только правовая свобода является реальной формой свободы человека, так как лишь в таком виде может быть гарантирована государством ввиду формальной определенности и законодательной регламентации [7, с. 2]. Иными словами, согласно приведенной точке зрения, свобода не является таковой вне права и определяется законодательно установленными границами возможного поведения, которое дозволено в обществе.

Существует и другой взгляд. По мнению Е. А. Лукашевой, право, находящееся в естественном состоянии, которое не ограничивается формальностями и юридическими условностями, – это и есть свобода, то есть право в фактической форме [8, с. 25]. С точки зрения О. Е. Кутафина и Е. И. Козловой, обе категории – «право» и «свобода» – являются общепризнанной возможностью каж-

дого члена общества самостоятельно определять вид и меру поведения, ввиду чего разграничение между данными понятиями условно [9, с. 215]. Заметим, что последняя точка зрения по большей части основана на понимании свободы как категории, близкой к субъективному праву, а не как свободы в ее социальном смысле.

Зачастую понятие «свобода» применяется в устойчивой связи с понятием «личная неприкосновенность». В дореволюционный период отечественные ученые неразрывно связывали личную неприкосновенность с осуществлением государственной власти, описывая неприкосновенность как границы деятельности уполномоченных органов по пресечению нарушений закона [10, с. 561], как право требовать от государства не касаться личности гражданина до момента совершения им противозаконного деяния [11, с. 7], или же как возможность поступать и действовать, исходя из собственных убеждений, но в пределах, которые установлены законом, не подвергаясь насильственному противодействию власти или иных лиц [12, с. 6–7]. Таким образом, в дореволюционный период личную неприкосновенность рассматривали в качестве необходимого элемента свободы личности, однако связывая ее с действиями государственных органов, уполномоченных эту свободу ограничивать.

Сегодня весьма распространена более широкая трактовка личной неприкосновенности, которая И. Л. Петрухиным, например, рассматривается через призму таких категорий, как свобода и личная безопасность, в свою очередь включающих недопущение, предотвращение и наказуемость любых посягательств как на нравственную и психическую, так и на физическую неприкосновенность [13, с. 144]. М. В. Баглай писал о том, что понятие личной неприкосновенности включает не только жизнь и здоровье человека, но также его честь и достоинство [14, с. 197].

В доктрине отечественного уголовного процесса существует и узкий взгляд на личную неприкосновенность как на невозможность незаконного лишения свободы, и, судя

по формулировкам Конституции и УПК РФ, в них отражен именно такой подход. В науке обращается внимание и на соотношение таких терминов, как «личная неприкосновенность» и «неприкосновенность личности». О. Е. Кутафин не видит различий в данных понятиях, рассматривая их как идентичные [15, с. 121]. Существует и другой взгляд, согласно которому личная неприкосновенность включает в себе идею высшей ценности прав и свобод, «вытекающих из самой жизни и воплощаемых в юридических нормах» [16, с. 8; 17, с. 10], а неприкосновенность личности рассматривается в качестве результата волевой деятельности законодателя, выраженной в его правотворчестве [18, с. 26–27].

Говоря о соотношении вышеприведенных категорий на сегодняшний день, с точки зрения их реализации в законодательстве, в первую очередь необходимо отметить, что в соответствии с Конституцией право на свободу находится в неразрывной связи с личной неприкосновенностью – характеристикой, которая трактуется как невмешательство в личные права и защищенность, выраженные в обязанности государства в установлении тех необходимых запретов, которые в полной мере служили бы для обеспечения автономии каждого человека от общества, государства и других людей [19, с. 175; 20, с. 1754].

Таким образом, свобода и личная неприкосновенность – двугранное понятие, сочетающее в себе неотъемлемое право на личную свободу как таковую, и в то же время право на неприкосновенность, то есть защиту от необоснованного посягательства со стороны государственных органов. Исходя из вышесказанного, процессуальный принцип неприкосновенности личности не означает его ограниченное действие, охватывающее лишь право на личную неприкосновенность. Напротив, принцип неприкосновенности личности подчеркивает и усиливает роль права на личную неприкосновенность, подразумевающего защиту от произвольного ограничения свободы личности.

Итак, если личная неприкосновенность

является характеристикой правового положения личности, а в совокупности свобода и личная неприкосновенность являются связанными субъективными правами, то неприкосновенность личности, полагаем, следует рассматривать как обязанность государственных органов, позволяющую обеспечить ограничение свободы лишь на основании и в порядке, предусмотренными законом.

Право на свободу и личную неприкосновенность имеет любой человек, находящийся в Российской Федерации. Следовательно, и в уголовном процессе это право распространяется на всех его участников. Однако формально принцип, предусмотренный в ст. 10 УПК РФ, охватывает далеко не всех участников, которые могут быть фактически лишены свободы. Сегодня он охраняет лишь подозреваемого, обвиняемого и лицо, помещенное в психиатрический стационар. Согласиться с тем, что сфера действия данного принципа распространяется только на лиц с указанным статусом, нельзя. Несмотря на традиционное отношение к лишению свободы как к понятию, связанному с действиями в отношении обвиняемого, подозреваемого, такая узкая его трактовка ошибочна.

Прежде всего, проведем различие между такими понятиями, как «лишение свободы» и «ограничение свободы». Ограничение свободы нередко рассматривается как «сокращение сферы свободы» [21, с. 45], «уменьшение объема возможностей, свободы, а значит, и прав личности» [22, с. 157]», законодательное сужение границ прав и свобод, а также ограничение всевозможных условий и возможностей каким-либо образом покушаться на установленные обществом блага [23, с. 11]. При таком подходе ограничение представляет собой частичное умаление чего-либо, помещение в определенные рамки, выполнение каких-либо действий при соответствующих условиях, а лишение – это полное изъятие, утрата, отчуждение чего-либо.

Например, меры пресечения в виде подписки о невыезде и надлежащем поведении, запрета определенных действий в существенной степени ограничивают свободу

лиц, в отношении которых они избраны. Однако можно ли считать, что подобного рода ограничения охватываются принципом неприкосновенности личности?

Полагаем, ограничение свободы принципиально отличается от лишения свободы. В частности, при применении меры пресечения в виде подписки о невыезде, неверно было бы говорить о полной утрате лицом, в отношении которого она избрана, свободы, поскольку в данном случае оно не утрачивает свободы действия, выбора местонахождения и передвижения, не подвергается принудительной изоляции. Налицо как раз сохранение свободы при соблюдении конкретных условий, установленных уголовно-процессуальной нормой, то есть ограничение.

При этом при избрании меры пресечения в виде запрета определенных действий ситуация представляется иной, так как в этом случае может применяться запрет, связанный с полной невозможностью покидать место жительства, совершать определенные действия и контактировать с определенными лицами. Данная мера предполагает хоть и кратковременные, но ограничения конституционного права на свободу и личную неприкосновенность, то есть лишение свободы. При этом лишение свободы в уголовном судопроизводстве имеет различные формы.

Согласно правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации (далее – Конституционный Суд) любые вводимые в отраслевом законодательстве ограничения, независимо от их характера, влекущие фактическое лишение свободы, лежат в границах данного понятия и должны соответствовать установленным критериям правомерности, отраженным в первую очередь в положениях ст. 22 Конституции, и распространяться не только на арест, задержание и заключение по стражу, прямо указанные в данной статье, но и на все другие виды лишения свободы [24].

В толковании норм, связанных с понятием «лишение свободы», Конституционный Суд опирается на позицию Европейского Суда по правам человека (далее – ЕСПЧ),

исходящего из того, что лишение свободы не сводится лишь к тюремному заключению, потому как его восприятие должно отталкиваться не от формальных, а от сущностных признаков, заключающихся в физическом лишении свободы, будь то принудительное нахождение в условиях ограниченного пространства, изоляция от общества, ограничение свободы передвижения и коммуникации. Также показательно, что согласно ст. 5 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, к лишенным свободы относятся и лица, лишенные свободы по приговору суда, и задержанные, и заключенные под стражу, в том числе душевнобольные, алкоголики, наркоманы и бродяги.

При этом, дав оценку понятию «ограничение свободы», Конституционный Суд отметил, что отличие от лишения свободы в данном случае состоит в степени интенсивности применяемых мер, но не в их характере [25]. Таким образом, можно сделать вывод, что ограничение свободы, также как и лишение свободы, затрагивает право на свободу и личную неприкосновенность.

Принцип неприкосновенности личности в уголовном процессе фактически распространяет свое действие лишь на участников, подвергнутых уголовному преследованию. Вместе с тем, это не отменяет того факта, что свобода и личная неприкосновенность остальных участников также не могут быть ограничены без законных на то оснований, в том числе и применительно к свободе свидетеля, потерпевшего, подвергнутых, например, принудительному приводу, согласно ст. 113 УПК РФ и др.

Так, ЕСПЧ, определяя факт лишения свободы, исходит из таких категорий, как элемент принуждения, влияющий на свободу передвижения, ограничение пространства и невозможность его беспрепятственного оставления, длительность ограничения, контроль за осуществлением жизнедеятельности. В контексте реализации ст. 5 Конвенции о защите прав и основных свобод человека даже кратковременное ограничение свободы может считаться лишением свободы при условии принудительного физическо-

го удержания, либо угрозе его применения [26]. Причем, по смыслу, заложенному Конвенцией о защите прав и основных свобод человека, считается такое ограничение лишением свободы будет не только в отношении подозреваемого или обвиняемого с уже установленным процессуальным статусом, но и в отношении лиц, которые таковой еще не приобрели, то есть доставленных в связи с подозрением в совершении преступления и тех, которые имеют статус свидетеля или в последующем могут его приобрести.

Справедливо стоит отметить, что и международные правовые нормы, и Конституционный Суд одинаково трактуют понятие «лишение свободы», что отчетливо отражено еще в постановлении от 27 июля 2000 г. № 11-П «По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 47 и части второй статьи 51 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В. И. Маслова», где любые меры, реально ограничивающие право на свободу и личную неприкосновенность, в том числе и свободу передвижения, считаются задержанием, то есть лишением свободы, независимо от процессуального статуса лица им подвергнутого, а задержание – вид лишения свободы.

Таким образом, очевидно, что лишение свободы в уголовном процессе очень многообразно, принимает различные формы и может касаться не только лиц, привлекаемых к уголовной ответственности, но и других участников уголовного судопроизводства. В соответствии с вышесказанным, формулировка принципа неприкосновенности личности в действующей редакции является неполной, и более того, не отвечает самой идее принципа как основного начала, фундаментального, руководящего положения, задающего вектор развития отрасли права и правоприменения.

Таким образом, полагаем целесообразным в число основных понятий, применяемых в УПК РФ, внести понятие «лишение свободы». Под лишением свободы предлагается понимать полную или частичную изоляцию от общества, сопряженную с утратой

лицом свободы действия, выбора местонахождения, передвижения в результате действий должностных лиц, с применением принуждения, либо с угрозой его применения, вне зависимости от процессуального статуса лица и длительности применяемой меры.

Исходя из того, что лишение свободы является результатом применения процессуального принуждения, возможного как в психической, так и в физической его форме, и непосредственно затрагивает право на свободу и личную неприкосновенность, следует вывод о том, что и принцип непри-

косновенности личности должен охватывать все меры, относящиеся к лишению свободы.

На основании вышесказанного предлагается изложить принцип неприкосновенности личности, закрепленный в ст. 10 УПК РФ, в следующей редакции:

1. Никто из участников уголовного судопроизводства не может быть лишен свободы при отсутствии на то законных оснований, предусмотренных настоящим Кодексом.

2. Суд, прокурор, следователь, орган дознания и дознаватель обязаны немедленно освободить всякого незаконно лишеного свободы.

ЛИТЕРАТУРА

1. О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2013 г. № 41 // СПС «Гарант». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70448674/> (дата обращения: 10.01.2022).
2. Данные судебной статистики о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 10.01.2022).
3. Заседание Совета по развитию гражданского общества и правам человека // Российская газета № 281 (8632). URL: <https://rg.ru/2021/12/09/vladimir-putin-vstretilsia-s-pravozashchitnikami-glavnoe.html> (дата обращения: 13.01.2022).
4. Безруков С. С. Конституционные права и свободы человека и гражданина в системе принципов уголовного процесса // Вестник Томского государственного университета. 2015. №1 (15). С. 29–38.
5. Победкин А. В. Критерии правомерности применения аналогии в уголовном судопроизводстве // Труды Академии управления МВД России. 2020. № 4 (56). С. 66–77.
6. Витрук Н. В. Общая теория правового положения личности / под ред. Н. В. Витрук. М., 2008. 447 с.
7. Югов А. А. Конституционный статус личности – ядро правовой системы свободы личности // Конституционное и муниципальное право. 2011. № 5. С. 2–8.
8. Васильева Т. А., Лукашева П. А. Права человека / под ред. П. А. Лукашевой. М., 2000. 511 с.
9. Козлова Е. И., Кутафин О. Е. Конституционное право России: учебник. М., 1996. 347 с.
10. Кистяковский Б. А. Социальные науки и право / под ред. Б. А. Кистяковского. М., 1916. 704 с.
11. Вышеславцев Б. П. Гарантии прав гражданина. М., 1917. 32 с.
12. Люблинский П. И. Неприкосновенность личности. Петроград, 1917. 30 с.
13. Конституция Российской Федерации: комментарий / под ред. Б. Н. Топорнина, Ю. М. Батурина, Р. Г. Орехова. М., 1994. 830 с.
14. Баглай М. В. Конституционное право Российской Федерации. М., 1999. 767 с.
15. Кутафин О. Е. Неприкосновенность в конституционном праве Российской Федерации. М., 2004. 405 с.
16. Корнуков В. М., Куликов В. А., Манова Н. С. Принцип личной неприкосновенности и его реализация в российском досудебном производстве. Саратов. 2001. 125 с.
17. Опалева А. А. Развитие института личной неприкосновенности // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2012. № 2 (28). С. 8–15.
18. Куликов В. А. Личная неприкосновенность как право человека и принцип российского уголовного процесса: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов. 2001. 192 с.
19. Романовский Г. Б. Право на неприкосновенность частной жизни. М., 2001. 309 с.

20. Амосова Т. В., Лавдаренко Л. И., Рябова Л. Г. Сущность категории «право на свободу и личную неприкосновенность» в сфере уголовного судопроизводства // Право и политика. 2013. № 12. С. 1753–1759.
21. Лазарев В. В. Ограничение прав и свобод как теоретическая и практическая проблема // Журнал российского права. М., 2009. № 9 (153). С. 35–47.
22. Малько А. В. Стимулы и ограничения в праве. М., 2003. 248 с.
23. Подмарев А. А. Ограничение прав и свобод человека и гражданина: определение конституционного понятия // Вестник РУДН. Серия Юридические науки. 2014. № 2. С. 9–17.
24. По делу о проверке конституционности ряда положений статей 24.5, 27.1, 27.3, 27.5 и 30.7 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, пункта 1 статьи 1070 и абзаца третьего статьи 1100 Гражданского кодекса Российской Федерации и статьи 60 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан М. Ю. Карелина, В. К. Рогожкина и М. В. Филандрова: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 16 июня 2009 г. № 9-П // СПС «Консультант плюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_88989/ (дата обращения: 20.01.2022).
25. По делу о проверке конституционности части 4 статьи 27.5 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобой гражданина Е. С. Сизикова: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 17 ноября 2016 г. № 25-П // СПС «Консультант плюс» URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_207339/ (дата обращения: 20.01.2022).
26. Дело «Шимоволос против России» [Shimovolos v. Russia] (жалоба № 30194/09) (I Секция): постановление Европейского Суда по правам человека от 21 июня 2011 г. // СПС «Гарант». URL: <https://base.garant.ru/70138452/> (дата обращения: 21.01.2022).

© Щербакова М. А.

УДК 343.85:343.575(470)

Е. Н. ВОЛЫНКИН, доцент кафедры оперативно-разыскной деятельности Сибирского юридического института МВД России, кандидат юридических наук, доцент (г. Красноярск)

E. N. VOLYNKIN, associate professor of the department of Investigative activities of the Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, candidate of legal sciences, associate professor (Krasnoyarsk)

**ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ НЕЗАКОННОМУ ОБОРОТУ ПРЕКУРСОРОВ
И ХИМИЧЕСКИХ ВЕЩЕСТВ, ИСПОЛЪЗУЕМЫХ
ПРИ НЕЗАКОННОМ ИЗГОТОВЛЕНИИ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ
И ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ В РАМКАХ
МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА**

**COUNTERING THE ILLICIT TRAFFICKING OF PRECURSORS
AND CHEMICALS USED IN THE ILLICIT MANUFACTURE
OF NARCOTIC DRUGS AND PSYCHOTROPIC SUBSTANCES
AS PART OF INTERNATIONAL COOPERATION**

Аннотация. В статье анализируются наиболее существенные факторы, способствующие незаконному обороту прекурсоров и химических веществ, необходимых для неправомерного изготовления наркотических средств и психотропных веществ. По результатам исследования предложены

некоторые меры организации эффективного контроля за оборотом прекурсоров в рамках международного сотрудничества.

Ключевые слова и словосочетания: прекурсоры наркотиков и их заменителей, незаконный оборот, противодействие, международное сотрудничество, обмен информацией, контроль за оборотом прекурсоров.

Annotation. The article analyzes the most significant factors contributing to the illicit trafficking of precursors and chemicals necessary for the illicit manufacture of narcotic drugs and psychotropic substances. Based on the results of the analysis, some measures are proposed to organize effective control over the turnover of precursors in the framework of international cooperation.

Keywords and phrases: precursors of drugs and their substitutes, illicit trafficking, counteraction, international cooperation, information exchange, control over the trafficking of precursors.

Стремительный рост и разнообразие химических веществ, которые могут быть использованы вместо прекурсоров наркотиков и их заменителей, не включенных в списки химических веществ, ставит перед системой международного контроля сложные задачи в борьбе с незаконным производством наркотиков.

Система международного контроля над прекурсорами осуществляется посредством мониторинга международной торговли химическими веществами, перечисленных в Таблице I и Таблице II Конвенции 1988 года [1] (далее – таблицы Конвенции 1988 года), как это предусмотрено в статье 12 данной Конвенции, и направлена на предупреждение утечки этих веществ в незаконный оборот. В настоящее время в перечень включены свыше пятидесяти отдельных веществ.

Многие страны мира по-прежнему испытывают обеспокоенность нововведениями, внедряемыми наркоторговцами по применению веществ, у которых нет известных видов законного применения и на которые не распространяются меры контроля, действующие в отношении легального оборота [2, с. 150]. Вероятно, не требуется подробных объяснений, что на протяжении ряда лет наркоторговцы в своей противоправной деятельности с целью уклонения от международного контроля активно используют новые химические вещества, не включенные в таблицы Конвенции 1988 года, в том числе новейшие «дизайнерские» прекурсоры, которые являются близкородственными контролируемым прекурсорами и легко преобразуются в подконтрольные.

Относительно незаконного оборота «дизайнерских» прекурсоров, их быстрой эволюции, в том числе повышенной доступности через Интернет, настоятельно требуется осуществление адекватных мер со стороны международных правоохранительных органов по предотвращению фактов попадания таких химических веществ в подпольные лаборатории.

Следует отметить, что в 2012 году в России произошли кардинальные изменения законодательства в области оборота прекурсоров: введена уголовная (ст. 228.3 УК РФ, 228.4 УК РФ) и административная (ст. 6.16 КоАП РФ) ответственность. Это способствовало значительному снижению объема незаконного оборота прекурсоров и, как следствие, повлияло на оздоровление наркоситуации. В 2012 году правоохранительными органами на территории России изъято 60,2 т прекурсоров [3]. Однако до конца 2017 года наблюдалось резкое снижение количества изъятых прекурсоров до 187 кг, а в 2018 году уже произошло резкое увеличение конфискованных препаратов (веществ), их количество составило 2,532 т, а в 2020 году вновь отмечалось значительное снижение количества изъятых прекурсоров до 224 кг [4].

Практика привлечения к уголовной ответственности за незаконное распространение прекурсоров остается крайне низкой. Как результат, число лиц, осужденных за преступления, предусмотренные статьями 228.3, 228.4 УК РФ, весьма незначительно. Так, за период 2016 года привлечено к уголовной ответственности за указанные пре-

ступления лишь 10 человек (6 – по ст. 228.3 УК РФ, 4 – по ст. 228.4 УК РФ), а 2020 году – 22 человека (16 – по ст. 228.3 УК РФ, 6 – по ст. 228.4 УК РФ) [5].

Результаты ежегодных плановых проверок юридических лиц и индивидуальных предпринимателей в соответствии с Административным регламентом исполнения государственной функции по осуществлению государственного контроля (надзора) в сфере деятельности, связанной с оборотом прекурсоров наркотических средств и психотропных веществ, утвержденным приказом МВД России от 26 июня 2017 г. № 411, по-прежнему свидетельствуют о ряде нарушений, связанных с отсутствием на объектах оборота прекурсоров специальных журналов учета операций с прекурсорами; ведением указанных журналов с нарушением установленных правил; непредставлением в срок отчетности о деятельности, связанной с оборотом прекурсоров, предусмотренной законодательством Российской Федерации, но вместе с тем наблюдается некоторое ухудшение обстановки в контролируемой сфере.

Так, в 2020 году при проведении территориальными органами МВД России 83 проверок выявлено 86 правонарушений. Доля проведенных проверок, по результатам которых выявлены правонарушения, составила 29,4 % (83 из 282 проверок, в 2019 году данный показатель составлял 29,0 %). По итогам 81 проверки по фактам выявленных нарушений возбуждены дела об административных правонарушениях. Доля проведенных проверок, по результатам которых возбуждены дела об административных правонарушениях, составила 28,7 % (81 из 282 проверок, в 2019 году данный показатель составлял 25,4 %) Причиной, приведшей к совершению указанных административных правонарушений, как правило, послужил недостаточный уровень знания действующего законодательства Российской Федерации, регулирующего вопросы оборота прекурсоров [6].

При этом следует заметить, что в подавляющем большинстве случаев предметом

правонарушений выступали прекурсоры, внесенные в таблицу III списка IV Перечня [7] (ацетон, этиловый эфир, соляная и серная кислоты и др.)

Анализ показывает, что низкая эффективность работы правоохранительных органов за последние годы в данном направлении объясняется несовершенством нормативной правовой базы, определяющей перечень подконтрольных прекурсоров на международном уровне.

Кроме того, успешному завершению многих расследований, связанных с незаконным оборотом прекурсоров, препятствуют трудности в организации своевременного обмена оперативной информацией между зарубежными правоохранительными органами. В ряде случаев контактная информация не представляется или является устаревшей, запросы о потенциально подозрительных сделках и изъятиях остаются без ответа, а уровень участия и обмен информацией с Международным комитетом по контролю над наркотиками (далее – МККН, Комитет) и Целевой группой по прекурсорам являются недостаточными.

Так, в конце 2020 года в соответствии с требованиями ст. 12 Конвенции 1988 года компетентные органы только 120 стран (примерно 63 процента участников) в соответствии с установленными требованиями представили сведения о химических веществах, наиболее часто используемых при незаконном изготовлении наркотических средств и психотропных веществ [2, с. 19]. Вместе с тем целый ряд стран, как отмечает МККН, вторично направили отчетные документы с незаполненными формами или с неполным содержанием информации. Анализ свидетельствует, что так же, как и в предыдущие годы, большинство государств не передают подробные сведения о методах организации утечки прекурсоров и оборудования, используемого для их незаконного изготовления.

В этой связи стоит отметить, что уровень детализации обмена информацией об изъятиях прекурсоров в целом остается низким, что сказывается не только на оперативных

мерах вмешательства, но и на проводимом МККН анализе глобальных и региональных тенденций в области химических веществ, которые в настоящее время используются при незаконном изготовлении наркотических средств и психотропных веществ, а также при выявлении каналов и используемых в своей деятельности наркодельцами методов, приемах и способах в целях изъятия прекурсоров из легального оборота.

Из сказанного можно заключить, что недостаточность или отсутствие достоверных сведений, а также другие факторы, обусловленные внутригосударственными проблемами ряда стран, препятствуют надлежащему представлению статистических данных, их исчислению и оценке МККН, что свидетельствует о несовершенстве национальных механизмов контроля и имеющихся недостатках в системе здравоохранения ряда государств.

Кроме того, такие недостатки могут быть сопряжены с воплощением проблематичных положений международных договоров, недоработками в действующей законодательной базе, неурегулированностью административно-правовых норм или недостаточной квалификацией чиновников контролирующих национальных органов.

Другим фактором, вызывающим озабоченность, являются территории, на которых существуют конфликты, неурегулированные территориальные споры или другие обстоятельства, препятствующие осуществлению эффективного правительственного контроля. На таких территориях, как правило, наркоторговцы, воспользовавшись отсутствием контроля со стороны правомочных органов, организуют хищения прекурсоров и химических веществ, используемых при незаконном изготовлении наркотических средств и психотропных веществ. Вместе с тем, как показывают результаты исследования, имеет место ненадлежащий контроль в зонах свободной торговли и свободных портах.

В связи с этим существует необходимость во всестороннем международном сотрудничестве и своевременном обмене результатами правоохранительной деятель-

ности для выявления мест утечки прекурсоров и привлечения к ответственности лиц, причастных к незаконным операциям.

Верно, отмечает П. С. Шевчук, что увеличение масштабов проведения согласованных совместных межгосударственных оперативно-разыскных мероприятий будет способствовать совершенствованию международного сотрудничества в данной сфере [8, с. 49].

Анализ показывает, что для решения этой проблемы применяются инновационные инструменты, например, ограниченный перечень не включенных в списки конвенций химических веществ, не имеющих известного законного применения, составленный в соответствии с резолюцией 1996/29 Экономического и Социального Совета МККН от 24 июля 1996 г. «О мерах по укреплению международного сотрудничества в целях установления контроля над прекурсорами и их заменителями». Следует заметить, что использование перечня МККН и аналогичных национальных и региональных перечней не носит юридически обязательного характера и зависит от уровня и масштаба добровольного сотрудничества между государственной властью и отраслями промышленности международных стран.

Мы полагаем, что включение постоянно растущего числа новых химических веществ в таблицы Конвенции 1988 года нецелесообразно, особенно при отсутствии возможности осуществления мониторинга этих химических веществ в рамках законных торговых операций.

В данной ситуации, на наш взгляд, разработка общей межгосударственной правовой основы, которая бы позволила органам государственной власти зарубежных стран, включая Россию, пресекать поставки таких химических веществ в целях противоправного изготовления наркотических средств и психотропных веществ, избегая при этом каких бы то не было юридических коллизий. В целях решения проблем, связанных с активным распространением ряда родственных химических веществ, необходимо определить пути и средства упреждающего

характера для включения их в таблицы Конвенции 1988 года. Кроме того, необходимо предусмотреть возможность выделения в отдельную категорию прекурсоров, которые в настоящее время не имеют признанного законного применения.

При более внимательном рассмотрении видно, что неперенным условием для успешного выявления сомнительных торговых операций и предотвращения фактов утечки химических веществ из легальных каналов в нелегальные является хорошее знание «теневого» рынка, понимание и распознавание характера и масштабов незаконной торговли прекурсорами, необходимого количества использования таких веществ в различных сферах деятельности.

Важно также отметить, что с 2012 года в целях обмена информацией о фактах изъятия, приостановок транзитных поставок, попыток организовать утечку прекурсоров, ликвидаций подпольных лабораторий, связанных с изготовлением химических веществ, для создания прекурсоров функционирует защищенная онлайн-платформа (система PICS).

Так, по данным МККН в 2020 году в системе PICS были зарегистрированы пользователи из более чем 285 ведомств 123 стран, которые представили информацию о более чем 3 100 фактах утрат прекурсоров, что на 300 случаев больше, по сравнению с предыдущим периодом [2, с. 20].

В конечном итоге уровень использования данной системы свидетельствует о заинтересованности работающих с PICS пользователей и оперативных сотрудников в своевременном выявлении ценных практических сведений и оперативных данных, а также обмене ими.

Участники проектов «Призма» и «Сплоченность», образованных МККН, с целью предупреждения утечек прекурсоров, используемых при незаконном изготовлении синтетических наркотиков, а также предупреждения незаконного оборота химических веществ, используемых при незаконном изготовлении кокаина и героина, пользуются регулярными предупредительными сигналами

о случаях утечки прекурсоров, новых способах совершения противоправных действий лиц, связанных с незаконным оборотом химических веществ, в том числе и психоактивных, включая сведения о компаниях, причастных к подозрительным или незаконным сделкам.

В настоящее время в своевременном предупреждении имеющихся фактов утечки прекурсоров важное место отводится добровольным государственно-частным партнерствам, объединившим свои усилия общими целями и ответственностью, а также посредством официально оформленных соглашений.

Отметим, что взаимодействие с промышленными предприятиями, связанными с производством прекурсоров и химических веществ, используемых при незаконном изготовлении наркотических средств и психотропных веществ, позволяет выявлять подозрительные запросы, заказы и сделки, основанные на нестандартных методах торговли или методах, не совместимых с коммерческой моделью направления запросов.

Кроме того, поступающие сообщения от представителей промышленности могут способствовать своевременному формированию предупредительных мер, направленных на пресечение утечки химических веществ, в том числе и не включенных в таблицы химических веществ, которые в конкретный момент времени находятся в центре внимания наркоторговцев. Впоследствии такие сведения могут быть использованы в работе правоохранительных органов других зарубежных стран.

Поэтому организация надлежащего контроля за оборотом прекурсоров в целях предупреждения поступления данных веществ в незаконный оборот ограничивает развитие сырьевой базы нелегального производства и изготовления наркотических средств, а в конечном итоге способствует выработке адекватных мер противодействия незаконному обороту прекурсоров, что является важнейшей составляющей механизма противодействия наркоугрозе [9, с. 20].

С другой стороны, профилактические меры (в форме отраслевого сотрудничества

и внутреннего контроля) и правоохранные меры (остановка поставок или изъятие партий химических веществ, предназначенных для противоправных целей), на наш взгляд, являются основными компонентами стратегии контроля над прекурсорами, которые будут адаптированы к будущему законному использованию и потребностям в таких веществах.

Одним из важнейших условий деятельности правоохранительных органов в рамках международного сотрудничества в борьбе по противодействию незаконному обороту прекурсоров и химических веществ, используемых при незаконном изготовлении наркотических средств и психотропных веществ, являются своевременная оперативная осведомленность и системный комплексный подход в борьбе с данным видом наркопреступности.

В этой связи с учетом складывающейся ситуации, на наш взгляд, необходимо:

- продолжить разработку и реализацию комплекса мер по оздоровлению ситуации на рынке услуг, связанной с легальным оборотом прекурсоров в рамках совместной деятельности международных правоохранительных органов, включая структуры по надзору в сфере здравоохранения;

- обеспечить повышение уровня взаимодействия между оперативными и следственными подразделениями международных правоохранительных органов, в том числе с привлечением квалифицированных, преимущественно негласных сил, использованием современных технических средств, а также проведение совместных комплексных оперативно-профилактических операций по пресечению каналов нелегальной поставки прекурсоров и химических веществ, используемых при незаконном изготовлении наркотических средств и психотропных веществ;

- активно применять тактические приемы, основанные на аналитической разведке в криминально активной среде с целью выявления устойчивых преступных формирований, глубоком изучении образа их жизни, источников доходов, окружения, контактов всех лиц, так или иначе связанных с неза-

конным оборотом наркотических средств и их прекурсоров;

- инициативно и качественно проводить комплексы оперативно-разыскных мероприятий, направленных на своевременное выявление и задержание всех участников разоблачаемых организованных преступных групп, с учетом оперативной информации о наличии у них связи в криминальной среде, в том числе и за пределами Российской Федерации;

- проводить оперативно-тактические операции, направленные на установление новых источников и каналов поступления в незаконный оборот прекурсоров, пресечение преступной деятельности лиц, занимающихся их контрабандой и сбытом, а также осуществлять конфискацию полученных преступных доходов;

- систематически организовывать и проводить межведомственные оперативно-разыскные мероприятия (с учетом имеющейся оперативной информации), направленные на своевременное перекрытие каналов нелегальной поставки прекурсоров и химических веществ, используемых при незаконном изготовлении наркотических средств и психотропных веществ, на территорию Российской Федерации.

Полагаем, что в целях адекватного глубокого анализа имеющейся ситуации в области законного перемещения и незаконного оборота прекурсоров требуется предоставление реальной статистической отчетности о фактах изъятий веществ, их происхождения и местах утечки, совершенствование нормативно-правовой базы, повышенное внимание к доказательственной базе по делам о преступлениях, связанных с прекурсорами, что сведет к минимуму вероятность утечки химических веществ в незаконные каналы.

Подводя итог вышеизложенному, следует отметить, что в современных условиях эффективная совместная деятельность по противодействию незаконному обороту прекурсоров и химических веществ, используемых при незаконном изготовлении наркотических средств и психотропных ве-

ществ, должна базироваться на понимании происходящих мировых процессов, имеющимся опытом различных государств. В це-

лом данное направление немыслимо без формирования единой межгосударственной политики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Конвенция Организации Объединенных Наций о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ (заключена в г. Вене 20 декабря 1988 г.): сборник международных договоров СССР и Российской Федерации. М., 1994. Вып. XLVII. С. 133–157.

2. Доклад Международного комитета по контролю над наркотиками за 2020 год (E/INCB/2020/1) URL: https://www.incb.org/documents/Publications/AnnualReports/AR2020/Annual_Report/Russian_ebook_AR2020 (дата обращения: 28.01.2022).

3. Морозов А. Борьба с незаконным оборотом прекурсоров наркотических средств и психотропных веществ // Профессионал: популярно-правовой альманах. 2017. URL: <http://www.ormvd.ru/pubs/102/the-struggle-against-illegal-circulation-of-precursors-of-narcotic-drugs-and-psychoactive-substances> (дата обращения: 20.01.2022).

4. Приложение к докладам Международного комитета по контролю над наркотиками (VIII за 2013–2019 годы, III за 2020 год) о выполнении статьи 12 Конвенции Организации Объединенных Наций о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ 1988 года «Прекурсоры и химические вещества, часто используемые при незаконном изготовлении наркотических средств и психотропных веществ» // СПС «КонсультантПлюс».

7. Об утверждении перечня наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации: постановление Правительства РФ от 30 июня 1998 г. № 681 (ред. от 13 марта 2020 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 27. ст. 3198.

5. Судебная статистика за 2016–2020 годы / tat.apis-prsess.pf/stats/ug/t/14/s/17 (дата обращения: 17.01.2022).

6. Сведения об осуществлении государственного контроля (надзора) в сфере деятельности, связанной с оборотом прекурсоров наркотических средств и психотропных веществ, за 2020 год. https://mvd.ru/upload/site1/document_text/023/870/203/Svedeniya_po_proverkam_za_2020_god.docx (дата обращения: 29.10.2021).

9. Карпов Я. С. О противодействии незаконному обороту прекурсоров наркотических средств и психотропных веществ // Наркоконтроль. 2013. № 3. С. 19–22.

8. Шевчук П. С., Боярчук А. Э. Совершенствование взаимодействия таможенных органов ЕАЭС с таможенными службами других государств как эффективная мера борьбы с контрабандой наркотиков // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2018. № 11. С. 46–50.

© **Волынкин Е. Н.**

УДК 811.161.1'342.2-054.6

Л. Р. БАКИРОВА, доцент кафедры иностранных и русского языков Уфимского юридического института МВД России, кандидат филологических наук, доцент (г. Уфа)

L. R. BAKIROVA, associate professor of the department of foreign and Russian languages of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, candidate of philology, docent (Ufa)

**ПРИЕМЫ ПОСТАНОВКИ И РАЗЛИЧЕНИЯ ЗВУКОВ [С], [З] И [Ц]
НА ЗАНЯТИЯХ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ**

**METHODS OF INSTALLING AND DISTINCTING SOUNDS [C], [Z] AND [Ц]
IN THE CLASSES IN RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE**

***Аннотация.** Статья посвящена проблеме совершенствования русского произношения сотрудниками правоохранительных органов иностранных государств. В данной работе на материале исследований по лингвистике, научных статей по русской фонетике, учебных пособий по методике преподавания русского языка как иностранного, материалов для развития фонетических навыков инофонами представлены артикуляционная характеристика, комплекс приемов постановки и дифференциации звуков [с], [з], [ц] у иностранных слушателей на занятиях по русскому языку как иностранному. Уточняются понятия «фонологическая компетенция», «слухопроизносительный навык». Приведены тренировочные упражнения и задания, тексты стихотворений, скороговорки, пословицы, поговорки, идиоматические выражения, звуковая форма которых представляет собой особую трудность для иностранных обучающихся, и работа над которыми способствует коррекции и закреплению произношения свистящих звуков русского языка*

***Ключевые слова и словосочетания:** звук, инофон, артикуляция, постановка, дифференциация, фонетический навык, русский язык как иностранный.*

***Annotation.** The article is devoted to the problem of improving Russian pronunciation by law enforcement officers of foreign states. In this work, based on research in linguistics, scientific articles on Russian phonetics, textbooks on the methodology of teaching Russian as a foreign language, materials for the development of phonetic skills by foreign speakers, an articulation characteristic, a set of techniques for staging and differentiating sounds [c], [z], [ц] from foreign students in the classroom on Russian as a foreign language. The concepts of «phonological competence», «hearing and pronunciation skill» are being clarified. There are training exercises and tasks, texts of poems, tongue twisters, proverbs, sayings, idiomatic expressions, the sound form of which is a particular difficulty for foreign students, and work on which contributes to the correction and consolidation of the pronunciation of the whistling sounds of the Russian language.*

***Key words and phrases:** sound, inofon, articulation, staging, differentiation, phonetic skill, Russian as a foreign language.*

Все сотрудники правоохранительных органов иностранных государств, приехавшие в Российскую Федерацию, изучают

русский язык. Усвоение иностранными слушателями фонетической системы современного русского литературного языка – про-

цесс длительный, трудоемкий, требующий значительных усилий как от преподавателя, так и от инофонов.

Преподаватели русского языка как иностранного часто сталкиваются с проблемными вопросами, не имеющими однозначных ответов. Например, какова последовательность работы со звуками разного типа, какой фонетический акцент допускается у иностранцев, как работать над интонацией, какие фонетические ошибки должны устраняться в первую очередь, надо ли объяснять, как образуется звук, нужно ли продолжать работать над фонетикой на продвинутом этапе и другие [1, с. 118]. Однако, все исследователи сходятся во мнении: прежде чем изучать лексику и грамматику, прежде чем учиться говорить (произносительные навыки) и понимать чужую речь на слух (слуховые навыки), необходимо овладеть фонетическими средствами языка [2, с. 111].

Более того, мы считаем, что совершенствование произношения должно быть организовано на всех этапах изучения русского языка как иностранного, не зависимо от того, на каком уровне в данный момент проходит обучение русскому языку иностранный слушатель: элементарном, базовом, первом сертификационном, втором сертификационном, продвинутом этапе и т. д. То же самое касается и периодов обучения. Так, например, в Уфимском юридическом институте МВД России сотрудники правоохранительных органов иностранных государств изучают русский язык на этапе довузовской подготовки, когда проходят подготовку по дополнительной общеобразовательной программе подготовки иностранных специалистов к освоению профессиональных программ на русском языке гуманитарной направленности, на первом и втором курсе. Обращение к особенностям фонетической системы русского языка продолжается все три года обучения.

После освоения инофонами вводного фонетико-грамматического курса, на котором они получают основные сведения о звуках, ударении, интонационных конструкциях, правилах чтения звуковых сочетаний,

ритмике многосложных слов, грамматике, в начале каждого занятия по русскому языку как иностранному в течение 10–15 минут проводится фонетическая зарядка. Это своего рода произносительная разминка или тренинг. Цель данного этапа – подготовить речевой аппарат иностранца к артикулированию, при необходимости провести коррекцию звуков у отдельных слушателей. Как правило, одна фонетическая зарядка бывает посвящена какому-то одному звуку. В качестве материала мы предлагаем использовать короткие стихотворения, пословицы, поговорки, идиомы, песни, тексты, фонетические упражнения, речевые образцы.

Возможно обращение к фонетике и в середине занятия. Так, например, с целью активизации мыслительной деятельности обучающихся целесообразно провести короткую несложную фонетическую игру. Переключение видов деятельности, во-первых, снимет умственное напряжение, создаст позитивный эмоциональный настрой, подготовит к дальнейшему восприятию лингвистического материала, во-вторых, позволит еще раз затронуть фонетические единицы современного русского языка и потренировать речевой аппарат иностранцев.

Знание звуковой системы языка, ударения, ритмики, интонации, мелодики, способностей фонетической организации речи и умение пользоваться ими в процессе общения называются фонологической компетенцией [3, с. 340]. Фонологическая компетенция непосредственным образом связана с развитием слухопроизносительного навыка – «способности правильно, в соответствии с нормами изучаемого языка, воспринимать услышанный звуковой образец и адекватно его воспроизводить» [3, с. 280].

Известно, что носители разных языков испытывают различного рода произносительные трудности. Например, произношение русского звука [ы], неразличение гласных [и] и [ы], неразличение огубленных [о] и [у], редукция безударных гласных, дифференциация твердых и мягких согласных, позиционные изменения твердых и мягких согласных, позиционные изменения глухих и

звонких согласных, произношение [р] и [р'], [л] и [л'] и других русских звуков.

Н. А. Любимова указывает, что качество русского согласного звука зависит от многих факторов фонетического контекста: от положения относительно ударения, характера слога, а также от характера артикуляции соседнего звука. Так, например, в фонетических позициях выделяются следующие: а) абсолютное начало, б) абсолютный конец, в) середина слова [4, с. 20]. Все это усложняет вырабатывание фонетических навыков и развитие фонологической компетенции.

Произношение и дифференциация свистящих согласных звуков [с], [з], [ц] вызывают затруднения у большинства сотрудников правоохранительных органов иностранных государств. Вместо правильного звука у инофонов получается [дз], [тс], [щ] или [д'ж']. Достаточно часто возникают сложности с различением согласных [с] и [ц]. Указанные звуки относятся к группе согласных переднеязычных зубных. Далее подробнее остановимся на их артикуляционной характеристике, рассмотрим основные приемы постановки и различения звуков.

Чтобы произнести твердые согласные звуки [с] и [з], нужно кончик языка прижать к нижним зубам у основания. Передняя часть спинки языка приближается к альвеолам, но не касается их. Боковые края передней части спинки языка подняты и прижаты к верхним зубам так, что посередине образуется щель, через которую проходит воздух, создавая свистящий шум. При произношении [с] воздушная струя сильнее и продолжительнее, чем при произношении [з]. Глухой согласный [с] и звонкий согласный [з] образуют пару по признаку глухости-звонкости [5, с. 129].

Для того чтобы произнести мягкие согласные звуки [с'] и [з'], нужно плотно прижать кончик языка к нижним зубам. Переднезадняя часть спинки языка поднимается к альвеолам и небу, в то время как боковые края языка прижаты к верхним зубам так, что посередине образуется узкая щель. Согласные звуки [с] – [с'] и [з] – [з'] образуют пары по признаку твердости-мягкости [5, с. 136].

Т. И. Смирнова пишет: «Отличие произношения глухих звуков [с] и [с'] в том, что при их произношении голосовые связки не вибрируют, только слышится шум, похожий на слабый свист, тогда как при артикуляции звонких [з] и [з'] голосовые связки вибрируют, образуя голос» [6, с. 11].

Среди основных приемов постановки звуков [с] и [з] можно перечислить следующие:

1. Произнесите долгий звук [с], добавьте голос, получится звук [з].

2. Изобразите комара или звонок: [з].

3. Произнесите [з], затем растяните рот в улыбку, получится мягкий звук [з'].

После освоения иностранными слушателями артикуляционных характеристик звуков необходима работа над постановкой произношения и коррекция [7, с. 42]. Важно помнить, что «...постановка произношения и развитие слухопроизносительных навыков должны осуществляться на материале различной сложности: звук, звуко сочетание, предложение, тренировочные упражнения...» [8, с. 157].

Коррекцию произношения и различение твердых согласных звуков [с]-[з] можно провести на следующем материале:

– са – за, со – зо, су – зу, сы – зы;

– совет – завет, солить – залить, зон – зонтик, совершить – завершить, суп – зуб, внесу – внизу, слой – злой, слово – злого, с вами – без вас;

– русский язык, полезный совет, старое здание, слушай звук.

Я изучаю русский язык. Старик дал мне полезный совет. Туристы осматривали старое здание. Он никогда не скажет злого слова. Возьми свой зонтик. На севере принято солить грибы. Визит делегации завершен. Совершен запуск искусственного спутника Земли.

С целью закрепления произношения звуков [с]-[с'] рекомендуется использовать упражнения типа:

– са – ся, со – сё, су – сю, сы – си; ас – ась, ос – ось, ус – усь, ис – ись;

– сад – сядь, сок – сёк, сын – синь, суда – сюда, вес – весь, ест – есть;

– красивый сад, сядь рядом, вкусный сок.

Старший сын. На небе синь. В порту стояли суда. Иди сюда! У этого тела большой удельный вес. Весь вечер я писала письма. Он всегда плохо ест. У меня есть новости.

Для дифференциации звуков [з]-[з'] следующие:

- за – зя, зо – зё, зы – зи;
- возы – вози, зорко – зёрна, азот – везёт.

Завтра магазин закрыт. Зина написала задание. Это здание – музей. Завтра будет урок физики. Здравствуйте, друзья! Розы в вазе. Зимой здесь не бывает сильных морозов.

После работы по изучению артикуляционной характеристики и приемов постановки звуков [с']-[з'] необходимо закрепить сформировавшееся умение, выполнив упражнения:

- ся – зя, се – зе, сю – зю, си – зи;
- сядь – зять, сели – зелень, синий – зимний, семья – земля.

Зимнее синее небо. Здесь нельзя сидеть. Сегодня музей закрыт. У Зины синее платье. Здесь мало зелени. Сядь здесь. Зять приехал. Красивая зелень. Они сели рядом. Моя семья. Родная земля [4].

Перейдем к звуку [ц] – одному из самых сложных для инофонов звуков русского языка. «Аффриката [ц] встречается в русском языке во всех фонетических позициях. Произношение этого звука вызывает затруднение у представителей различных национальностей» [4, с. 86].

Согласный звук [ц] представляет собой однофокусную переднеязычную глухую твердую аффрикату. Чтобы произнести звук [ц], нужно немного приоткрыть передние зубы, слегка растянув губы. Кончик языка и передняя часть спинки языка плотно прижимаются к участку твердого неба за передними резцами, как при артикуляции звука [т]. Далее язык мгновенно отходит от твердого неба (от участка за передними зубами), образуя щель, через которую проходит воздушная струя, как при артикуляции звука [с]. Спинка языка не образует выпуклости [5, с. 139].

К приемам постановки звука [ц] относят такие упражнения:

Из положения языка «мост» произносить подряд: «тсс», «тсс», «тсс», убыстряя темп: «тсс», «тсс», «ц».

Из положения языка «лопата» прикусить переднюю часть языка в слоге: «ат» и подуть, получится «ат–с = ац».

3. Если звук [с] произнести правильно, то, добавив голос, получим [з], добавив подъем средней части спинки языка, получим [с'] и [з']. Если перед щелью добавить смычку, то получим [ц] [9, с. 48].

Приведем примеры заданий на дифференциацию звуков [с]-[ц]:

- ца – са, цу – су, цы – сы; ац – ас, ец – ес;
- цвет – свет, лица – лиса, цирк – сыр.

В конце месяца сюда приедет московский цирк. Я познакомился с артистом цирка. На завтрак я купил яйца и сыр. Светлый цвет пальто. Яркий свет. Мне не нравится пальто светлого цвета. В комнате не было света. Он сел около отца. Стакан упал, но был цел. Не вижу лица. Это лиса. Унеси эти страницы рукописи. Здесь конец города. Весь месяц я жил у отца [4].

Важное значение для иностранных слушателей имеет работа над специально подобранными скороговорками, которые в своей структуре содержат необходимые звукосочетания. Например: Скоро мы все скороговорки выскороговорим. В семеро саней по семеро в сани уселись сами. У осетра была сестра, она пила ситро с утра. Зина с корзиной и зимой в магазине. Ослик был сегодня зол: он узнал, что он – осел. Завистливая Зина завидует Зое: везет же Зое – везут Зою к Везувию! Цыпленок и курица пьют водичку на улице. Целый центр по цветным металлам открыт на Цветом бульваре. Скворцы и синицы – веселые птицы [10].

С целью расширения дидактического материала мы предлагаем обратиться и к идиоматическим выражениям, которыми богат русский язык: «... использование такого материала позволит преподавателю, сохраняя общую направленность на постановку и тренинг произношения тех или иных русских звуков, одновременно разнообра-

зять фонетические занятия, поговорить со студентами о специфике русского мировосприятия, расширить их кругозор и русский лексический запас, сделать небольшие экскурсии в историю как русского языка, так и русского народа» [11, с. 5].

Так, например, при изучении звуков [с], [з], [ц] можно выучить следующие идиомы: Не родись красивой, а родись счастливой. С сильным не борись, с богатым не судись. С секунды на секунду. Для очистки совести. Лицом к лицу лица не увидать. Яйца курицу не учат. Сердце кровью обливается. Конец – делу венец. Палец о палец не ударит. Зуб на зуб не попадает. Как сквозь землю провалился. С глазу на глаз. От зари до зари. Заговаривать зубы [10].

Продуктивным, на наш взгляд, будет обращение к песенному материалу. Многие известные тексты также содержат интересные нас звукосочетания. Это такие песни, как «Надежда» (слова Н. Добронравова, музыка А. Пахмутовой), «Солнечный круг» (слова Л. Ошанина, музыка А. Островского), «Подмосковные вечера» (слова М. Матусовского, музыка В. Соловьева-Седого), «Нежность» (слова С. Гребенникова,

Н. Добронравова; музыка А. Пахмутовой). Кроме богатого фонетического материала, песни содержат культурологическую информацию, необходимую для развития социокультурной компетенции у сотрудников правоохранительных органов иностранных государств.

Итак, развитие и совершенствование фонологической компетенции основывается на постановке, коррекции и постоянном совершенствовании артикуляционной базы иностранных слушателей. Без знания звуковой системы языка невозможно обучение чтению, письму, говорению, аудированию – основным видам речевой деятельности. Коррекции и закреплению правильного произношения согласных свистящих звуков [с], [з] и [ц] у иностранных обучающихся способствуют работа с характеристикой артикуляции звуков, обращение к приемам постановки и дифференциации звуков, выполнение фонетических упражнений, изучение песен, стихотворений, скороговорок, идиоматических выражений, которые позволяют преподавателю расширить материал, а инофонам пополнить словарный запас и познакомиться с российской культурой.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гусейнова Т. В. Приемы постановки и различения звуков [л] и [л'] на занятиях по русскому языку как иностранному // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2018. № 2. С. 154–159.
2. Бакирова Л. Р. Постановка и коррекция гласных звуков [о] и [у] на занятиях по русскому языку как иностранному // Казанская наука. 2021. № 9. С. 41–44.
3. Любимова Н. А. Обучение русскому произношению: Артикуляция. Постановка и коррекция русских звуков. 2-е изд., стереотип. М.: Русский язык, 1982. 192 с.
4. Смирнова Т. И. Русский язык: вводный фонетический курс для иностранцев: учебно-методическое пособие. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2003. 132 с.
5. Прыгают на языке скороговорки, как караси на сковородке: материалы для занятий по русской фонетике / сост. Н. В. Богданова-Бегларян, С. Б. Степанова. Санкт-Петербург: Златоуст, 2013. 64 с.
6. Азимов Э. Г., Щукин А. Н. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). М.: ИКАР. 2009. 448 с.
7. Бочкарева Т. А. Основные сведения по фонетике современного русского языка: учебное пособие для дистанционного обучения студентов факультета коррекционной педагогики и специальной психологии. Саратов, 2008. 66 с.
8. Фонетическая хрестоматия. Материалы по русской фонетике. Скороговорки и палиндромы. Пословицы и поговорки. Идиоматические выражения. Стихи / сост. Н. В. Богданова, Л. В. Игнаткина. Санкт-Петербург, 2003. 204 с.
9. Капитонова Т. И., Московкин Л. В. Методика обучения русскому языку как иностранному на этапе предвузовской подготовки. Санкт-Петербург: Златоуст, 2006. 272 с.

10. Абрамова Г. А. Вводный фонетико-грамматический курс русского языка для студентов-иностранцев. М.: МГИМО-Университет, 2016. 179 с.

11. Содержание и организация современного урока русского языка как иностранного / авт.-сост. Н. В. Киселева. Волгоград: Учитель, 2019. 186 с.

© Бакирова Л. Р.

УДК 811.161.1'373.72:34

Е. И. БЕГЛОВА, профессор кафедры иностранного языка и культуры речи Нижегородской академии МВД России, доктор филологических наук, профессор (г. Нижний Новгород)

E. I. BEGLOVA, professor of the department of foreign language and culture of speech of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, doctor of philology, professor (Nizhny Novgorod)

**КРЫЛАТЫЕ СЛОВА, ПОСЛОВИЦЫ И ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ,
ОТРАЖАЮЩИЕ СФЕРУ ПРАВА,
С ПОЗИЦИЙ РУССКОЙ НАРОДНОЙ КУЛЬТУРЫ**

**WINGED WORDS, PROVERBS, AND PHRASEOLOGICAL UNITS
REFLECTING THE SPHERE OF LAW, FROM THE PERSPECTIVE
OF RUSSIAN FOLK CULTURE**

Аннотация. Предметом статьи явились главным образом крылатые слова, пословицы и частично фразеологические единицы (далее – ФЕ), отражающие общественную сферу «право». Методом сплошной выборки из словарей были отобраны названные единицы речи и языка, содержащие семы «право», «закон», «нарушение закона», «нарушение этических норм», «несоблюдение профессиональных обязанностей». Цель статьи: на материале крылатых слов, пословиц и ФЕ выявить в диахронии общественную оценку противоправных деяний и аморальных поступков, сконцентрированную в народных изречениях, в единицах языка и речи, обозначающих актуальные явления российской жизни в разные периоды, а также проанализировать особенности семантики и этимологии этих единиц.

В результате проведения разных видов анализа речевого и языкового материала (семантического, этимологического и лингвокультурологического) были сделаны выводы о том, что с этимологической точки зрения, большая часть крылатых слов является метафорой, другая часть крылатых слов – это цитаты из текстов художественной литературы, кинофильмов, телесериалов; ФЕ рождаются в речи и закрепляются в языке как устойчивые единицы языка; пословицы, отражающие народный опыт, являются речевыми единицами, эксплицирующими особенности русской ментальности в разные периоды развития российского общества, связанные с законом, моралью, профессиональными требованиями и поступками, обусловленными сферой «право». По семантическому критерию было выделено шесть групп крылатых слов и ФЕ, а также три семантико-оценочные группы народных изречений и ФЕ, в которых доминирует оценка, а не смысл. Доказано, что пословицы, крылатые слова и ФЕ, отражающие сферу права в широком смысле, репрезентируют признание народом закона, морали, а также осуждение нарушения закона, моральных принципов, несоблюдения профессиональных обязанностей.

Ключевые слова и словосочетания: крылатые слова, пословицы, фразеологические единицы, семантика, этимология, сфера права, закон, мораль.

Annotation. The article's subject is mainly winged words, sayings, and partly phraseological units reflecting the public sphere of «law». The named units of speech and language containing the seme «right», «law». «violation of the law», «violation of ethical standards», «non-compliance with professional standards» were selected from the vocabulary by the method of continuous sampling. The purpose of the article is to use winged words and phraseological units as the basis to identify in diachrony a public assessment of unlawful and immoral acts, concentrated in folk sayings, in units of language and speech, denoting the actual phenomena of Russian life in different periods, as well as to analyze the features of semantics and the etymology of these units.

As a result of various types of analysis of speech and linguistic material (semantic, etymological and of cultural linguistics), it was concluded that from an etymological point of view, most of the winged words are metaphors, the other part of winged words are quotations from the texts of fiction, films, TV series; the phraseological units are born in speech and are fixed in the language as stable language units; proverbs reflecting folk experience are speech units that explicate the features of the Russian mentality in different periods of the Russian society development, associated with law, morality, professional requirements and actions conditioned by the sphere of «law». According to the semantic criterion six groups of winged words and phraseological units were identified, as well as three semantic-evaluative groups of folk sayings and phraseological units, in which assessment, rather than meaning, dominates. It has been proved that proverbs, winged words and phraseological units, reflecting the sphere of law in a broad sense, represent the people's recognition of the «law», morality, as well as condemnation of the violation of the law, moral principles, failure to comply with professional standards.

Keywords and phrases: winged words, proverbs, phraseological units, semantics, etymology, the sphere of law, law, morality.

В русской народной культуре, отражающей жизнь людей с разных сторон (морали, быта, совершаемых деяний любым человеком или человеком определенной профессии, не соответствующих этическим или профессиональным нормам и пр.) демонстрируется общественная оценка всего названного, а также акцентируются реалии, актуальные в конкретную эпоху. Всё это запечатлено в фольклорных жанрах, к которым можно отнести пословицы, а также в речевых единицах, которые называются крылатыми словами, образовавшихся на основе метких по смыслу фраз, шутливых высказываний персонажей художественных произведений, а также взятых из речи известных людей и средств массовой информации.

Предметом данной статьи явились преимущественно крылатые слова, пословицы и частично фразеологические единицы, содержащие семы «право», «закон», «нарушение закона», «нарушение этических норм», «несоблюдение профессиональных обязанностей», зафиксированные в словарях крылатых слов, пословиц и поговорок русского

народа, во фразеологических словарях [1; 2; 3; 4; 5; 6].

Цель статьи: на материале крылатых слов, пословиц и ФЕ выявить в диахронии общественную оценку противоправных деяний и аморальных поступков, сконцентрированную в народных изречениях, в единицах языка и речи, обозначающих актуальные явления российской жизни в разные периоды, а также проанализировать особенности семантики и этимологии этих единиц.

Прежде всего, следует разграничить языковые и речевые единицы. К языковым единицам мы относим выражения, равные слову или словосочетанию, зафиксированные в словарях (в парадигматике; как единицы системы языка), то есть фразеологические единицы (далее – ФЕ). По нашему мнению, к речевым единицам принадлежат слова и выражения, являющиеся цитатами речи персонажей художественных текстов, высказываниями общественных и государственных деятелей, фразами из текстов средств массовой информации, то есть образовавшиеся в процессе речи, коммуникации

(в синтагматике), в нашем случае – крылатые слова и пословицы.

В исследовании языковых и речевых единиц мы использовали следующие методы: метод сплошной выборки при сборе языковых / речевых единиц, сопоставительный, описательный, семантический методы, а также лексико-стилистический и этимологический анализ крылатых слов, высказываний и ФЕ.

Прежде всего, следует определить понятия, обозначаемые терминами крылатые слова, пословицы и фразеологические единицы.

Крылатые слова (выражения) – это речевые единицы; устойчивые изречения, вошедшие в язык из определенного литературного, исторического и др. источника, например, меткие изречения писателей, политических, общественных и государственных деятелей, литературные цитаты, цитаты из мультфильмов, кинофильмов, получившие широкое распространение в речи по причине их смысловой меткости, выразительности [7, с. 115]. В данном случае термин «крылатое слово» тождественно понятию «афоризм» в широком понимании.

Пословица – речевая единица; это законченное по смыслу, образное изречение, содержащее назидание, поучение [7, с. 222].

Фразеологическая единица (ФЕ) – это языковая единица; лексически неделимое словосочетание, устойчивое по структуре, грамматическому составу и воспроизводимое в речи в готовом виде [7, с. 377–378]. Небольшое количество ФЕ с названными выше семами мы извлекли методом сплошной выборки из фразеологического словаря русского языка [6].

Крылатые слова, пословицы и ФЕ мы исследовали с семантической, этимологической и лингвокультурологической точек зрения.

Следует заметить, что пословицы, поговорки и фразеологизмы как понятия и их особенности подробно изучались в ряде работ, например, Н. Ф. Алефиренко [8; 9], Н. Н. Семененко [9], Л. Б. Савенковой [10], В. М. Мокиенко [5]. Лингвисты О. В. Кли-

мович, Ф. Г. Фаткуллина описали особенности ФЕ с семантикой «преступление» и «наказание» [11] и др. Мы также ранее исследовали ФЕ в антинормии «закон – преступление» [12], поэтому в данной статье больше внимания уделяем крылатым словам и пословицам.

Учитывая особенности семантики, можно классифицировать наш языковой и речевой материал, выделив несколько семантических групп, отражающих сферу права в широком понимании, то есть отношение народа сквозь призму жизненного опыта к существующим законам, правам, обязанностям представителей закона и граждан, а также к этическим нормам. Представим эти семантические группы крылатых слов, пословиц и ФЕ, изъятых нами из соответствующих словарей [1; 3, 4; 5; 6].

1. Названия преступника или группы преступников, то есть тех, кто преступает законы, нарушает правовые или этические нормы. Это в основном речевые единицы – крылатые слова и выражения.

Али-баба и сорок разбойников – о нарушителях порядка, тех, кто создает неудобства кому-либо, и их предводителя; этимологически фраза связана с героями арабской сказки [3, с. 28].

Старики-разбойники – о людях преклонного возраста, нарушающих правовые и этические нормы, законы; крылатое слово восходит к одноименному кинофильму, снятого режиссером Э. Рязановым (1971 г.) [3, с. 652], в котором друзья (люди преклонного возраста) сознательно осуществляют кражу картины из музея, чтобы потом ее самим же, якобы, найти и вернуть в музей и стать героями.

Вооружен и очень опасен – 1) о бандите, 2) о вооруженном человеке; этимологически фраза связана с объявлениями милиции, которые давались в советский период в рубрике «Их разыскивает милиция», а также соотносится с названием одноименного приключенческого фильма режиссера В. Вайнштока, снятого по мотивам произведений Ф. В. Гарта [3, с. 112].

(Александр Иванович) Корейко, подпольный миллионер – о том, кто утаивает нажи-

тые нечестным путем большие доходы; это одноименный персонаж романа И. Ильфа и Е. Петрова «Золотой теленок» (1931 г.) [3, с. 325]. В основе крылатого слова лежит метафора, образованная на сходстве по поступкам человека.

Крестный отец – глава мафии; происхождение крылатого выражения связано с названием известного кинофильма (1971), снятого по роману М. Пьюзо (1969 г.) [3, с. 334].

Раскольников – убийца; герой романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» (1866 г.) [3, с. 592], который убил старуху-процентщицу из-за денег, а потом мучился: «Кто я?! Тварь дрожащая или право имею?». Крылатое слово Раскольников, именуемое безжалостных убийц, является метафорой, основанной на сходстве по поступку человека.

Фантомас – безжалостный и / или неуловимый преступник; этимологически крылатое слово является метафорой и связано с именем героя одноименного романа П. Сувестра и М. Аллена; крылатое слово стало популярным в русской речи после появления фильмов о Фантомасе [3, с. 720].

2. Характеристика милиции (ныне полиции) как людей, демонстрирующих ответственность, профессионализм и высокие моральные качества, несмотря на опасность профессии.

Большую часть названной группы составляют крылатые слова и выражения. Продемонстрируем это примерами.

Холодная голова, горячее сердце и чистые руки – образная характеристика ума, высоких моральных качеств милиционеров, сотрудников службы госбезопасности и – шире – любого человека [3, с. 725]. Высказывание принадлежит Ф. Э. Дзержинскому, наркомун внутренних дел, председателю ВЧК, затем ГПУ и ОГПУ (1917–1923 гг.), который именно так определял качества чекиста.

Моя милиция меня бережет – 1) выражение уверенности в своей защищенности от противоправных действий, положительная оценка деятельности милиции; 2) о на-

казании или предупреждении милицией (полицией) за мелкие нарушения. С этимологической точки зрения, фраза является цитатой из поэмы В. В. Маяковского «Хорошо» (1927 г.), гл. 12 [3, с. 389].

Наша служба и опасна, и трудна (и на первый взгляд как будто не видна... Служба – дни и ночи) – 1) о милиции, 2) об опасности профессии, которую обычно не включают в число рискованных. Эта крылатая фраза является цитатой из советской песни «Незримый бой» (слова А. Горохова, муз. М. Минокова (1972 г.)) [3, с. 428].

Дядя Степа – о добром, справедливом милиционере, полицейском; этимологически крылатое слово является метафорой, образованной на основе сходства по профессиональным качествам человека, – главного героя поэмы С. В. Михалкова «Дядя Степа – милиционер» (1954 г.), а также «Дядя Степа и Егор» (1968 г.) [3, с. 200].

Мегрэ – хороший следователь или детектив; с точки зрения этимологии, крылатое слово является метафорой, созданной по сходству с профессиональной чертой, связанной с именем героя детективных романов французского писателя Ж. Сименона, который раскрыл огромное количество преступлений [3, с. 375].

3. Действия представителей закона.

В этой семантической группе можно выделить два рода действий представителей правоохранительных органов:

1) *в отношении нарушителей порядка или общественной морали*, например, ФЕ:

– *выводить на чистую воду* – раскрывать чьи-либо темные дела, замыслы, разоблачать кого-либо [6, с. 243].

– *прижать (придавить, взять) к ногтю* – сурово и безжалостно покарать, расправиться; совершить возмездие за проступки [6, с. 267].

2) *действия в отношении потерпевших*, например, крылатое выражение: *Ищут пожарные, ищет милиция (ищут давно, но не могут найти)* – о длительных, но безрезультатных поисках (обычно о поисковых действиях милиции и пожарных); этимологически фраза является цитатой из рассказа

С. Я. Маршака «Рассказ о неизвестном герое» (1937) [3, с. 285].

4. Неодобрение действий представителей, связанных профессионально со сферой «право»: милиции (полиции), органов правосудия.

В названную семантическую группу мы включили следующие крылатые выражения:

Без вины виноватые – о несправедливо обвиненных; этимологически фраза восходит к названию комедии русского писателя XIX века А. Н. Островского «Без вины виноватые» (1884 г.) [3, с. 49].

Казнить нельзя помиловать – крылатое выражение этимологически является фразой из одноименной повести Л. Гераскиной «Казнить нельзя помиловать». Это цитата из приговора, вынесенного герою мультфильма «В стране невыученных уроков», Виктору Перестукину: «Пусть он, наконец, поймет, какое значение имеет запятая, – сказала Горбунья. – Запятая может даже спасти человеку жизнь. Вот пусть Перестукин и постарается спасти себя, если он этого хочет» [3, с. 289]. Следует отметить тот факт, что данная цитата в качестве прецедентного текста неоднократно встречалась в заголовках текстов современных СМИ, например: заголовков: «Сажать нельзя помиловать?» Текст статьи: «Слышала, что суд приговорил парализованного москвича к шести годам лагерей. Разве так можно? При этом пышущая здоровьем экс-оборонщица Васильева, обвинявшаяся в краже миллиардов, «коротает» арест в своей шикарной многокомнатной квартире!» По нашему мнению, актуальность этой крылатой фразы в современной речи можно объяснить частотностью несправедливых судебных решений с точки зрения не закона, а гуманности, когда люди, не зная законов, рассуждают и оценивают проступки, степень их тяжести, опираясь на общественную мораль, этические нормы, а не на «букву закона».

Паспорта нету – гони монету – о требовании представителями закона взятки, платы за безнаказанность с кого-либо (обычно в условиях паспортного режима). Крылатая фраза является цитатой из припева гимна

анархистов «Цыплёнок жареный, цыплёнок пареный...» (XIX в.) [3, с. 523].

5. Угроза наказания кому-либо.

Данную семантическую группу составляют следующие крылатые выражения:

Будут бить, может быть, даже ногами – угроза, предупреждение о жестоком наказании; этимологически фраза является цитатой из романа И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев» (1928 г., гл. 8): «Ты кому продал стул?» – спросил Остап позванивающим шепотом. «Здесь Паша Эмильевич, обладавший сверхъестественным чутьем, понял, что сейчас его *будут бить, может быть, даже ногами*» [3, с. 68].

Тебя посадят (посодют), а ты не воруй – фраза имеет просторечную окраску; значение «наказание неотвратимо»; с этимологической точки зрения, фраза является цитатой из речи героя кинофильма «Берегись автомобиля» (1966 г.) Сокола-Кружкина (артист А. Папанов) [3, с. 674].

Молилась ли ты на ночь, Дездемона? – предупреждение о наказании; фраза, произнесенная героем Отелло в трагедии В. Шекспира «Отелло» (1604 г.) [3, с. 387]; часто употребляется в шутовском тоне.

Под колпаком у Мюллера – под подозрением у кого-либо; крылатое слово этимологически связано с выражением из речи персонажей романа Ю. Семенова «Семнадцать мгновений весны» (1945 г.) [3, с. 533]. Генрих Мюллер – это герой 12-серийного телефильма, снимавшегося с 1971 по 1973 г., шеф гестапо, сторонник нацистской философии, умудренный опытом профессионал, способный к анализу различных ситуаций, умевший создавать ситуации, в которых разоблачал кого-либо, главный противник еще одного главного героя, советского разведчика – Штирлица.

6. Оправдание поведения человека, обусловленное нарушением законов, обязанностей или этических норм.

В семантическую группу вошли следующие крылатые выражения:

Главное – вовремя смыться – самое важное после совершения какого-либо (обычно неблагоприятного) поступка – исчезнуть, что-

бы избежать наказания или нежелательных последствий [3, с. 154].

Если (от многого) взять немножко, это не кража, а просто дележка – оправдание говорящего, забирающего часть чего-либо без спросу; является фразой из итальянской песни, которую произносит персонаж Пепе из «Сказок об Италии», написанных А. М. Горьким (1911–1913 гг.) [3, с. 212].

Он слишком много знал – 1) о причине убийства свидетеля, 2) о причине отстранения от важных дел, увольнения; это слова Шефа из кинокомедии Л. Гайдая «Бриллиантовая рука» (1969 г.) [3, с. 492].

Очень хочется кушать – оправдание сделки с совестью, оправдание воровства; это фраза из студенческого анекдота и произведения А. П. Чехова «Осколки московской жизни» (1883 г.) [3, с. 515].

Выделенные нами выше шесть семантических групп включают в большей степени крылатые слова (выражения), в которых доминирует та или иная сема как компонент значения, то есть доминирует смысл, рациональный компонент над эмоциональным, оценочным компонентом.

Однако можно выделить и такие группы крылатых слов, пословиц, ФЕ, в которых доминирует оценка, то есть эмоционально-оценочный компонент над рациональным. При этом в названных видах речевых и языковых единиц отражается как отрицательная оценка (осуждение чего-либо или кого-либо), так и положительная (одобрение чего-либо или кого-либо). Продемонстрируем несколько семантико-оценочных групп народных изречений и ФЕ, связанных со сферой права.

1. Оценка преступных действий кого-либо.

Давать / дать на лапу – ФЕ, неодобрительная окраска, оценка отрицательная; подкупать, давать взятку кому-либо [6, с. 246].

У каждого преступления есть свой «паровоз» [1, с. 453].

Дуракам закон не писан даже в правовом государстве [1, с. 380; 4, с. 111].

2. Оценка законов и их нарушений

Например, крылатые выражения с отрицательной оценкой, эксплицирующие иронию:

Закон джунглей – о жестоком законе; об обществе, в котором права на стороне сильного, имущего; с точки зрения этимологии фраза взята из книг Р. Киплинга «Книга джунглей», например, в книге 1, главе «Братья Маугли» и др. (1894–1895 гг.) [3, с. 244].

Закон что дышло: куда повернул, туда и вышло [2; 1, с. 181; 4, с. 123].

Где закон, там и обида – пословица; о несправедливости закона или решении суда [2].

В словарях отмечаются крылатые слова и с положительной оценкой, которая свидетельствует о том, что народ по-своему чтит законы, он был на стороне правды: есть преступление, есть преступник – значит должно последовать наказание.

Преступление и наказание – о проступке, нарушении закона и последующей социальной оценке, мере наказания [3, с. 563]; данное крылатое выражение этимологически соотносится с одноименным названием романа Ф. М. Достоевского, написанном в 1865–1866 гг.

Кодекс надо чтить (Мы чтим уголовный кодекс) – предупреждение о том, чтобы не нарушать уголовный кодекс; с этимологической точки зрения фраза является репликой героя Остапа Бендера из романа И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев» (1928 г.), глава 23 [3, с. 320].

Суров закон, но – закон (калька с латинского: *dura lex, sed lex*) [4, с. 181].

Не бойся закона, бойся судьи – пословица; закон признается, но выражается опасение по поводу того, что его истолкование зависит от решения судьи, который может поступить не совсем в соответствии с законом или строго следовать «букве закона», не учитывая моральные принципы, которые обуславливают нарушение, вступив в противоречие с законом [2].

Недолго той земле стоять, где учнут уставы ломать – пословица; о важности действия закона, без которого порядка в жизни народа не будет [2].

Всуе законы писать, когда их не исполнять – пословица; о важности справедливых законов, которые не ущемляют прав граждан, а не тех, которые написаны без учета

интереса большинства граждан [2]. Как видим, в русской ментальности, в народной культуре отражается законопослушность и признание законов, не только регламентирующих права граждан, но и предписывающих обязанности. Данные выше пословицы и ФЕ, зафиксированные в словарях, отражают мировоззрение и общественную оценку российского народа XVIII–XIX вв. [2; 4], а крылатые слова [3] – советского периода.

В эту же группу можно включить новые пословицы 1990-х – начала 2000-х гг., например, зафиксированные в словаре антипословиц русского народа [1]. Исследователи Х. Вальтер и В. М. Мокиенко назвали новые пословицы антипословицами [1]. По нашему мнению, антипословицы – это фразы, построенные на основе или по образцу соотносимых с ними по форме и частично по компонентному составу пословиц, отражающих актуальные понятия, проблемы нового времени, в частности, постсоветского. В так называемой «антипословице» имплицитруется пословица, которая является прецедентным текстом для новых пословиц, то есть адресат воспринимает антипословицу с учетом знакомой ему пословицы на основе речевой и культурной пресуппозиций. Например, такие новые пословицы постсоветского периода:

Одни преступают законы, другие вытирают о них ноги [1, с. 181]. В пословице демонстрируется разное отношение граждан к законам и порядку: одни редко преступают закон, другие в целом не считают необходимым его соблюдать.

И право часто обходят слева! [1, с. 380]. Пословица имеет ироническую окраску и значение «избежать наказания за нарушение закона».

Закон справедлив, но всех посадить нельзя [1, с. 181]. В пословице отражается факт частого нарушения законов людьми.

3. Оценка противоправных деяний человека

Дуракам закон не писан даже в правовом государстве [1, с. 380; 4, с. 111]. Пословица содержит, с одной стороны, оскорбительную оценку тех граждан, которые не соблюдают

законы, зная, что последует наказание, с другой – эксплицируется невежество некоторых граждан, не знающих о существовании в обществе законов, регулирующих поведение граждан в обществе.

У каждого преступления есть свой «паровоз» – пословица; о мотиве или инициаторе преступления [1, с. 453].

Поскольку пословицы отражают народный опыт, основанный на стереотипности и повторяемости ситуаций, в которых оказывается человек, подобного рода речевые единицы народной культуры свидетельствуют об их частотности в жизни общества, они в большинстве случаев выражают отрицательную оценку противоправных деяний кого-либо.

Следует особо отметить то, что некоторые крылатые слова (выражения) имеют несколько значений, в которых выражается противоположная оценка: общественная оценка действий человека с позиций нарушения закона или морали, а также оценка действий или человека со стороны преступника, например: *золотая рыбка* – 1) взяткодатель; 2) жаргонное: указ об амнистии; 3) жаргонное: жертва шулеров; этимологически данное крылатое слово соотносится со сказкой А. С. Пушкина «Сказка о рыбаке и рыбке» (1833 г.) [3, с. 256]. Первое значение имеет отрицательную общественную оценку, ироническую окраску, а второе и третье жаргонные значения выражают отрицательную оценку, переходящую в иронию, явления (амнистии) и доверчивого человека как со стороны преступников, так и со стороны законопослушных граждан. Именованная амнистии и доверчивого человека золотой рыбкой содержит коннотацию «удача, везение», за счет чего отрицательная оценка переходит в иронию.

За мелкие преступления можно попасть в тюрьму, за великие – войти в историю [1, с. 3]. В этой пословице совмещаются, с одной стороны, отрицательная общественная оценка преступлений, несоблюдения законов, а с другой – имплицитруется шутка, перерастающая в иронию, по поводу того, что преступник может стать очень известным человеком не за истинные заслуги перед об-

ществом, а за совершение дерзких, неординарных преступлений, за которые он часто не подвергается заслуженному наказанию.

Итак, подведем итоги проведенных нами разных видов анализа народных изречений и ФЕ: семантического, этимологического и лингвокультурологического.

С этимологической точки зрения большая часть крылатых слов является метафорой, основанной на сходстве профессиональной черты, характеристики свойств человека, характера совершаемых противоправных поступков и др. Другая часть крылатых слов является цитатами из текстов художественной литературы, кинофильмов, телесериалов.

ФЕ рождаются в речи и закрепляются в языке как устойчивые единицы языка; поговорки, отражающие народный опыт, мудрость, являются речевыми единицами, эксплицирующими особенности русской ментальности в разные периоды развития российского общества, связанные с законом, моралью, профессиональными требованиями и поступками, обусловленными сферой «право».

По семантическому критерию нами было выделено шесть групп крылатых слов и ФЕ:

1) названия преступника и/или группы преступников, то есть тех, кто преступает законы, нарушает правовые или этические нормы;

2) характеристика милиции (ныне полиции) как людей, демонстрирующих ответственность, профессионализм и высокие моральные качества, несмотря на опасность профессии;

3) действия представителей закона;

4) неодобрение действий представителей, профессионально связанных со сферой «право»: милиции / полиции, органов правосудия;

5) угроза наказания кому-либо;

6) оправдание поведения человека, обусловленное нарушением законов, профессиональных обязанностей или этических норм;

Кроме семантических групп, связанных со сферой права, были особо выделены три семантико-оценочных группы народных изречений и ФЕ, в которых доминирует оценка:

1) оценка преступных действий кого-либо;

2) оценка законов и их нарушений;

3) оценка противоправных деяний человека.

Как показал речевой и языковой материал, извлеченный из словарей, с XVIII по XX в. доминирует положительная общественная оценка закона, соблюдения этической нормы и наблюдается отрицательная оценка преступлений, проступков человека.

Пословицы, крылатые слова и ФЕ, отражающие сферу права в широком смысле, репрезентируют признание большей частью русского народа закона, морали, а также осуждение нарушения закона, прав, моральных принципов, несоблюдения профессиональных обязанностей. Все это является частью ментальности русского человека, запечатленной в речевых и языковых единицах русской речи, в целом – русской народной культуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вальтер Х., Мокиенко В. М. Антипословицы русского народа. СПб.: Нева, 2006. 576 с.
2. Даль В. И. Пословицы русского народа. Сборник В. Даля. В 3 томах. М.: Русская книга, 1993.
3. Дядечко Л. П. Крылатые слова нашего времени. Толковый словарь. М.: НТ Пресс, 2008. 797 с.
4. Жуков В. П. Словарь русских пословиц и поговорок. 5-е изд. М.: Русский язык, 1993. 537 с.
5. Мокиенко В. М. Образы русской речи. Историко-этимологические очерки фразеологии. 3-е изд. М.: Флинта, Наука, 2009. 464 с.
6. Словарь образных выражений русского языка / под ред. В. Н. Телия. М.: Отечество, 1995. 368 с.
7. Розенталь Д. Э, Теленкова М. А. Словарь-справочник лингвистических терминов. 3-е изд., испр. и доп. М.: Просвещение, 1985. 399 с.

8. Алефиренко Н. Ф. Фразеология в свете современных лингвистических парадигм. М., 2008.
9. Алефиренко Н. Ф., Семенов Н. Н. Фразеология и паремиология: учебное пособие. М.: Флинта, Наука, 2009. 344 с.
10. Савенкова Л. Б. Русская паремиология: семантический и лингвокультурологический аспекты. Ростов-на-Дону, 2002.
11. Климович О. В., Фаткуллина Ф. Г. Фразеологизмы со значением «преступление» и «наказание» в русской языковой картине мира // Фундаментальные исследования. 2015. № 2 (часть 26). С. 5963–5967.
12. Беглова Е. И. Фразеологические единицы в антиномии «закон – преступление» в русской языковой картине мира // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2021. № 1. С. 165–172.

© Беглова Е. И.

УДК 811.161.1'276.2

Е. А. ПЕТРОВА, *заведующий кафедрой иностранных и русского языков Уфимского юридического института МВД России, доктор филологических наук, доцент (г. Уфа)*

E. A. PETROVA, *head of the chair of foreign and the russian languages of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, doctor of philology, associate professor (Ufa)*

ИССЛЕДОВАНИЕ ИНВЕКТИВНОЙ ЛЕКСИКИ В КОНФЛИКТНОМ ДИСКУРСЕ

THE INVESTIGATION OF INVECTIVE LEXICS IN CONFLICT DISCOURSE

Аннотация. В статье рассматриваются аналитические возможности новых парадигм внутри лингвистики, в частности, лингвокогнитологии, которая позволяет исследовать языковые единицы не только как инструмент коммуникации, но и как ментальные единицы, с помощью которых осуществляется формирование мысли. Подчеркивается, что возникновения конфликтной ситуации и конфликтного речевого действия обусловлено тем фактом, что коммуниканты вступают в словесную перепалку, тем самым умышленно унижая и оскорбляя друг друга. Акцентируется внимание на том, что конфликтному дискурсу присущи такие лексические единицы, как инвективы, содержащие в своей семантике отрицательную коннотацию и представляющие собой субъективную оценочную логему. В этой связи предлагается авторская парадигма классификации инвективной лексики. Исследуются когнитивно-ориентированные отношения, складывающиеся внутри конфликтного дискурса на примере инвектив, которые отражают познавательный аспект человеческой деятельности. Делается вывод о том, что инвективы представляют собой логико-речевые единицы. Отмечается, что наибольшее количество инвективной лексики отмечается в разряде зоосемантических фразеологизмов и метафор.

Ключевые слова и словосочетания: лингвокогнитология, дискурс, конфликтный дискурс, инвективная лексика, инвектива, языковая единица, речевая коммуникация, коммуникант, коннотация, оскорбление.

Annotation. *The article considers the analytical possibilities of new paradigms within linguistics, in particular, linguo-cognitology, which allows to study linguistic units not only as a communication tool, but also as mental units with the help of which the formation of thought is carried out. It is emphasized that the emergence of a conflict situation and a conflicting speech action is due to the fact that the communicants get involved in a verbal skirmish, thereby deliberately humiliating and insulting each other. The attention is focused on the fact that such lexical units as invectives, which contain negative connotations in their sense, and represent a subjective evaluative logeme, are inherent in conflict discourse. In this regard, the author's paradigm for the classification of invective vocabulary is proposed. The cognitively-oriented relationships are investigated developing within a conflict discourse on the example of invectives that reflect the cognitive aspect of a human activity. It is concluded that invectives are logical-speech units. It is noted that the largest amount of invective vocabulary is noted in the category of zoosemantic phraseological units and metaphors.*

Keywords and phrases: *cognitive linguistics, discourse, conflict discourse, invective vocabulary, invective, language unit, speech communication, communicant, connotation, insult.*

В последнее время все больше лингвистов обращаются к исследованиям в области лингвистической конфликтологии, которая изучает языковые конфликты, возникающие в речевом общении двух и более коммуникантов. Лингвоконфликтология представляет собой междисциплинарное исследование, поскольку она сопряжена с исследованиями нескольких научно-лингвистических парадигм: логико-когнитивной, психолингвистической, лингво-прагматической, когнитивно-дискурсивной и других. Объектом исследования лингвокогнитологии является конфликтный дискурс, т. е. субъект правовой коммуникации речевых действий и произведений. Источником конфликтного дискурса является речевой конфликт. От других дискурсов его отличают определенные особенности. Так, конфликтный текст, как правило, строится на некоем противоречии или конфликте между участниками акта общения. Одной из причин возникновения конфликтной ситуации и конфликтного речевого действия коммуникантов является неоднозначная интерпретация субъектами правовой коммуникации речевых актов, происходящих между ними. Следует признать, что особенно это касается конфликтного дискурса, вовлеченного в сферу юридической практики, например, при проведении лингвистических экспертиз. С юридической стороны важность исследования конфликтного текста обосновывается необходимостью защиты чести, достоинства и деловой репутации. Перед обвинением по подобным судебным делам стоит задача доказать не-

посредственную цель подсудимого – нанести ущерб чести и достоинства человека, и кроме того, распространение ложной информации. В данном случае именно лингвистическая экспертиза является одним из источников установления судебной истины.

В своей работе вместо термина «конфликтный текст» мы будем использовать термин «конфликтный дискурс» (от франц. discours – речь). Обоснуем свой выбор. В лингвистике ведется много дебатов о дихотомии текст – дискурс. Первоначально под термином «дискурс» подразумевали речь, что синонимично термину «текст». На современном этапе термины «текст» и «дискурс» интерпретируются по-разному (см. труды М. Я. Блоха, И. Р. Гальперина, А. И. Варшавской, В. И. Карасика, А. Е. Кибрик, И. П. Сусова, Т. А. ванн Дейка и других). Так, Н. Д. Арутюнова считает, что дискурс – это текст в совокупности с экстралингвистическими, прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами [1, с. 136]. Контент термина «дискурс» небезосновательно ассоциируется с когнитивными исследованиями. По мнению Е. С. Кубряковой и О. В. Александровой, анализ дискурса не может обойтись без изучения ментальных моделей, которые дают реальную основу для отбора нужной коммуникативной информации в стратегических целях построения как общих, так и частных семантических структур [2, с. 195].

На наш взгляд, исследование дискурса тесно связано не только с когнитивным, но и с логическим анализом, так как, исследуя

конфликтный дискурс, крайне важно выяснить какую информацию передает та или иная языковая единица, поскольку в речевой деятельности информационно-языковой и речесмысловой уровни тесно переплетаются. Необходимо заметить, что на ментальном уровне мы осознаем конкретное содержание и цель коммуникации. Это можно объяснить тем, как мы ранее констатировали в своих трудах, что логичность как закон построения дискурса, действующий на поверхностном уровне, является одной из характеристик мышления, тесно связанной с речью, т. к. именно она служит предпосылкой построения логически правильного высказывания [3, с. 278].

Вывод о том, что дискурс – это логико-когнитивная деятельность, т.е. выражение мыслей с помощью средств конкретного языка, натолкнул нас на мысль о необходимости исследования языковых и речевых маркеров конфликтного дискурса на основе когнитивных и коммуникативных позиций в рамках логико-когнитивной парадигмы. Это значит, опираясь на его прагматическое воздействие. Исходя из выдвигаемой нами гипотезы, мы вслед за Е. В. Кейдер возьмем за основу следующее определение конфликтного дискурса – «конфликтный дискурс – коммуникативный акт, содержащий амбивалентный характер, взаимодействие людей с различными принципами, доказывающими друг другу свою позицию, расхождение оппонентов в понимании другой точки зрения. В связи с этим возникает антипатия оппонентов, которая приводит к оскорблениям друг друга» [4, с. 487].

Проанализировав эмпирический материал, мы пришли к выводу о том, что конфликтный дискурс отличается рядом маркированных лексем на языковом уровне. Речь идет о лексическом пласте, в содержании которого, как полагает С. С. Сергеева, прослеживается отрицательная коннотация и который имеет максимальную разнородность, как в смысле субъектов его порождающих, так и в смысле алогичности, несвязности своих внутренних частей или кусков [5]. Отсюда следует, что для определения конфлик-

тогенности текста необходимо обратиться к его лингвистическому исследованию, как на языковом уровне, так и на речевом уровне.

Несомненно, что изучение особенностей конфликтного дискурса на лексическом уровне невозможно без обращения к когнитивным категориям в рамках лингвопрагматики, где учитываются все стороны речевой коммуникации, а именно: субъект речи (говорящий); адресат; ситуация общения; взаимодействие; коммуникативные установки и цели адресанта; стратегии, речевые тактики, используемые говорящим; речевые жанры, используемые авторами и прочие.

Итак, предметом нашего исследования является лексический пласт, встречающийся наиболее часто в конфликтном дискурсе, а именно – инвективные лексемы. Термин «инвективная лексика» произошел от слова «инвектива» (англ. *investive* – обличительная речь, брань) – культурный феномен социальной дискредитации субъекта посредством адресованного ему текста, а также устойчивый языковой оборот, воспринимающийся в той иной культурной традиции в качестве оскорбительного для своего адресата, а также выражающий вербальную агрессию.

Г. В. Кусов отмечает, что в узком смысле оскорбление – «это правовая норма, реализующая этносоциальное содержание концепта «оскорбление» в рамках его юридических свойств, которые приобрели форму правового запрета» [6]. Оскорбление подразумевает создание негативного образа лица, умаление его положительных качеств путем применения оскорбительной лексики в его адрес. Таким образом, инвективная лексика представляет собой устойчивый языковой оборот, воспринимающийся в той иной культурной традиции в качестве оскорбительного для своего адресата.

Как утверждает О. В. Саржина в своей работе «Функции инвективной лексики в высказывании», для оскорбления необходима «умышленность оскорбления». Однако далее ученый размышляет о том, что «наиболее спорным и трудно доказуемым является наличие в акте оскорбления умышленности данного оскорбления» [7].

Оскорбление может быть выражено в вербальной и невербальной (письменной) формах. С юридической точки зрения инвективная (оскорбительная) лексика – это слова и выражения, заключающие в своей семантике, экспрессивной окраске и оценочном компоненте содержания интенцию (намерение) говорящего или пишущего унижить, оскорбить, обесчестить, опозорить адресата речи, обычно сопровождаемое намерением сделать это в как можно более резкой и циничной форме. Отсюда следует, что инвективная лексика, как правило, интенционально направлена на умышленное унижение адресантом адресата в коммуникативном акте, где дается отрицательная оценка личности и, таким образом, контрастирует с нормами, принятыми в обществе. Исходя из вышеизложенного, цель нашего исследования заключается в лингво-прагматической интерпретации инвективной лексики, под которой мы подразумеваем логико-когнитивные речевые образования.

По факту оскорбления личности в конфликтном дискурсе обычно выделяют следующие разряды инвективной лексики: ругательную, нелитературную (жаргонизмы, диалектизмы); обесценную (запретную, табуированную); литературные слова, употребляемые в оскорбительном иносказательном смысле; грубопросторечную лексику.

Классификация лексики по степени инвективности весьма затруднительна, однако необходима. Выделение слов с негативной оценкой со значением иронии, неодобрительности, презрительности, грубости и бранности прослеживается в соответствующих пометах в толковых словарях русского языка. В словаре русского языка С. В. Ожегова, например, выделяются «пометы, указывающие стилистическую характеристику слова: «презр.», т. е. презрительное, «неодобр.», т. е. неодобрительное, «пренебр.», т. е. пренебрежительное, «шутл.», т. е. шутливое, «ирон.», т. е. ироническое, «бран.», т. е. бранное» [8]. Такая лексика называется стилистически маркированной, и ее применение ограничено. Она частично содержится в словарях и не всегда помогает определить

инвективность исследуемых слов. В этом смысле существует проблема в определении лексики того или иного языка как инвективной, поскольку нет четкого разграничения и принадлежности помет к определенной лексике, тем более маркированность лексического словаря минимальна (не все слова характеризуются по своему употреблению).

Пометы разных словарей зачастую не совпадают друг с другом, по причине чего возникают трудности, например, при проведении лингвистической экспертизы текстов. Следует отметить, что часть инвективной лексики сознательно не включается в словарь, но именно такая лексика часто бывает источником языко-правовых конфликтов. Тем не менее, основной вопрос отражения инвективных средств языка в словарях заключается не в его количественном параметре, а в вопросе качества помет. На сегодняшний момент в лингводидактике все больше предпринимаются попытки создать словари, где бы был выражен пласт инвективной лексики. К примеру, Н. Д. Голев реализовал попытку классифицировать и отразить инвективную лексику в своем словаре «Юрислингвистический словарь инвективной лексики русского языка» [9].

Инвактивная лексика получает наибольшую коннотацию, непосредственно находясь в самом конфликтном тексте, нежели при ее вычленении и рассмотрении отдельно от контекста или на базе словарей отдельных языков. Для того чтобы предложить единую градацию конфликтности для всех разновидностей национальных языков, необходимо учесть ряд характеристик как этического, так и лингвистического содержания.

По факту оскорбления личности в конфликтном дискурсе обычно выделяют следующие разряды инвективной лексики: ругательную, нелитературную (жаргонизмы, диалектизмы); обесценную (запретную, табуированную); литературные слова, употребляемые в оскорбительном иносказательном смысле; грубопросторечную лексику. Мы согласны с позицией Т. А. Гридиной и В. С. Третьяковой, которые считают, что при

анализе языковых и речевых сущностей целесообразно учитывать «более широкий социально-психологический контекст, что невозможно без обращения к когнитивным категориям» [10]. Данный постулат, видимо, можно объяснить тем, что подобные слова в силу логико-понятийной природы их денотатов (обозначаемых ими лиц) в самом номинативном (основном) значении имеют

уже негативную оценку, оставаясь все же в рамках констатирующей семантики.

В основу проводимого нами исследования положен рабочий тезис о том, что в конфликтном дискурсе инвективная лексика используется умышленно, чтобы подчеркнуть отрицательные стороны одного из коммуникантов. Приведем пример шаблонного искового заявления об оскорблении.

ЗАЯВЛЕНИЕ об оскорблении

16 января 2021 г. в 14.30 я вышла из подъезда дома 101 корп.1 по ул. Будапештской, где я проживаю, с целью совершения ежедневной прогулки на свежем воздухе со своим малолетним сыном Степаном. В это время мой сосед из квартиры № 985 того же дома Жучков Порфирий Прохорович подъехал к подъезду и припарковался на тротуаре, перегородив своей машиной съезд с пандуса. Так как мой сын Степан находился в коляске, я попросила Жучкова переставить машину и освободить съезд с пандуса, чтобы я могла спустить коляску, указав ему, что тротуары существуют для людей, а не для машин. На это Жучков Порфирий Прохорович вместе с его супругой Жучковой Анфисой Петровной, вышедшей из машины, стали оскорблять меня, унижая мои честь и достоинство. Жучков обозвал меня женщиной с пониженной социальной ответственностью с избыточной массой тела, а Жучкова назвала меня самой собаки потрепанного вида.

Считаю, что Жучковы совершили в отношении меня правонарушение, предусмотренное ст. 5.61 Кодекса РФ об административных правонарушениях.

Свидетелем данного эпизода была пенсионерка Огурцова Антонина Степановна, проживающая в квартире № 991 того же дома. Также данный эпизод мог попасть на запись камеры наружного наблюдения, расположенной на подъезде.

На основании вышеизложенного, в соответствии со ст. 28.4. Кодекса РФ об административных правонарушениях прошу возбудить дело об административном правонарушении по факту оскорбления меня, Коровкиной Глафиры Игнатьевны, соседями Жучковым П. П. и Жучковой А. П.

17 января 2021 г.

Коровкина /Г. И. Коровкина/

В данном заявлении используются инвективы с отрицательной коннотацией, несомненно, оскорбляющие физические и психологические качества истицы и представляющие собой субъективные оценочные логемы.

Проанализировав эмпирический материал, основанный на логико-когнитивном анализе, коммуникативно-прагматическом анализе и дискурс-анализе, а также на методе ассоциативного эксперимента, мы предлагаем следующую парадигму классификации инвективной лексики, наиболее часто употребляемую как оскорбление в речевой коммуникации и извлеченную из средств массовой информации и интернет-источников:

1. Зоосемантические инвективы-метафоры и инвективы-фразеологизмы, отсылающие к названиям животных: выдра, хомяк, бегемот, носорог, стервятник, баран, козел, овца, свинья, волк, корова, коза, осел, собака, индюк, гиена, заяц, змея, кобра, скунс, бык, овчарка, пес, крыса, ворона, обезьяна, орангутанг, мартышка, попугай, павлин, петух, курица, макака, скотина, лошадь, конь и др.

Наблюдения над языковым материалом показывают, что с этимологической точки зрения, т. е. происхождения, зооморфизмы обычно представлены метафорами и фразеологическими единицами, включающими анималистическую сему сравнения. Мета-

форизация при использовании зооморфизмов позволяет повысить эмоциональную оценку и воздействие на адресата.

Например, известно, что в прессе Уинстона Черчилля называют английским бульдогом с сигарой не только за его сходство во внешности с бульдогом (*broad-mouthed*, что в переводе означает широкомордые; у Черчилля – это выступающая вперед нижняя бульдожья челюсть), но и за сравнение его характера с такими чертами характера бульдога, как: цепкость и твердость воли, а также безрассудная храбрость. Как правило, зооморфизмы подразумевают негативную окраску личности. В приведенном примере инвектива «английский бульдог» амбивалентна и имеет двойную коннотацию – отрицательную (в описании внешности) и положительную (характеристика Черчилля как искусного политика).

Или, например, заголовок статьи из «Комсомольской правды» – «Свиньи и придурки мировой экономики». В заголовке представлена, как зоосемантическая, так и экспрессивно-оценочная группа инвективной лексики. Употребленные инвективы использованы автором умышленно, видимо, для привлечения большего количества читателей.

Приведем еще один пример. В интервью «Экспресс-газете» экс-ведущий шоу «Битва экстрасенсов» Марат Башаров назвал своего бывшего коллегу по проекту – иллюзиониста Сергея Сафронова – крысой: «Как я должен поддержать человека, который оказался крысой? Сергей [после своего ухода] поливал грязью меня и наших коллег. За что?» [11].

Если рассматривать этимологически слово «крыса», то оно в презрительной форме ассоциируется с людьми, которые не показывают до определенного момента свою истинную натуру. В приведенном примере инвектива «крыса» используется адресатом несколько раз, а ее смысл раскрывается в логической цепочке последующих асерторических логем. В данном случае инвектива имеет негативно-оценочную интенцию.

2. Инвективы-глаголы с отрицательной коннотацией. К данной группе относятся

оценочные лексемы с острой экспрессивной окраской, обозначающие непристойное поведение, свойства кого-либо или чего-либо: надуть, заморочить, спереть, стянуть, стащить, облапошить, тырить, коммуниздить, зажилить, зажрать, своровать, нахапать, навариться, выцыганить и др.

Например, недавно в издании «Собеседник» было опубликовано интервью певицы Анастасии по поводу нелестных высказываний певицы Вики Цыгановой после их участия в телепроекте «Суперстар! Возвращение» на канале НТВ. Цыганова выбыла из конкурса, назвав жюри фриками, на что Анастасия ответила, что та выцыганивала себе оценки.

3. Экспрессивно-оценочные инвективы. К ним мы относим слова, содержащие в своей коннотации негативную оценку личности: гадина, сволочь, дурак, дрянь, подлец, грубиян, лицемер, трус, наглец, подонок, хам, нахал, убийца, вор, коммунаки и др.

Например: *President Biden told that he agreed Russian President Vladimir Putin is a «killer» and will pay a price for interfering in U.S. elections* [12].

В своем интервью 17 марта 2021 года телеканалу ABC президент США Джо Байден в прямом эфире оскорбил президента РФ Путина, назвав его «убийцей, который заплатит сполна за вмешательство в выборы США».

4. Инвективы-эвфемизмы, сохраняющие негативную коннотацию: путана, женщина легкого поведения, представительница самой древней профессии, ночная бабочка, бомж, человек нетрадиционной ориентации, трансгендер и др.

Приведем пример из французского издания «Faites @ documents», который известен тем, что публикует конспирологические теории.

«*Brigitte Macron, the wife of the French president, has launched legal action over a conspiracy theory that claims she was born male (Brigitte Macron «transsexuelle» or «transgenre»).* The virulent fake news dates back to March but has spread over social media over the past two months. It claims Brigitte

Macron, who has three children from a first marriage, was born Jean-Michel Trogneux. Her lawyer, Jean Ennouchi, confirmed to AFP earlier this week that «she has decided to initiate proceedings, it is underway» [13].

Речь идет о статье «Et si c'était un homme?» («А если бы это был мужчина?»), опубликованной в издании «Факты и документы» журналисткой Наташей Рей, о распространении трансфобных слухов о том, что жена президента Франции Брижит Макрон является трансгендером с рождения и провела операцию по смене пола. Скандал, разгоревшийся еще в марте, накалился опять. Брижит Макрон подала заявление об оскорблении в правоохранительные органы Франции.

5. Инвективы-профессионализмы: мент, гиббон, мусор, легавый, поломойка, училка, слесарщик 3 разряда, писака, журналюга, актеришка, певичка и др.

В концепте данной группы инвектив заключена отрицательная оценка практики действий, нравов, устоев кого-либо, сопровождаемая экспрессивной окраской, т. е. оскорбление лица по профессиональному признаку. Приведем цитату из статьи «Актеры: всегда были презренные шуты, а ныне – «элита», блин»: «Вот читаю ленту, и только ленивый не пишет о каком-нибудь актеришке или актрисульке» [14].

В статье, даже в ее названии, для эмоциональной окраски журналист умышленно несколько раз употребляет инвективные фразы, которые обладают негативной коннотацией, представляют собой субъективно-оценочные асерторические логемы, оскорбляющие людей актерской профессии.

6. Инвективы, отождествляемые с историческими личностями, современными деятелями, литературными, сказочными и мифологическими героями: Баба Яга, Цербер, Иуда, Собакевич, Молчалин, Плюшкин, Горыныч, Кикимора, Кабаниха, Дикой, Недоросль, Иудушка, Гитлер, Медуза Горгона, Циклоп, Кощей, Леший, Бармалей, Карабас Барабас, Дуремар, Соловей-разбойник и др.

Подобные слова в силу логико-понятийной природы их денотатов (обозначае-

ими лиц) в самом номинативном (основном) значении имеют уже негативную оценку.

Например, Роберт Мугабе, будучи президентом африканского государства Зимбабве, выступая в Риме на заседании одной из структур ООН, сравнил бывшего президента США Джорджа Буша и бывшего премьер-министра Великобритании Тони Блэра с Гитлером и Муссолини. Для придания образности Роберт Мугабе использовал ставшие уже нарицательными имена Гитлера и Муссолини, которые знамениты своей жестокостью, истеричностью, нелестными поступками, желанием доминировать над всеми державами. В свою очередь во время своего пребывания у власти британский премьер Тони Блэр также был замечен в использовании инвективной лексики. Так, он неоднократно в своем спиче использовал инвективы, а именно: нецензурные прилагательные, начинающиеся на букву «F» [15] и направленные в адрес валлийцев. В данном примере мы видим употребление обесценной (табуированной) лексики в речевой коммуникации.

Как показывает исследование инвективной лексики в диахроническом плане (термин «диахрония» происходит от греч. *diá* – через, сквозь и *chronos* – время), т. е. изучения развития языка, отдельных языковых фактов и системы языка в целом в историческом аспекте, люди начали оскорблять друг друга с той поры, как в языке появились бранные слова.

7. Инвективы, обозначающие предметы домашнего быта и обихода: чайник, швабра, тряпка, кочерга, метла, мочалка, лентяйка, пробка, шкаф, сундук, башмак, топор, шпингалет, кнопка, кастрюля, шланг, крючок, валенок, лапоть и др.

Например, лидер ЛДПР назвал заместителя руководителя фракции КПРФ Николая Коломойцева «ростовским валенком» и заявил, что тот должен «помолчать», после чего предложил лишить его мандата [16].

При переносном, метафорическом употреблении такого рода выражение приобретает пейоративную (осуждающую), инвективированную экспрессию и явно не-

гативную оценку, общественно осознаваемую и реально воспринимаемую адресатом как оскорбительную.

8. Использование устойчивых слов и выражений разговорного языка с негативной, неуважительной оценкой: глаза бы не глядели, только через мой труп, в гробу я его видел в белых тапочках, чтоб ты подавился, жирно не будет?, конь педальный, глиста в скафандре, хам, морда, рожа, тля и др.

Приведем пример из статьи «Совесть нации» или предатели? Наши актеры, которые критикуют Россию», опубликованной в издательстве «Newsland». В данной статье упоминается высказывание актера Алексея Серебрякова о том, что национальной идеей в России является хамство. Мнение Алексея Серебрякова разделяет другой актер, иммигрировавший в Испанию Алексей Панин, в речи которого используется цепочка инвектив с отрицательной коннотацией, имеющая своей целью оскорбить российских граждан: «Я абсолютно подписываюсь под всем, что говорит Серебряков. Наглость, хамство и сила, но я бы сказал, что это быдлосила. Не сила духа, не воли и культуры, а именно быдлосила. Вы посмотрите на лица людей, с какими рожами они ходят по улице... Страна хамов» [17].

В приведенном конфликтном дискурсе инвективы связаны между собой проспективно-ретроспективными, квалификативно-оценочными отношениями.

9. Инвективы-термины, в которых преобладает медицинская терминология: шизофреник, истеричка, дебил, психопат, псих, идиот, инфантильный, карлик, гриппозник, антибиотик, чахоточный, труп, невростеник, контуженый.

Например, бывший сенатор-республиканец Джон Маккейн назвал тоже бывшего пресс-секретаря Белого дома Джоша Эрнеста «идиотом» после его слов о том, что Штатам не следует «рвать на себе волосы» после каждой неудачной операции против боевиков [18].

В семах приведенных инвектив (инвектива-термин и инвектива-глагол с отрицательной коннотацией) негативная оценка

личности имеет яркий экспрессивный характер, однако употребление данных лексем остается в пределах литературного языка.

10. Инвективы-фразы, носящие унижительный характер: чем выше вы, тем дальше падать; закройте рот, а то ваш блестящий ум мне глаза слепит; ноль без палочки; ум ниже табуретки; интеллектуальное дно; с вашим IQ только в Дом-2; где вы, а где я?!; пятая точка вместо головы; аппендицит нашей группы; IQ как у амебы и др.

Так, например, в своем интервью скандально известный спортивный комментатор Дмитрий Губерниев, вступивший в словесную баталию с олимпийским чемпионом Александром Тихоновым, использовал такие инвективы, как «нерукопожатная персона, фуфло, жалкая ничтожная личность» [19].

Инвективы, относящиеся к данной группе, в большинстве случаев представлены окказиональными словосочетаниями, построенными на каламбуре и введенными в текст с интенцией принизить авторитет адресанта, указать на неприятие его поведения.

11. Инвективы-сравнения: глиста, червяк, амеба, прыщ, бородавка, пиявка, гнида, молекула, микроб, сопля, заноза, щепка, насекомое, метр с кепкой и др.

Приведем пример. Российский боец ММА Сергей Харитонов в своем комментарии в газете «Спорт-Экспресс» негативно высказался о проигрыше Александра Емельяненко в поединке против бразильца Марсио Сантоса, назвав его «клопом, тараканом, которому поднаступили на одно место» [20].

12. Инвективы-табу (обесценная лексика, т. е. табуированная лексика, нецензурная лексика). Отметим, что при анализе языкового материала мы встретились с подобного рода инвективами, в том числе и в заявлениях об оскорблении. Обычно использование обесценной лексики свойственно людям с низким социальным статусом, хотя в последнее время в СМИ все чаще встречаются примеры из речей чиновников. Так, например, недавно в СМИ попала аудиозапись одного из должностных лиц: «Я сам, наверное, инициирую вызов для вас в центральную аттестационную комиссию для рассмотрения

вопроса о занимаемой должности. Раз вы ни ... не понимаете в этом вопросе!» [21].

Следует отметить, что во всех приведенных примерах инвективы представляют собой ментальные речевые доминанты в тема-рематическом развертывании конфликтного дискурса. Они не существуют в речевой коммуникации изолированно, а коррелируют с другими лексемами в дискурсе, аккумулируя определяющие элементы содержания речевой коммуникации. Таким образом, они являются смысловыми скрепами в проспективном, ретроспективном, проспективно-ретроспективном и ретроспективно-проспективном плане его реляционной структуры.

Итак, исследование лексического пласта конфликтного дискурса показывает, что, как правило, в нем превалирует инвектив-

ная лексика. Инвективная лексика содержит оскорбительную интенцию, проецируемую на унижение чести и достоинства того или иного коммуниканта. Наибольшее количество инвективной лексики отмечается в разряде зоосемантических фразеологизмов и метафор, отсылающих к названиям животных. С точки зрения смысловой потенции инвективы представляют собой логико-речевые образования, которые, с одной стороны, являются формами мыслительного процесса, т. е. ментальными доминантами, а с другой стороны – формами речевой коммуникации. На основании данного умозаключения мы пришли к выводу, что при проведении лингвистического анализа конфликтного дискурса необходимо корректно интерпретировать коннотацию инвективной лексики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М.: Наука, 2003. 338 с.
2. Кубрякова Е. С., Александрова О. В. О контурах новой парадигмы знания в лингвистике // Структура и семантика художественного текста. М., 1999. С. 195–196.
3. Петрова Е. А. Логико-когнитивная интерпретация субстантивно-номинативных пропозиций в диктемной дискурсивации: дисс... д-ра филол. наук. Уфа, 2012. 416 с.
4. Кейдер В. Е. Понятие конфликта и конфликтного дискурса // Молодой ученый. 2019. № 24 (262). С. 486–488.
5. Сергеев С. С. Аналитика конфликтного текста // Глобализация я и социальные изменения в современной России: тезисы докладов и выступлений на Всероссийском социологическом конгрессе. Т. 15. М.: Альфа. М, 2006.
6. Кусов Г. В. Оскорбление как иллокутивный лингвокультурный концепт: автореф. дис...канд. филол. наук. Волгоград, 2004. 27 с.
7. Саржина О. В. Функции инвективной лексики в высказывании (на примере инвективных имен лица) / Юрислингвистика-6. Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 2005.
8. Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 2007. 1200 с.
9. Голев Н. Д., Головачева О. В. Юрислингвистический словарь инвективной лексики русского языка / Юрислингвистика-6: Инвективное и манипулятивное функционирование языка / под ред. Голева Н. Д. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005. С. 123–130.
10. Гридина Т. А., Третьякова В. С. Принципы лингвокогнитивного анализа конфликтного высказывания / Юрислингвистика-3: Проблемы юрислингвистической экспертизы: межвуз. сб. научных трудов / под ред. Голева Н. Д. Барнаул, 2002.
11. Экспресс-газета. URL: <https://www.eg.ru/showbusiness/1519222> (дата обращения: 04.01.2022).
12. ABC. URL: <https://gma.abc/3txtF8Ce> (дата обращения: 20.01.2022).
13. Faites @ documents. URL: <https://www.euronews.com/2021/12/23/brigitte-macron-taking-legal-action-over-transgender-conspiracy-theory> (дата обращения: 20.01.2022).
14. Twilight. URL: <https://twilightday.livejournal.com/153285.html> (дата обращения: 04.01.2022).
15. Lenta.ru. URL: <https://m.lenta.ru/articles/2005/10/18/insult/> (дата обращения: 04.01.2022).
16. Lenta.ru. URL: <https://lenta.ru/news/2021/11/16> (дата обращения 20.12.2022). Newsland. URL: <https://newsland-com.turbopages.org/newsland.com/s/community/8211/content> (дата обращения: 05.01.2022).

17. РИА Новости. URL: <https://ria.ru> (дата обращения: 05.01.2022).
18. Спорт КП. URL: <https://sportkp.ru> (дата обращения: 05.01.2022).
19. Спорт-экспресс. URL: <https://sport.rambler.ru/mma/47779630> (дата обращения: 05.01.2022).
20. Life. URL: <https://life.ru/p/1198045> (дата обращения 03.01.2022).

© Петрова Е. А.

УДК 811.161.1'276.6:34(091)

Л. В. ПОПОВА, доцент кафедры филологии Миасского филиала Челябинского государственного университета, кандидат филологических наук, доцент (г. Миасс)

L. V. POPOVA, associate professor of the chair of philology of Miass branch of Chelyabinsk State University, candidate of philological sciences, doцент (Miass).

ПРЕСТУПЛЕНИЕ КАК ИМЯ КОНЦЕПТА В ИСТОРИИ РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА

CRIME AS A CONCEPT NAME IN THE HISTORY OF THE RUSSIAN LANGUAGE PICTURE OF THE WORLD

Аннотация. В статье проанализирована структура концепта «преступление» в русской языковой картине мира XI–XIX вв. Изучены данные лингвокультурологических и историко-лингвистических словарей. Сопоставлены способы языковой репрезентации концепта в юридических и неюридических текстах. Рассмотрены особенности использования терминов «преступление», «преступник» в памятниках русского права. Показана роль номинаций «обида», «лихое дело», «злодейство», «воровство», «погрешение» как репрезентантов концепта «преступление». С помощью древнерусского и основного корпусов Национального корпуса русского языка получены статистические данные о функционировании различных имен концепта «преступление» в диахронии. В результате исследования определены этапы эволюции концепта «преступление». Выявлено несоответствие современного и исторического ядра концепта. Констатируется позднее формирование имени концепта «преступление» в русской языковой картине мира. Сделан вывод об исторической сложности структуры концепта «преступление», его связи с константами русской языковой картины мира.

Ключевые слова и словосочетания: имя концепта, концепт «преступление», правовое лингвосознание, юридический термин, юридический язык, ядро концепта, языковая картина мира.

Annotation. The structure of the concept «crime» in the Russian language picture of the world in the 11th–19th centuries analyzed. The data of linguo-culturological and historical-linguistic dictionaries have been studied. The ways of language representation of the concept in legal and non-legal texts are compared. The peculiarities of using the terms «crime», «criminal» in the monuments of Russian law are considered. The role of the nominations «resentment», «dashing deed», «villainy», «theft», «sin» as representatives of the concept «crime» is shown. With the help of the Old Russian and the main corpus of the National Corpus of the Russian language, statistical data on the functioning of various names of the concept «crime» in diachrony were obtained. As a result of the study, the stages of the evolution of the concept «crime» are determined. The discrepancy between the modern and historical core of the concept is revealed. The later formation of the name of the concept «crime» in the Russian language picture of the world was stated. The conclusion about the historical

complexity of the structure of the concept «crime», its connection with the constants of the Russian language picture of the world is made.

Keywords and phrases: *the name of the concept, concept «crime», legal language consciousness, legal term, legal language, the core of the concept, language picture of the world.*

Русские правовые концепты традиционно вызывают интерес в лингвокультурологии, их описания включены в лингвокультурологические словари [1; 2], что подтверждает их этнокультурную значимость в языковой картине мира. При этом недостаточно исследованы следующие аспекты: история формирования концептов, соотношение между различными правовыми концептами, между правовыми и неправовыми концептами, сходства и различия обыденного и профессионального содержания правовых концептов в диахронии и синхронии. Перечисленные аспекты определяют актуальность дальнейшего лингвистического исследования русских правовых концептов.

Объектом данной работы является концепт «преступление», предметом – способы его языковой репрезентации в общерусском языковом сознании и в истории русского юридического языкового сознания (на материале юридических текстов). Необходимость такого сопоставления обусловлена несколькими моментами. Во-первых, правовые концепты входят в национальную языковую картину мира из сферы права, которая является достоверным источником изучения их становления и функционирования. Во-вторых, в донаучный период развития права ключевые правовые концепты обычно насыщаются этнокультурной информацией вследствие ориентации правового мышления на социальные и морально-религиозные нормы, опоры юридического языка на национальный язык, выражающий национальную картину мира. В связи с этим ожидаемые результаты анализа необходимы для оценки степени этнокультурной идентичности правового мышления, для уточнения представления о нормативных и ценностных установках русской культуры. В-третьих, сложившиеся правовые концепты способны трансформировать фрагменты на-

циональной языковой картины мира и оказывать влияние на правосознание, что важно учитывать при развитии правовой культуры.

В Словарь русской ментальности включен ряд культурно значимых номинаций концепта «преступление», дефиниции которых указывают на нарушение юридических норм: «преступление», «преступник», «взятка», «вор» (подразумевается и «воровство»), «грабеж», «жулик», «злодейство», «крамола», «мошенничество», «лихоимство», «разбой», «тать», «убийство», «украсть» [1]. С точки зрения современного языкового сознания, очевидно, именем концепта является «преступление» как родовая номинация – носитель ядерных концептуальных признаков. В качестве гипотезы исследования предлагается тезис о несовпадении современного и исторического ядра концепта. Для проверки гипотезы поставлена цель: анализ исторических форм репрезентации концепта «преступление» в юридическом дискурсе, а также в других сферах коммуникации.

Рассмотрим лингвокультурологическую характеристику концепта. Словарь русской ментальности содержит следующую дефиницию: «Преступление – волевое действие, силой или обманом дерзостно престапующее закон и обычаи» [1, т. 2, с. 101]. В Словаре констант русской культуры Ю. С. Степанова отдельной статьи о концепте «преступление» нет, его ядро характеризуется в рамках статьи «закон»: «преступник» – тот, кто «перешел положенный предел» [2, с. 573]. Аналогично объясняет внутреннюю форму имени концепта В. В. Колесов: «преступление» – это переход за черту (за кон), нарушение закона [3, с. 526]. На основе анализа словарных статей можно выделить концептуальные признаки: доминантные ‘противозаконность’, ‘антисоциальность’, дополнительный ‘безнравственность’. Концепт обычно описывается как часть триады «закон» – «преступление» – «наказание».

Ю. С. Степанов ядром концепта «закон» называет концептуальный признак 'предел' [2, с. 571]. В упомянутых и других работах о русской ментальности и языковой картине мира ценностное содержание концепта «закон» – негативно воспринимаемое членами общества навязанное установление власти. Таким образом, в лингвокультурологической интерпретации взаимосвязанных концептов «преступление» и «закон» прослеживается противоречивость национального правосознания: сосуществуют осуждение противозаконного поступка и осуждение закона.

Возникает вопрос об источнике и хронологии формирования концептуальной структуры с именем «преступление», степени ее значимости в русской языковой картине мира и востребованности в социальной и юридической практике. «Словарь русской ментальности» констатирует наличие номинаций «преступление», «преступник» в древнерусском языке с XI–XII вв. Историко-лингвистические словари указывают на старославянское происхождение калькированных лексем, функционировавших в религиозных текстах, переведенных с греческого языка, а также в оригинальных древнерусских произведениях, содержащих значительную долю компонентов церковнославянского языка: «Синайская псалтырь», «Зографское евангелие» и др. [4, с. 552], «Изборник Святослава», «Слово Даниила Заточника» и др. [5, вып. 19, с. 61–62]. В указанных текстах реализованы лексические значения 'грех', 'нарушение закона'. Для старославянских текстов X–XI вв. характерно доминантное религиозное значение лексем «преступление / законопреступление», «преступник / законопреступник», «преступать / законопреступать»; большинство отступлений от Закона Божьего квалифицируется не только как грехи, но и как преступления, вследствие чего понятие преступления из социальной сферы (при язычестве) перемещается в религиозную [6].

Таким образом, исследуемые номинации, возникшие путем калькирования с греческого языка, были атрибутом книжной культуры, религиозно-нравственного дискурса византийской и южнославянской

ориентации, то есть для правовой сферы восточнославянской культуры их нельзя считать исконными. Полученная из указанных источников информация не дает ответа на вопрос о востребованности византийско-старославянской концептуальной структуры в социальной и юридической практике древнерусского общества. Сведения, необходимые для полноты представления о русской концептуализации преступления, содержатся непосредственно в правовых текстах и в специализированных научно-справочных изданиях по истории русского права и юридического языка. Материалы собственной выборки из памятников русского права [7; 8] сопоставлены с данными Национального корпуса русского языка (далее – НКРЯ), содержащего незначительное количество правовых текстов [9]. Данное сопоставление необходимо для получения объективной картины функционирования репрезентантов концепта «преступление» в различных сферах коммуникации, в совокупности отражающих русское языковое сознание.

В древнерусском корпусе НКРЯ употребительность лексемы «преступление» составляет 11 словоупотреблений, то есть частотность низкая. Вхождения обнаруживаются в текстах духовно-религиозного содержания и летописных, соответственно основным значением лексемы является 'грех': «Житие Андрея Юродивого», «Изборник 1076 г.», «Притча о душе и теле», «Сказание о черноризском чине» и др.

В словаре древнерусских юридических терминов, охватывающем период IX–XVI вв., термин «преступление» отсутствует [10]. В древних юридических актах встречается нечастотный глагол «переступить» 'нарушить', что отражает незначительное влияние церковнославянского языка на древнерусский юридический язык: в Уставе князя Владимира Святославича XII–XIII вв. – «переступить правила» [8, вып. 1], в жалованных грамотах XV в. – «переступити грамоту» [8, вып. 2].

В древнерусском праве, в частности в «Русской Правде», включающей принципы устного права восточных славян VIII – пер-

вой половины IX в., для родового обозначения преступления использовался термин «обида» [10, с. 65; 8, вып. 2, с. 409; 11, с. 176–184; 12; 13]. В дальнейший период, до введения в XVIII в. терминов «преступление» и «преступник», наряду с термином «обида», затем вместо него в русском праве активно использовались родовые номинации «лихое дело» (и «лихой / лихой человек» – ‘преступник’), «злодейство» (и «злодей / злой человек» – ‘преступник’), «воровство» (и «вор» – ‘преступник’). Указанные репрезентанты концепта «преступление» имеют иную, чем у лексемы «преступление», внутреннюю форму и отражают иные доминантные концептуальные признаки, характеризующие специфику эволюции русского правового лингвосознания. Углубленное изучение приведенных выше номинаций концепта «преступление» выполняется в рамках отдельной работы.

Итак, в русском праве до XVIII в. византийско-старославянская концептуальная структура с именем «преступление» не была востребована для характеристики противоправных поступков. Поскольку письменное право было преемником архаичного устного, то речь может идти об этническом правовом архетипе. Считаем данный факт важным для осмысления древнерусской и более поздней правовой картины мира.

По данным терминологических указателей к серии сборников русских юридических документов термины «преступление», «преступник» появились в XVIII в. [8, вып. 8]. Выполнить анализ динамики употребительности номинаций концепта «преступление» в текстах основного корпуса НКРЯ возможно с 1700 г. Статистика свидетельствует о повышении значимости «преступления» как имени концепта в русском языковом сознании с XVIII в. Например, за период 1700–1800 гг. наблюдаем соотношение: «злодейство» – 126 словоупотреблений / 72 текста, «воровство» – 262 словоупотребления / 103 текста, «преступление» – 784 словоупотребления / 198 текстов. За период 1800–1900 гг.: «преступление» – 5 882 словоупотребления / 1 138 текстов, «воровство» – 1 127 словоупо-

треблений / 460 текстов, «злодейство» – 754 словоупотребления / 271 текст. К первым случаям употребления лексемы «преступление» в материалах НКРЯ относятся законодательные акты Петра I (26 вхождений). В НКРЯ представлена незначительная часть памятников права, поэтому полноценный корпусный анализ в настоящее время невозможен.

Показательны сведения историко-лингвистических словарей. В древнерусский период лексема «преступление» характеризовалась многозначностью, причем религиозное и юридическое значения взаимосвязаны: при толковании значения ‘нарушение закона, устава’ использованы цитаты из религиозных текстов, как и для значения ‘грех’. Аналогичными текстами иллюстрируется значение ‘преступник, нарушитель’ у лексемы «преступник» [5, вып. 19, с. 61–62]. Указанные сведения демонстрируют актуальность религиозной, а не юридической семантики данных лексем в период XI–XVII вв. В словаре русского языка XVIII в. у лексемы «преступление» религиозное и юридическое значения объединены в одной дефиниции ‘нарушение предписанных правил, закона’, которая сопровождается примерами словоупотребления только в религиозной сфере; соответственно «преступник» – ‘нарушитель предписанного закона, правила’ с примером из религиозного дискурса, хотя приведен оборот «государственный преступник» [14, ч. V, с. 762], очевидно, устойчивый. Таким образом, в XVIII в. юридическое значение у «преступление», «преступник» находится в процессе становления. К XIX в. у данных лексем закрепляется юридическое значение, отраженное словарными дефинициями и примерами словоупотребления: «преступление» ‘поступок, нарушающий закон; беззаконие, злодеяние’; «преступник» – ‘нарушитель закона, злодей’ («Преступление закона влечет за собою наказание»; «Виновный сознался въ своемъ преступлении») [15, т. III, с. 449]. Обратим внимание на фиксацию в словарных статьях синонимии лексем «преступление» / «злодеяние», «преступник» / «злодей», обу-

словленной ключевой ролью юридических номинаций «злодейство», «злодей» как в период до XVIII в., так и на его протяжении: в языке русского права «преступление» становится дублетом к термину «злодейство».

Термины группы «преступление» введены в юридическую речь законодательством Петра I. Нами произведена сплошная выборка из «Полного собрания законов Российской Империи». Контекстологический и валентностный анализ юридических актов позволяет отметить особенности вхождения в язык права новых терминов группы «преступление». Виды преступлений и санкции за них изложены в ряде кодексов: процессуальном кодексе «Краткое изображение Процессовъ или Судебныхъ тяжбъ», уголовном кодексе «Артикуль воинскій съ краткимъ толкованіемъ» – частях «Устава воинского» 1716 г. [7, собр. I, т. V, № 3006], государственно-административном кодексе «Генеральный Регламентъ или Уставъ» 1720 г. [7, собр. I, т. VI, № 3534] и др.

Терминогруппа «преступить / поступить против», «преступление», «преступник / преступитель» использована при номинации антигосударственных (оскорбление главы государства, судей; нарушение военного регламента, должностных обязанностей), религиозно-нравственных (оскорбление священников, нарушение правил церковной службы) и других видов правонарушений. Ядерные номинации имели вариативные формы, что подтверждает их новизну в юридическом языке. В этот период концепт «преступление» в юридическом лингвосознании коррелирует с понятием «правовой акт главы государства» – укрепляется формула «преступить указ / устав», например: «<...> дабы Фискалы могли лучше должность свою исправлять, и преступителей уставовъ и указовъ обличать» («Уставъ воинскій», гл. XLII, п. 1) и т. п.

Необходимо подчеркнуть, что в правовом лингвосознании XVIII в. структура концепта «преступление» включала разнообразные концептуальные признаки, сформированные в предшествующие периоды: 'зло', 'грех', 'воровство'. Концептуальный признак 'про-

тивозаконность', судя по хронологии появления термина «преступление», был более поздним. Об этом свидетельствуют свободные терминологические чередования в законодательных текстах. Например, в кодексе «Краткое изображение Процессовъ или Судебныхъ тяжбъ» находим такие ряды терминов: «преступление» (гл. II «О процессъ или тяжбъ»), «преступитель», «преступление» (ч. I, гл. II «О салфъ-кондуктъ или о свободномъ отпускъ», п. 2, 4, 6), «злое действо», «злодей» (ч. II, гл. V «О присягъ», п. 6), «преступление» и «злодейство» (ч. II, гл. V «О присягъ», п. 10), «злое действо», «злодейство» и «преступление», «преступник» (ч. II, гл. VI «О распросъ съ пристрастіемъ, и о пыткъ», п. 2, 3, 5, 6, 7, 8). Анализ результатов собственной выборки из законодательства Петра I демонстрирует иное соотношение частотности терминов «преступление», «преступитель» и «злодейство», «злодей», в отличие от общезыковой статистики НКРЯ за период 1700–1800 гг. (приведена выше): в юридическом дискурсе частотность обеих групп терминов одинакова, что может свидетельствовать и о значении юридической традиции, о консервативности языка права, и об этнокультурной ориентированности юридического лингвосознания, его обращенности к национальным константам, в том числе к концепту «зло», с другой стороны. Подтверждена и актуальность концептуального признака 'грех' в структуре концепта «преступление» XVIII в.: терминологические чередования «погрешение (прегрешение)» / «преступление», «погрешить (согрешить)» / «преступить» [16].

Таким образом, концептуальную структуру с именем «преступление» в XVIII в. нельзя назвать доминантной, поскольку в юридических текстах продолжали функционировать более ранние по происхождению репрезентанты концепта «преступление»: «злодейство», «воровство», «лихое дело», «погрешение».

Термин «преступление» официально закреплен в XIX в. «Уложение о Наказаніяхъ Уголовныхъ и Исправительныхъ» 1845 г. [7, собр. II, т. XX, ч. 1, № 19283] содержит полноценные дефиниции терминов «пре-

ступление» и «проступок»: 1) «Всякое нарушение закона, чрезъ которое посягается на неприкосновенность правъ Власти Верховной и установленныхъ Ею властей, или же на права или безопасность общества или частныхъ лицъ, есть преступленіе»; 2) «Нарушеніе правилъ, предписанныхъ для охраненія опредѣленныхъ законами правъ и общественной или же личной безопасности или пользы, именуется проступкомъ». «Преступление» и «проступокъ» в тексте «Уложения» получают атрибутив «противозаконное деяние». Следовательно, в юридическом языковом сознании XIX в. закрепляется прямая связь концептов «преступление» и «закон». Как было показано выше, частотность функционирования лексемы «преступление» в русском языке в XIX в. примерно в 8 раз выше, чем в XVIII в. [9]. В этот период можно говорить об утверждении концептуальной структуры с именем «преступление» в русской языковой картине мира.

Подводя итоги, отметим подтверждение выдвинутой гипотезы о несовпадении со-

временного и исторического ядра концепта «преступление». «Преступление» как имя концепта вводится в XVIII в. и начинает доминировать к XIX в. Для русской языковой картины мира данная концептуальная структура является достаточно поздней, учитывая длительность развития правовой системы. «Преступление» как имя концепта предполагает объективную, внешнюю норму (закон, предписание власти) и ее осознанное нарушение (буквально переход за запретную черту). Для понимания специфики эволюции русского правосознания важно учитывать разнообразные исторические формы репрезентации концепта «преступление», являющиеся важными компонентами русской языковой картины мира: «обида», «лихое дело», «злодейство», «воровство», «погрешение». Сложность структуры русского концепта «преступление» отражает связь права с социальными и морально-религиозными нормами, с национальными ценностями, свидетельствует об этнокультурной идентичности правосознания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Колесов В. В., Колесова Д. В., Харитонов А. А. Словарь русской ментальности: в 2 т. СПб.: Златоуст, 2014.
2. Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. 2-е изд., испр. и доп. М.: Академич. проект, 2001. 990 с.
3. Колесов В. В. Русская ментальность в языке и тексте. СПб.: Петерб. Востоковедение, 2006. 624 с.
4. Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков) / под ред. Р. М. Цейтлин, Р. Вечерки и Э. Благовой. 2-е изд., стереотип. М.: Рус. яз., 1999. 842 с.
5. Словарь русского языка XI–XVII вв. / АН СССР, Ин-т рус. яз. М.: Наука, 1975.
6. Михин А. Н. Взгляд на преступление, вербализованный устойчивыми словесными комплексами в памятниках старославянской письменности // Духовные истоки русской языковой картины мира и тенденции ее развития: коллектив. монография. Магнитогорск: МаГУ, 2010. С. 45–57.
7. Полное собрание законов Российской Империи. Собр. I, II, III. СПб., 1830–1885.
8. Памятники русского права: в 8 вып. М.: Гос. изд-во юрид. лит., 1952–1961.
9. Национальный корпус русского языка. URL: <http://ruscorpora.ru> (дата обращения: 10.02.2022).
10. Исаев М. А. Толковый словарь древнерусских юридических терминов: От договоров с Византией до уставных грамот Московского государства. М.: Спарк, 2001. 119 с.
11. Unbegaun V. O. Selected Papers on Russian and Slavonic Philology. Oxford: At the Clarendon Press, 1969. 341 pp.
12. Арискина О. Л. О языковой личности автора / авторов Русской Правды // Юридическая лексика русского языка XI–XVII веков: материалы к словарю-справочнику. Вып. 1. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2014. С. 33–40.
13. Георгиевский Э. В. К вопросу об этимологии некоторых терминов древнерусского уголовного права // Юридическая лексика русского языка XI–XVII веков: материалы к словарю-справочнику. Вып. 2. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2015. С. 30–42.

-
-
14. Словарь Академии Российской: в 6 ч. СПб., 1789–1794.
15. Словарь церковнославянского и русского языка: в 4 т. СПб., 1847.
16. Попова Л. В. Актуализация концепта «грех» в русском юридическом языковом сознании XVIII века // Вестник Челяб. гос. ун-та. Вып. 84. Филология. Искусствоведение. 2013. № 31 (322). С. 118–120.

© Попова Л. В.

**ОБЩАЯ ПЕДАГОГИКА, ИСТОРИЯ ПЕДАГОГИКИ И ОБРАЗОВАНИЯ.
МЕТОДОЛОГИЯ И ТЕХНОЛОГИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ**

УДК 159.9:351.741.088.4/.5(470)

М. К. ГАЙДАЙ, начальник кафедры философии и социально-гуманитарных дисциплин Восточно-Сибирского института МВД России, доктор социологических наук, доцент (г. Иркутск)

M. K. GAIDAI, head of the department of philosophy and socio-humanities of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, doctor of sociological sciences, associate professor (Irkutsk)

Г. А. КУЗЬМИНА, преподаватель кафедры философии и социально-гуманитарных дисциплин Восточно-Сибирского института МВД России (г. Иркутск)

G. A. KUZMINA, teacher of the department of philosophy and social and humanitarian disciplines of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Irkutsk)

**ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ
ПАТРИОТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ СОТРУДНИКОВ
ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

**PSYCHOLOGICAL FEATURES OF PATRIOTIC EDUCATION OF EMPLOYEES
OF INTERNAL AFFAIRS BODIES OF THE RUSSIAN FEDERATION**

Аннотация. В статье проанализированы ключевые психологические особенности и закономерности формирования позитивного, созидательного патриотизма в рамках воспитательной работы с сотрудниками органов внутренних дел Российской Федерации. Рассмотрены основные закономерности патриотического воспитания будущих и действующих правоохранителей, даны некоторые рекомендации по наиболее продуктивному и успешному осуществлению воспитательной работы в данном направлении. Детально изложены возможные сложности и ошибки, возникающие при трансляции патриотических идей и учений. Приведено обоснование необходимости и высокой значимости

патриотического воспитания для личности сотрудника правоохранительных органов, как в повседневной жизни, так и при выполнении служебных обязанностей, в том числе при противодействии терроризму и выполнению военно-политических миссий. Даны подробные практические рекомендации по проведению воспитательной работы с сотрудниками, проходящими подготовку для участия в антитеррористических операциях, вооруженных конфликтах и миротворческих миссиях.

Ключевые слова и словосочетания: патриотизм, чувство патриотизма, патриотическое воспитание, воспитательная работа, психологические особенности патриотизма, противодействие терроризму, антитеррористическая операция, вооруженный конфликт, миротворческая миссия.

Annotation. The article analyzes the key psychological features and patterns of the formation of positive, creative patriotism in the framework of educational work with employees of the internal affairs bodies of the Russian Federation. The main laws of patriotic education of future and current law enforcement officers were considered, some recommendations were given on the most productive and successful implementation of educational work in this direction. Possible difficulties and errors arising from the translation of patriotic ideas and teachings are described in detail. Justification of necessity and high importance of patriotic education for personality of law enforcement officer, both in daily life and in performance of official duties, including in counteraction of terrorism and execution of military-political missions, is given. Detailed practical recommendations are given on conducting educational work with employees undergoing training for participation in anti-terrorist operations, armed conflicts, and peacekeeping missions.

Keywords and phrases: patriotism, a sense of patriotism, patriotic education, educational work, educational work with employees of internal affairs bodies, psychological features of patriotism, countering terrorism, anti-terrorist operation, armed conflict, peacekeeping mission.

Служба в правоохранительных органах предполагает наличие у сотрудников определенных морально-нравственных и социально-психологических качеств, призванных обеспечивать стойкость и объективность личности сотрудника в ситуациях профессиональной деятельности, требующих проявления выдержки, смелости, решительности, мужества и готовности к разумному риску [1, с. 349].

Гражданин, претендуя на службу в органах внутренних дел, уже обязан обладать предпосылками к благоприятному формированию данных качеств, дальнейшее же их развитие может осуществляться посредством проведения с ним воспитательной работы, направленной на упрочнение нравственных основ службы, норм морали и этики, а также воспитание сотрудника в духе гражданственности и патриотизма. Последний представляет собой отдельный интерес с точки зрения психологических особенностей его формирования и влияния на деятельность сотрудников, так как патриотизм всегда и во все времена рассматривался как движущая сила развития общества и государства. В частности, великие русские

философы и общественные деятели, начиная от В. С. Соловьева, Н. Ф. Федорова и Н. А. Бердяева, в своих работах неоднократно указывали на то, что патриотическая идея является не только мировоззренческой концепцией, но и явлением целой культуры, отражающим как национальное своеобразие в целом, так и понимание предназначения и сущности каждого человека и гражданина в частности [2, с. 48]. Кроме того, как отмечают ученые, могущество и сила каждой страны во многом характеризуется выраженностью и адекватностью патриотизма ее граждан. В. В. Путин в своих выступлениях также неоднократно подчеркивал тот факт, что патриотизм, как яркая форма национальной идентичности, является одним из основных гарантов сохранения народом страны своей целостности, самобытности и культуры, приверженности историческим, моральным, этическим и этническим ценностям, позволяющим чувствовать себя полноценной личностью со своим прошлым, настоящим и будущим [3, с. 41].

С позиции социальной обусловленности патриотизм является одним из приоритетных направлений воспитания всего граж-

данского населения России и перерастает в определенную, мощную идеологию, стремящуюся к утверждению национального сознания, поиску и укреплению национальной идеи, способной противостоять негативному воздействию социально-разрушительных факторов, и, как следствие, сохранению здоровой российской нации.

С точки зрения индивидуально-психологических закономерностей патриотизм (если он истинный, но при этом не фанатичный и бездумный) является одним из сильных морально-нравственных, этических и духовных ресурсов человека, его мотивирующей силой, от которой «подпитываются» такие важные для гражданина (а тем более для сотрудника правоохранительных органов) качества, как ответственность, добросовестность, мужество и самоотверженность.

Мы не случайно указали, что патриотизм для своего позитивного воздействия на личность должен быть истинным, осознанным и не возведенным в слепой культ. Нередко случается так, что патриотические идеи и стремления искажаются, либо подменяются манипулятивными воздействиями на людей, трансформируясь из чувства любви и уважения к своей Родине, к ее истории и традициям, в неоправданную, нерациональную агрессию по отношению к другим национальностям и государствам, а также чрезмерным превознесением своей культуры и активной ее трансляции, как единственной имеющей право на существование. Особенно сильно такому отрицательному воздействию подвергается молодежь, люди, находящиеся в состоянии малой информированности о текущем положении политических, экономических и социальных аспектов жизни мирового сообщества, а также люди, пребывающие в состоянии неопределенности, фрустрации и социально-психологической нестабильности [4].

Кроме того, в силу непонимания человеком истинных основ данного явления и искаженной его трансляции патриотизм может перерасти в модное, выгодное течение. То есть человек может стать патриотом, просто потому что так сейчас принято, потому

что этого требует занимаемая должность или же потому что патриоту предоставляется больше преференций. Такой патриотизм не только бесполезен при формировании морально-нравственных и волевых качеств личности, но и категорически вреден для нее.

В связи с этим сотрудникам органов внутренних дел, отвечающим за воспитательную работу с подчиненным личным составом (руководителям, сотрудникам и работникам подразделений по работе с личным составом), необходимо крайне внимательно относиться к осуществлению деятельности по патриотическому воспитанию, следить за тем, чтобы сотрудники были психологически готовы к ней и избегать любой возможности двойственного трактования основ, принципов и идей патриотизма.

Говоря о психологических особенностях патриотического воспитания сотрудников органов внутренних дел невозможно не указать на существенную значимость добровольности данного явления, природы его внутренней мотивации в структуре гармонично-развивающейся и социализирующейся личности [5, с. 126].

Речь идет о том, что чувство патриотизма не должно быть искусственным, насажденным, привитым против воли человека, без понимания его глубинных основ и назначения. Патриотизм не должен воспитываться за материальное поощрение или в целях избежания наказания. Мотивация чувства служебного долга, приверженности чести настоящего человека и офицера и неукоснительного соблюдения норм права и морали не должна для сотрудника быть внешней, так как в этом случае она не будет продуктивной, не сможет выполнять тех задач, которые преследуются патриотическим воспитанием. Личность сотрудника при такой внешней мотивации патриотизма не будет развиваться в духе ответственности, добросовестности и доблести. Даже наоборот, из-за насильственного, неосмысленного следования патриотическим канонам и традициям сотрудник может проявлять совершенно противоположные реакции: вместо

любви к Родине – неуважение и недоверие к ее истории, традициям, к государству; вместо добросовестности и отзывчивости – пренебрежительное отношение к службе, к гражданам; вместо сформированного чувства долга – попустительские черты в деятельности либо желание делать все наперекор и т. д.

В качестве еще одной существенной особенности формирования чувства патриотизма у сотрудников органов внутренних дел можно выделить толерантность, а точнее воспитание у правоохранителей чувства уважения и терпимости как к своей Родине, ее этнонациональной культуре, так и к представителям других наций и религий, причем находящихся как в пределах Российской Федерации, так и на территории своих стран. Сотрудник органов внутренних дел по долгу своей службы должен одинаково объективно относиться и к гражданам своей страны, и к иностранным гражданам, выражать одинаковое уважение и к тем, и к другим – в этом заключается часть его профессионализма и компетентности [6, с. 81].

Воспитательная работа должна строиться таким образом, чтобы сотрудник в полной мере осознавал, что любовь к своей Родине и верность ее народу ни в коем случае не включают в себя неприязненное или агрессивное отношение к другим культурам. Даже напротив, чем более развито понимание чувства патриотизма у сотрудника, тем толерантнее должно быть его отношение к другим людям, у которых также есть своя история, свои традиции и обычаи, свое вероисповедание и уклад жизни, и хоть они отличаются от тех, на которых воспитан сотрудник, но наряду с ними заслуживают понимания и принятия.

Поскольку деятельность правоохранительных органов сопряжена с охраной жизни и здоровья граждан, а также самого государства от преступных посягательств, к которым в том числе относится и терроризм, адепты которого зачастую являются представителями различных национальностей и вероисповеданий, а также поскольку сами сотрудники отправляются с миротворчески-

ми миссиями в другие страны и государства, нуждающиеся в помощи, они должны ясно понимать культурно-исторические и социально-психологические особенности населения данных субъектов для продуктивного, компетентного, полноценного и безопасного (в первую очередь для самих себя) осуществления своей профессиональной деятельности. Стоит отметить, что деятельность эта предполагает взаимодействие не только с гражданами, но и с коллегами – сотрудниками правоохранительных органов других государств.

Говоря более подробно о борьбе с негативными социальными явлениями мирового масштаба, следует отметить тот факт, что без осознанного и крепкого чувства патриотизма выполнение миссий, связанных с антитеррористической работой, защитой мирного населения других стран и содействия в решении военно-политических конфликтов, невозможно.

Во-первых, с психологической точки зрения человеку, пусть даже с должной физической подготовкой, достаточно сложно находиться в состоянии постоянного эмоционального и психофизиологического напряжения, которое неразрывно сопряжено с участием в антитеррористических операциях, военных действиях и вооруженных конфликтах. Если человек не осознает при этом степень значимости своего долга, не понимает своего предназначения и не чувствует внутренней поддержки, которые и призваны обеспечивать патриотическое воспитание, то он становится уязвим в психоэмоциональном плане, а соответственно, наиболее подвержен профессиональному выгоранию и личностной деформации.

Во вторых, с точки зрения морали и нравственности человек без чувства верности и преданности своей Родине и ее народу в подобных обстоятельствах может перейти на сторону противника, поддаться манипулятивному воздействию, так называемой вербовке, корыстно предать своих сослуживцев или же «сломаться» при воздействии на него сил противника. Именно поэтому со всеми сотрудниками, отправляющимися со слу-

жебными антитеррористическими и миротворческими миссиями в субъекты с аутентичными национальными, религиозными и политическими особенностями, необходимо проводить дополнительную работу по патриотическому воспитанию.

В частности, исходя из анализа имеющегося опыта научных исследований и эмпирической базы, можно выделить следующие основные рекомендации проведения воспитательной работы при подготовке сотрудников правоохранительных органов с целью участия в антитеррористических операциях, военных конфликтах и миротворческих миссиях:

1. Диагностика наличия и/или формирование у сотрудников адекватной и продуктивной мотивации, соответствующей целям и задачам оперативно-служебной деятельности в условиях антитеррористических операций, вооруженных конфликтов и т. д. [7, с.123].

Для диагностики следует использовать методики, направленные на изучение мотивационных особенностей личности, такие как:

– опросные методики (анкетирование, интервьюирование);

– валидизированные методики: психологические тесты (например, тест «Иерархия потребностей», тест «СОЖ» в адаптации Д. А. Леонтьева); опросники (например «МУН» А. А. Реана); шкалы (например «Шкала оценки потребности в достижении») и т. д.;

– проективные методики (рисунки, незаконченные предложения, цветовой выбор и т. д.);

– экспериментальные методы (конструирование гипотетической ситуации, применение элементов игры и т. д.) [8, с. 40].

Для формирования или коррекции мотивации служебной деятельности можно использовать: метод примера, методы установки целей и задач, методы моделирования служебных и жизненных ситуаций, просмотр документальных, художественных, обучающих фильмов, беседы с руководителями и/или психологами, а также с сотруд-

никами, которые уже привлекались к данному виду службы и готовы поделиться своим положительным опытом.

2. Своевременное повышение уровня актуальных профессиональных и социально-психологических знаний.

Для этого необходимо корректно и доступно довести до сотрудников определенный объем информации: об особенностях рассматриваемых условий (антитеррористические операции, миротворческие миссии, военные действия, вооруженные конфликты и т. д.); о правовых нормах, регулирующих общественные отношения в данных условиях; о политической, экономической, социальной обстановке в субъектах осуществления служебной деятельности по противодействию терроризму; об исторических, национальных и культурных традициях территорий и лиц, с которыми возможны мирные или конфликтные контакты; о положительном и отрицательном опыте антитеррористической и миротворческой деятельности на примере других стран; о моральных и правовых предписаниях, связанных с запретами и дозволениями каждой конкретной личности, рассматриваемых условий [9, с. 43].

3. Повышение уровня психологической устойчивости сотрудников в экстремальных ситуациях и стрессовых условиях.

Для этого необходимо провести информирование сотрудников о психологических характеристиках и особенностях психотравмирующих и стрессогенных факторов, воздействующих на участников антитеррористических операций и вооруженных конфликтов.

С целью формирования и/или развития профессионально-важных качеств, отвечающих за психологическую устойчивость сотрудников, выполняющих служебные задачи в условиях повышенных психоэмоциональных нагрузок, необходима планомерная реализация с ними комплекса психолого-педагогических мероприятий (наблюдение за сотрудниками, тестирование, проведение с ними опросов и бесед, выполнение сотрудниками заданий, упражнений и методик) по

диагностике, развитию и коррекции данных качеств, включающих в себя: оперативность мышления, осмотрительность, готовность к разумному и оправданному риску, самообладание, уверенность в себе, смелость, повышенное чувство ответственности и долга, мужество и т. д. [10, с. 142].

В качестве составляющих такого рода комплекса могут выступать антропотехники (научение в деятельности, учение, игра, контекстное обучение), а также элементы или полноценные социально-психологические тренинги, разработанные специалистами по воспитательной работе с учетом индивидуальных особенностей сотрудников, условий и специфики поставленных оперативно-служебных задач.

4. Обучение сотрудников навыкам психологической саморегуляции, оказания психологической помощи и продуктивного, морально-приемлемого снятия психоэмоционального напряжения.

Для этого могут быть использованы:

– техники управления сознанием и телом (например «Лицевая психогимнастика», комплекс «Дакини», дыхательные упражнения);

– приемы психологического дебрифинга;

– ауто- и гетеротренинги;

– методики саморегуляции (например, саморегуляция «Ключ» по Х. М. Алишеву) и т. д. [7, с. 126].

В целом для формирования патриотического сознания среди сотрудников правоохранительных органов можно использовать такие направления деятельности, как правовая, научно-исследовательская, наставническая, образовательная (проведение занятий по патриотической тематике, работа с обучающимися образовательных учреждений высшего и среднего образования), социальная (помощь людям, находящимся в стационарных учреждениях социального обслуживания, работа с ветеранами Великой Отечественной Войны, ветеранами и пенсионерами органов внутренних дел, ветеранами боевых действий, поддержка семей погибших сотрудников), культурно-просве-

дительская (знакомство и принятие сотрудниками участия в служебных традициях, ритуалах, церемониях, уроках мужества, праздновании дней воинской славы и т. д.), спортивная (проведение соревнований и чемпионатов, посвященных памятным историческим датам и лицам), морально-психологическая (индивидуальная и групповая работа по формированию профессионально-важных качеств сотрудника, выработка навыков, необходимых для продуктивного и полноценного профессионального развития, обучение саморегуляции, рефлексии, самоанализу, основам аутотренинга и т. д.), творческая (поощрение занятий искусством – музыкальным, изобразительным, литературным и прочими видами творчества среди сотрудников и членов их семей, организация и проведение концертов, фестивалей, выставок и т. д.). Важно, чтобы подобная деятельность была организована так, чтобы исключить приказной порядок ее проведения, который в большинстве случаев приносит отрицательные последствия. Хорошим стимулом видится личный пример руководителей и авторитетных сотрудников по реализации такой работы. Ведь личный пример – это не просто лучший, а порой единственный способ убеждения.

Все вышеперечисленное при должном уровне его организации и реализации призвано укреплять и развивать патриотическое сознание личности и, как следствие, способствовать воспитанию гармоничной, самодостаточной личности, способной качественно и продуктивно выполнять свой служебный долг, работать над совершенствованием профессионально-важных и личностных качеств, формировать самосознание и индивидуальную философию жизни, адаптироваться к изменяющимся условиям действительности, сохранять свое физическое и психологическое здоровье.

В заключение хотелось бы выделить еще один психологический аспект патриотического воспитания – патриотизм не должен проявляться, лишь как формальное действие (мероприятие, ритуал). Это должна быть непрерывная, искренняя и максимально каче-

ственная работа со стороны государственных институтов, по отношению к людям, которые в них служат. Самим сотрудникам для формирования их патриотического сознания предельно важно знать и понимать, что государство, которому они служат, во что бы то ни стало защитит их или их семьи в случае наступления непредвиденных, трагических обстоятельств.

Таким образом, можно отметить, что в настоящее время патриотизм, при его здоровом, правильном и искреннем воплощении может являться одним из сильнейших мобилизационных ресурсов не только общества в целом, но и каждой конкретной личности

в частности. Патриотическое самосознание при должном его формировании и воспитании призвано гармонизировать человека с самим собой, со своей деятельностью, с настоящим и будущим своей страны. Тем более это является актуальным для будущих и настоящих сотрудников органов внутренних дел, так как понимание и принятие патриотических идей являются одним из необходимых условий подготовки компетентных, стрессоустойчивых, быстроадаптирующихся и высокочеловечных специалистов, актуализирующих и транслирующих в своей деятельности светлый образ служения Отечеству.

ЛИТЕРАТУРА

1. Грозин С. Ю., Гайдай М. К. Создание позитивного имиджа полицейского – путь к оптимизации деятельности полиции // Деятельность правоохранительных органов в современных условиях: сборник материалов XXIV международной научно-практической конференции. Восточно-Сибирский институт МВД России. 2019. С. 349–350.
2. Маслин М. А. Классики русской идеи: Владимир Соловьев и Николай Бердяев // Соловьевские исследования. 2014. № 1 (41). С. 47–59.
3. Каплунович И. Я., Каплунович С. М. Психологические закономерности формирования чувства патриотизма // Международный журнал экспериментального образования. 2016. № 9–1. С. 41–45.
4. Трофимова Е. Л., Терехова Т. А. Межэтническое взаимодействие студентов из стран АТР как условие психологической безопасности // Baikal Research Journal. 2017. Т. 8. № 4.
5. Мазур М. А. Содержание и особенности патриотического воспитания сотрудников органов внутренних дел // Вестник ЮУрГУ. 2011. № 3. С. 126–129.
6. Шагимурагов А. Н. О патриотическом воспитании сотрудников органов внутренних дел // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2015. № 3. С. 79–85.
7. Белик Я. Я., Котенев И. О. психологическая подготовка сотрудников органов внутренних дел к действиям в условиях террористического акта // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2001. № 2 (16). С. 122–127
8. Мухачева А. В. Современные методы изучения мотивации труда как фактора формирования качества трудовой жизни // Россия молодая: сборник материалов IX всероссийской научно-практической конференции молодых ученых с международным участием 18–21 апреля 2017 г. Кемерово: Изд-во Кемеровского государственного университета. 2017. С. 39–44.
9. Цуканов В. Н. Психологическая подготовка сотрудников органов внутренних дел в условиях противодействия терроризму // Вестник Прикамского социального института. 2015. № 1 (69). С. 41–44.
10. Трофимова Е. Л. Особенности гражданской идентичности юношей, проходящих срочную военную службу // Междисциплинарные ресурсы экономической психологии в формировании этнорегиональной идентичности и позитивного образа «малой родины»: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием 27–30 июня 2019 г. Иркутск: Изд-во Иркутского государственного университета. 2019. С. 139–145.

© Гайдай М. К.

© Кузьмина Г. А.

А. С. ДУШКИН, начальник кафедры педагогики и психологии Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат психологических наук, доцент (г. Санкт-Петербург)

A. S. DUSHKIN, head of the department of pedagogy and psychology of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, candidate of psychological sciences, associate professor (St. Petersburg)

Т. Л. ЖУРАВЛЕВА, доцент кафедры педагогики и психологии Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат педагогических наук, доцент (г. Санкт-Петербург)

T. L. ZHURAVLEVA, associate professor of the department of pedagogy and psychology of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, candidate of pedagogical sciences, associate professor (St. Petersburg)

Ю. К. НИМИРОВСКАЯ, доцент кафедры педагогики и психологии Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат педагогических наук (г. Санкт-Петербург)

YU. K. NIMIROVSKAYA, associate professor of the department of pedagogy and psychology of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, candidate of pedagogical sciences (St. Petersburg)

**РЕАЛИЗАЦИЯ ПРОБЛЕМНО-ОРИЕНТИРОВАННОГО
И ПРОЕКТНО-ОРИЕНТИРОВАННОГО ОБУЧЕНИЯ
В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПЕРЕПОДГОТОВКЕ НАЧИНАЮЩИХ
ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ МВД РОССИИ**

**IMPLEMENTATION OF PROBLEM-ORIENTED AND PROJECT-ORIENTED
TRAINING IN THE PROFESSIONAL RETRAINING
OF NOVICE TEACHERS OF THE EDUCATIONAL ORGANIZATIONS
OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF RUSSIA**

Аннотация. В статье рассматриваются теоретические особенности проблемно-ориентированного обучения и аспекты использования проектно-ориентированного подхода в подготовке начинающих преподавателей в образовательных организациях МВД России. Показаны взгляды ученых на развитие проблемно-ориентированного обучения, благодаря которому произошло принятие как за рубежом, так и в России проектного метода. Авторы указывают на то, что именно проектно-ориентированное обучение является важным в структуре профессиональной переподготовки преподавателя высшей школы. Отмечается, что начинающему преподавателю будут полезны научно-проектные знания в педагогической деятельности. Описана практика реализации программы дополнительного профессионального образования профессиональной переподготовки «Школа педагогического мастер-

ства» в Санкт-Петербургском университете МВД России на основе современных образовательных технологий.

Ключевые слова и словосочетания: проблемно-ориентированное обучение, метод проблемного обучения, проектный метод, исследовательский метод, проектная компетентность, инновационная деятельность.

Annotation. The article discusses the theoretical features of problem-oriented learning and aspects of the use of a project-oriented approach in the training of novice teachers in the educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia. The views of scientists on the development of problem-oriented learning are shown, thanks to which the project method was adopted both abroad and in Russia. The authors point out that it is project-oriented training that is important in the structure of professional retraining of a higher school teacher. It is noted that the beginning teacher will benefit from scientific and project knowledge in pedagogical activity. The practice of implementing the program of additional professional education of professional retraining «School of Pedagogical Excellence» at the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia on the basis of modern educational technologies is described.

Key words and phrases: problem-oriented learning, problem-based learning method, project method, research method, project competence, innovation activity.

Современное общество предъявляет высокие требования к подготовке и переподготовке профессорско-преподавательского состава образовательных организаций высшего образования. В настоящее время в отечественной и зарубежной образовательной практике актуализируется интерес к новым технологиям обучения: проблемно-ориентированному обучению (problem-based learning, далее – PBL), проектно-ориентированному обучению (project-based learning). С. И. Поздеева отмечает, «что близкими к PBL являются такие понятия, как «team-based learning» (т. к. групповая работа становится основной формой организации образовательной деятельности) и «work-based learning» (практико-ориентированное обучение, максимально приближенное к специфике будущей профессии)» [1].

Последовательное становление проблемного обучения в зарубежном образовании основывается на активизации обучения и применении исследовательского метода. Идея активизации умственной активности посредством проблемных вопросов была выдвинута Сократом (469–399 до н. э.). В средние века Я. А. Коменский (1592–1670) утверждал, что процесс познания – это активный процесс. Ж.-Ж. Руссо в своем знаменитом романе-трактате «Эмиль, или О воспитании» (1762) считал, что ученики должны стремиться к реализации и совер-

шенствованию собственных способностей, дарованных им природой, а также сами учиться. Проблема активизации обучения была затронута в работах И. Г. Песталоцци (1746–1827) и Ф. А. Дистервейга (1890–1866). В конце XIX века и начале XX века появляются лабораторно-эвристический метод (А. Я. Герд), опытно-испытательный метод, эвристический метод (Г. Армстронг), естественно-научный метод (А. П. Пиневиц). Они получают обобщенное название – исследовательский метод.

В американской педагогике исследовательский метод дал развитие проблемному методу обучения Дж. Дьюи. Его работа была продолжена У. Килпатриком, автором книги «Метод проектов» (1918). Последующее становление проблемного обучения в американском образовании связывают с именем Дж. Брунера. Особый вклад в развитие и становление проблемного обучения был внесен американским ученым Д. Поиа и немецкими учеными О. Зельцем и К. Дункером. Дальнейшее развитие проблемного обучения – это направление PBL.

С. Л. Финкл и Л. Торп дают следующее определение проблемно-ориентированного обучения: «разработка учебной программы и система обучения, которая одновременно развивает как стратегии решения проблем, так и базы знаний и навыки по дисциплинам, ставя обучающихся в активную роль

решения проблем, которая отражает проблемы реального мира» [2].

Х. Бэрроуз, Р. Тэмблин (университет МакМастер, Канада), одни из разработчиков направления PBL, характеризует его как личностно-ориентированное обучение [3]. Обращаясь к работам М. И. Махмутова можем отметить, что проблемное обучение им также рассматривалось, как личностно-ориентированное обучение через бинарный метод «субъект-субъект» [4].

Направление проблемно-ориентированного обучения первоначально было разработано для студентов-медиков (университет МакМастер). С. И. Поздеева следующим образом интерпретирует данное обучение: «Модель организации совместной деятельности в problem-based learning состоит в том, что в небольших группах по 10–12 человек центральной фигурой становится руководитель. Его задача: поддерживать учебный процесс, моделировать вызов проблем, не передавать готовые знания, а включать студентов в разработку проблемы... Лекции читаются один раз в неделю. <...> В рамках одной дисциплины лекции могут читать разные преподаватели» [1]. Принципиально важным в этом направлении является то, что теоретические знания должны обязательно реализовываться в практической деятельности. Это могут быть проблемы-кейсы, которые затем обсуждаются в группе, или метод проектов.

В российском образовании развитие проблемного метода прошло такие же этапы, как и в зарубежном образовании. Вначале это была активизация обучения, основоположником которой был К. Д. Ушинский. Он писал, что «должно постоянно помнить, что следует передать ученику не только те или другие познания, но и развить в нем желание и способность самостоятельно, без учителя, приобретать новые познания. <...> Обладая такой умственной силой, извлекающей отовсюду полезную пищу, человек будет учиться всю жизнь, что, конечно, и составляет одну из главнейших задач всякого школьного учения» [5, с. 500]. В последующем идеи К. Д. Ушинского были под-

держаны и продолжены П. Ф. Каптеревым: «Объясняйте учащемуся сколько угодно какое-либо правило, если он сам не поймет в чем дело, т. е. не проявит умственной деятельности, то все объяснение будет напрасно, правило останется чуждым учащемуся, будет находиться вне его сознания, не войдет в него» [6, с. 357]. На основании исследовательских изысканий в области освоения знаний обучающимися П. Ф. Каптерева по праву считают основателем исследовательского метода, но исследовательский метод не стал основополагающим методом обучения в России. Причин для этого было множество, прежде всего, отсутствие психологических исследований в области мышления. Открытия, сделанные в области создания теории мышления С. Л. Рубинштейном, напрямую были связаны с проблемным обучением: «Сама постановка проблемы является актом мышления, который требует часто большой и сложной мыслительной работы. Сформулировать, в чем вопрос, значит, уже подняться до известного понимания, а понять задачу или проблему, значит, если не решить ее, то, по крайней мере, найти путь... Результат мыслительной работы спускается в более или менее непосредственно в практику. Она <...> ставит перед мыслью новые задачи – развития, уточнения, исправления или изменения первоначального решения проблемы» [7, с. 374-377]. Изыскания С. Л. Рубинштейна также не нашли практического применения, и проблемное обучение вновь не получило своего развития в России. Одна из причин – это невостребованность образованием и обществом проблемного обучения. Так почему же общество не принимает метод проблемного обучения? Попробуем рассмотреть причину неприятия проблемного метода через преобразования в культуре в периоды революционных перемен в России. Анализ научной литературы показывает, что наиболее активно проходят исследования в российском обществе после радикальных перемен. «Пики проблемности в обучении приходятся на пики революционных перемен в обществе, обычно с небольшим опозданием, т. е. революционные процес-

сы в обществе имеют в качестве результата «проблемность в обучении» [8, с. 22]. Происходит увеличение исследований в области проблемного обучения после Октябрьской революции 1917 года. Например, были предприняты научные изыскания С. Т. Шацким, Б. Е. Райковым на основании метода исследования в 20–30 гг. прошлого столетия. Изучение исследовательского метода было продолжено С. Л. Рубинштейном и М. И. Махмутовым после «апрельской оттепели» 1960 г. В 60–80 гг. XX века исследования в области проблемного обучения были возобновлены А. В. Матюшкиным, И. Я. Лернером, М. Н. Скаткиным. В настоящее время в связи с модернизацией образования научный интерес к проблемному обучению усилился, как практическому методу обучения в профессионально-ориентированной подготовке специалиста [9].

Проблемно-ориентированное обучение обозначает целый ряд различных образовательных стратегий, характеризующихся более целостными, а в последнее время и мультимодальными подходами к обучению [10].

На современном этапе развития проблемного обучения произошло осмысление более ранних исследований российских ученых и принятие инновационных методов РВЛ зарубежной школы [11; 12].

Цель исследования: изучить возможности внедрения проблемно-ориентированного и проектно-ориентированного обучения в подготовку начинающих преподавателей в Санкт-Петербургском университете МВД России по программе дополнительного профессионального образования профессиональной переподготовки «Школа педагогического мастерства» (с частичным применением системы дистанционных образовательных технологий) (далее – Программа).

Данная программа была нами впервые разработана и реализована в 2021 году. Количество обучающихся – 17 начинающих преподавателей Санкт-Петербургского университета МВД России. Трудоемкость программы составляет 288 академических часов.

Программа предназначена для определения содержания профессиональной переподготовки сотрудников (работников) образовательных организаций системы МВД России, не имеющих опыта педагогической деятельности, педагогического образования, не обучавшихся или обучавшихся, но не закончивших курс обучения в адъюнктуре (аспирантуре), принятых на должности профессорско-преподавательского состава; потребностей профессорско-преподавательского состава в повышении педагогического мастерства, личностно-профессионального развития, обеспечения соответствия квалификации педагогических работников меняющимся условиям профессиональной служебной деятельности и социальной среды.

Н. В. Астафьев, В. А. Овчинников, М. А. Лыскова в своем исследовании также обосновывают «необходимость обучения всех педагогических работников образовательных организаций МВД России, впервые назначенных на должности, по программам повышения квалификации, а педагогических работников, не имеющих высшего педагогического образования, – по программам профессиональной переподготовки» [13].

Разработанная нами программа включает в себя учебные модули, направленные на овладение научными представлениями о методологии, закономерных положениях педагогики и психологии высшей школы, ознакомление с современными образовательными технологиями, а также на изучение и осмысление учебно-методической и научно-исследовательской работы в образовательных организациях МВД России.

Модуль 1. Организация учебной и методической работы.

Модуль 2. Введение в педагогическую профессию.

Модуль 3. Введение в педагогику высшей школы.

Модуль 4. Методика организации и проведения учебных занятий, самостоятельной работы в высшей школе.

Модуль 5. Введение в педагогическую психологию высшей школы.

Модуль 6. Организация научно-исследовательской и издательской деятельности в системе образовательных организаций МВД России.

Предполагаются защиты слушателями как отчетов по итогам прохождения стажировки на кафедрах, так и проектных работ при проведении итоговой аттестации. Итоговая аттестация включает также итоговый экзамен.

Мы согласны с мнением К. М. Гайдар, Л. А. Кунаковской, В. С. Листенгартена, «что наличие данной программы можно рассматривать в качестве условия роста педагогического мастерства преподавателей, механизма преломления полученных знаний по педагогике и психологии высшей школы в собственной профессиональной деятельности, фактора «педагогизации» образовательной среды в университете» [14].

Выбор технологии PBL позволил не перегружать начинающих преподавателей изучением лекционного курса в контактной форме с педагогическим работником. Нами было учтено, что высшее образование и теоретические знания по темам модулей все преподаватели могут освоить самостоятельно, а затем подтвердить свои знания прохождением тестирования. В контактной форме проводились только семинары и практические занятия.

В процессе применения PBL был реализован 9-шаговый процесс обучения начинающих преподавателей [15]:

1. Установите цели и задачи.
2. Проведите анализ контента/задач.
3. Проанализируйте спецификацию контекста.
4. Выберите/сгенерируйте проблему PBL.
5. Проведите анализ доступности проблемы PBL.
6. Проведите анализ соответствия.
7. Проведите процессы калибровки.
8. Создайте компонент отражения.
9. Изучите взаимосвязи между компонентами.

Факторами реализации PBL являются:

1. Проблемы должны ассоциироваться с реальными жизненными проблемами.

2. В отличие от обычного метода обучения, когда обучающиеся пытаются решить вопросы на основе имеющихся знаний, которые они получили, в PBL они пытаются решить вопросы без каких-либо предварительных знаний, и они могут найти ответы, исследуя несколько вариантов, предоставленных вопросом.

3. В начале процесса обучения проблемы намеренно даются обучающимся в форме PBL.

4. Проблемно-ориентированное обучение способствует поддержанию эффективной командной работы в учебной группе, то есть моделируемая проблема изучается таким образом, что каждый аспект вопроса должен быть разделен между командой, чтобы каждый мог извлечь из этого выгоду.

5. Преподаватель становится координатором, который действует как супервизор и становится советником для обучающихся.

Исследования и опыт показали, что активные методы обучения, такие как PBL, могут мотивировать обучающихся и повысить их понимание и достижения.

Преподаватели имеют в своем распоряжении сотни стратегий обучения, мероприятий и инструментов, которые потенциально могут быть ценными для конкретной учебной ситуации: например, некоторые стратегии и практики обучения могут лучше всего подходить для конкретной дисциплины или курса; другие могут быть наиболее полезными для обучающихся на определенных уровнях; а третьи могут просто быть более приемлемыми для стиля преподавания данного преподавателя.

В подготовке преподавателя высшей школы большое значение придается профессиональному владению дидактическими методами. Овладение инновационными методами обучения возможно только через практику. Если судить о понятии инновационного подхода в обучении, то А. Я. Савельев трактует данное понятие как «преобразование новых знаний, обеспечивающих более эффективное достижение дидактической задачи» [16].

Инновационная деятельность педагогического работника образовательной органи-

зации МВД России невозможна без творчества и инноваций. В структуре подготовки преподавателя высшей школы в рамках дополнительного профессионального образования инновационный аспект занимает ключевую позицию. Многие идеи, заложенные в инновационном типе обучения, предусматривают «умение приобщаться к конструктивному общению, установку на признание рационального момента в иной позиции» [17, с. 43].

Инновационная деятельность преподавателя высшей школы имеет большое значение, поскольку результатом такой деятельности является уровень качества образования. Как отмечает М. В. Кларин, понятие «инновации в высшем образовании» подразумевает «не только и не столько новые методы, подходы и формы обучения, сколько изменения в образе деятельности, стиле мышления» [18].

Проектно-ориентированное обучение (project-based learning) преподавателя высшей школы направлено на поиск, получение и систематизацию научно-проектных знаний, их освоения с целью применения в педагогической деятельности.

В нашей практике инновационные образовательные процессы связаны также с проектно-ориентированным обучением начинающих преподавателей, что позволяет организовать процесс обучения, направленный на получение решения актуальных педагогических проблем.

С. Белл понимает под проектно-ориентированным обучением «подход к преподаванию и обучению, который ставит обучающихся в центр процесса и делает их ответственными за собственное обучение» [19]. Мы разделяем позицию Д. В. Гергерта, Д. Г. Артемьева, «что проектно-ориентированное обучение предоставляет обучающимся требования к конечному продукту, для реализации проекта обучающимся придется решать вопросы достижения этого результата, что, по сути, и является процессом такого обучения» [20].

Проектно-ориентированное обучение всегда подразумевает коллективную деятельность. Это позволяет обучающимся приобрести умение работы в команде, навыки лидерства, учит распределению обязанностей между коллегами, разрешению конфликтов и др. [21; 22].

Проектная технология может быть отнесена к инновационной, поскольку владение данной технологией – показатель методических и дидактических способностей преподавателя высшей школы [23]. При этом внедрение проектно-ориентированного обучения способствует формированию проектной компетенции и может быть направлено как на объективно новый, так и субъективно новый результат. Данная компетенция формируется путем осознанного включения преподавателя высшей школы в проектную работу для решения тех или иных педагогических проблем. В основе проектной деятельности лежит умение начинающего преподавателя самостоятельно конструировать освоенные практико-ориентированные знания (см. таб. 1).

Составляющие результатов сформированности проектной компетенции начинающих преподавателей образовательных организаций МВД России

Таблица 1

Составляющие результатов сформированности проектной компетенции начинающих преподавателей образовательных организаций МВД России

Уровни	Характеристика
Знания	Знать этапы работы (цель, задачи, формулирование проектного предложения, планирование, концептуальная идея, методы поиска и анализа информации)
Умения	Уметь понимать сущность и значение этапов жизненного цикла проекта для результата учебной деятельности. Уметь ориентироваться в информационном пространстве и самостоятельно конструировать свои практико-ориентированные знания
Навыки (опыт деятельности)	Владеть способами подготовки проектной работы, ее презентации и публичной защиты

Анализ различных подходов к формулировке понятия «проект» определяет, что проектная работа должна иметь практическую направленность, быть востребованной и иметь возможность использования для решения конкретных проблем, в том числе педагогических.

Проектной работе отводится важное место в системе самостоятельной работы слушателей по программе профессиональной переподготовки «Школа педагогического мастерства». Начинающие преподаватели в период обучения подготовили проектные работы по реализуемым ими дисциплинам (модулям). Разработанные нами методические рекомендации, содержащие методику и последовательность выполнения элементов проектной работы, указания по структуре и ее содержанию, требования к ее объему и оформлению, описание организации процесса проектирования и советы по подготовке к защите проектной работы, позволили слушателям качественно выполнять проектные работы.

Важнейшим инструментом в развитии преподавателя высшей школы становится обновление качества образования, а в качестве результата выполнения проектной работы излагаются теоретические аспекты проблемы в образовании, обоснование способа решения учебной проблемы, описываются результаты образовательных экспериментов.

Проведенный анализ подготовленных проектных работ начинающими преподавателями Санкт-Петербургского университета МВД России позволил определить и структурировать следующие актуальные направления исследований:

Информационно-аналитические проекты: анализ нормативно-правовых, финансово-экономических документов. Тема: «Способ формирования навыка по составлению материала по делу об административном правонарушении».

Специализированные профессионально-ориентированные проекты. Темы: «Практико-ориентированный подход к проведению занятий по учебной дисциплине «Криминалистика»; «Практико-ориентиро-

ванный подход при подготовке сотрудников подразделений по вопросам миграции».

Экспериментально-методические проекты. Темы: «Использование современных технологий в образовательном процессе в условиях дистанционного обучения курсантов и слушателей»; «Применение проблемного метода при проведении практических занятий по уголовно-процессуальному праву»; «Педагогические подходы в мотивации к участию в спортивных мероприятиях курсантов в образовательной организации МВД России».

Постановка эксперимента и выявление противоречий. Тема: «Естественнонаучный эксперимент как ресурс профессиональной направленности будущих специалистов экспертных подразделений МВД России».

Выводы по результатам исследования:

Проблемно-ориентированное обучение имеет свою историю развития в российском образовании на основании теоретических и экспериментальных психолого-педагогических исследований.

Проблемно-ориентированное и проектно-ориентированное обучение способствует сознательному отношению слушателей к приобретению профессионально-педагогических компетенций.

Проблемно-ориентированное и проектно-ориентированное обучение может быть вариативным, а именно включаться в содержание лекций, отдельных дисциплин и в проектную деятельность.

Проблемно-ориентированное и проектно-ориентированное обучение позволяет слушателям реализовывать свой творческий потенциал в педагогических проектах.

В заключение следует отметить, что внедрение проблемно-ориентированного и проектно-ориентированного обучения в профессиональную переподготовку начинающих преподавателей образовательных организаций МВД России – одна из важнейших инноваций в современном ведомственном образовании, поскольку отражает принцип практической направленности обучения, а также содержание подготовки в условиях цифровизации высшей школы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Поздеева С. И. Проблемное и проблемно-ориентированное обучение (Problem-Based Learning): сравнительный анализ // Сибирский педагогический журнал. 2016. № 2. С. 95–99.
2. Finkle S. L., & Torp L. Introductory documents. Available from the Centre for Problem-Based Learning, Illinois Math and Science Academy, 1995.
3. Barrows H. S, Tamblyn R. M. Problem-Based Learning: An Approach to Medical Education. 1980, New York, Springer Publishing Co. P. 19–36.
4. Махмутов М. И. Избранные труды: в 7 т. Казань: Магариф-Вақыт, 2016. Т. 1: Проблемное обучение: Основные вопросы теории / сост. Д. М. Шакирова. 423 с.
5. Ушинский К. Д. Воскресные школы. Собр. соч. Т. 2. М.; Л., 1948.
6. Каптерев П. Ф. Избранные педагогические сочинения / под ред М. А. Арсеньева. М.: Педагогика, 1982. 702 с.
7. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. СПб: Питер, 2015. 705 с.
8. Проблемное обучение: прошлое, настоящее, будущее: коллективная монография: в 3 кн. / под ред. Е. В. Ковалевской. Книга 1: Лингво-педагогические категории проблемного обучения. Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. гуманит. ун-та, 2010. 300 с.
9. Мохорт А. В. Технология проблемного обучения и методические приемы создания проблемных ситуаций в процессе обучения // Экономика и социум. 2020. № 3 (70). С. 409–413.
10. Iedema R. Multimodality, resemiotization: Extending the analysis of discourse as multisemiotic practice. Visual Communication. 2003. № 2. P. 29–57.
11. Scholz K.W. and Anderson S. Problem-Based Learning: A White Paper & Primer, 2018. P. 1–22.
12. Jørgensen, Kenneth & Strand, Anete & Thomassen, Anja. Conceptual Bases of Problem-based Learning. 2012. № 28.
13. Астафьев Н. В., Овчинников В. А., Лыскова М. И. Дополнительное профессиональное образование лиц, впервые назначенных на должности педагогических работников образовательных организаций МВД России // Право и Образование. 2020. № 7. С. 90–96.
14. Гайдар К. М., Кунаковская Л. А., Листенгартен В. С. Педагогика высшей школы в действии (опыт реализации программы профессиональной переподготовки «Преподаватель высшей школы») // Вестник ВГУ. Серия: Проблемы высшего образования. 2022. № 2. С. 34–37.
15. Hung W. The 9-step problem design process for problem-based learning: Application of the 3C3R model. Educational Research Review. 2009. № 4 (2). P. 118–141.
16. Савельев А. Я. Инновационное образование и научные школы // Вестник высшей школы. 2000. № 3. С. 15–18.
17. Лаврентьев Г. В. Инновационные обучающие технологии в профессиональной подготовке специалистов / Г. В. Лаврентьев, Н. Б. Лаврентьева, Н. А. Неудахина. Ч. 2. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002. 232 с.
18. Кларин М. В. Инновации в мировой педагогике: обучение на основе исследования, игры и дискуссии. (Анализ зарубежного опыта). Рига, НПЦ «Эксперимент», 1995. 176 с.
19. Bell S. Project-based learning for the 21st century: Skills for the future. The Clearing House: A Journal of Educational Strategies, Issues and Ideas. 2010. № 83 (2). P. 39–43.
20. Гергерт Д. В., Артемьев Д. Г. Практика внедрения проектно-ориентированного обучения в вузе // Университетское управление: практика и анализ. 2019. Т. 23. № 4. С. 116–131.
21. Blumenfeld P. C., Soloway E., Marx R. W., Krajcik J. S., Guzdial M., Palincsar A. Motivating Project-Based Learning: Sustaining the Doing, Supporting the Learning // Educational Psychologist. 1991. Vol. 26. № 3/4. P. 369.
22. Казун А. П., Пастухова Л. С. Практики применения проектного метода обучения: опыт разных стран // Образование и наука. 2018. Т. 20. № 2. С. 32–59.
23. Нимировская Ю. К. Проектная технология в образовательной системе высшей школы // Методы и механизмы реализации компетентностного подхода в психологии и педагогике: сборник статей Международной научно-практической конференции 1 декабря 2009 г. Воронеж, 2009. С. 97–101.

© Душкин А. С.

© Журавлева Т. Л.

© Нимировская Ю. К.

М. Р. ИЛАКАВИЧУС, профессор кафедры педагогики и психологии Санкт-Петербургского университета МВД России, доктор педагогических наук (г. Санкт-Петербург)

M. R. ILAKAVICHUS, professor of the department of pedagogy and psychology, Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, doctor of pedagogy (St. Petersburg)

Е. Ю. ИВАНОВ, адъюнкт кафедры педагогики и психологии Санкт-Петербургского университета МВД России (г. Санкт-Петербург)

E. YU. IVANOV, adjunct of the chair of pedagogy and psychology, Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia (St. Petersburg)

**ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ СОЦИАЛИЗАЦИИ
ВОСПИТАННИКОВ СУВОРОВСКИХ ВОЕННЫХ УЧИЛИЩ
МВД РОССИИ НА НАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ ОБУЧЕНИЯ НА ОСНОВЕ
ГУМАНИТАРНО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКОГО ПОДХОДА**

**PEDAGOGICAL SUPPORT OF THE SOCIALIZATION OF STUDENTS
OF THE SUVOROV MILITARY SCHOOLS OF THE MIA OF RUSSIA
AT THE INITIAL STAGE OF TRAINING ON THE BASIS
OF THE HUMANITARIAN AND ANTHROPOLOGICAL APPROACH**

Аннотация. Статья описывает вариант организации практики социализации старших подростков в первом полугодии пребывания в суворовском военном училище МВД России – самом сложном этапе обучения. Практика его педагогического сопровождения нуждается в научно обоснованных вариантах организации подготовки полицейских, относящихся к профессии служения, которые позволяют избежать рисков упрощения понимания процесса социализации и формализации воспитательной работы, ведущей к дегуманизации отношений. В статье предложен вариант организации педагогического сопровождения, основанный на философии традиции, гуманитарно-антропологическом подходе, теории неформального образования. Представлен опыт использования двойного наставничества первокурсников, реализованного взрослым сотрудником училища и старшекурсником, прошедшими соответствующую подготовку. Это позволило преодолеть риск установления порядка ориентации «повелевание-подчинение», ведущего к развитию отношений отчуждения и страха, и активировать порядок «ответственность-послушание», реализующий отношения доверия и авторитета.

Ключевые слова и словосочетания: суворовские военные училища МВД России, социализация, воспитанники, педагогическое сопровождение, гуманитарно-антропологический подход, наставничество.

Annotation. The article describes a variant of organizing the practice of socialization of older adolescents in the first half of the year of stay at the Suvorov Military School of the Ministry of Internal Affairs of Russia - the most difficult stage of training. The practice of its pedagogical support needs scientifically based options for organizing the training of police officers related to the profession of service, which avoid the risks of simplifying the understanding of the process of socialization and formalizing educational work, leading to dehumanization of relations. The article proposes a variant of the organization of pedagogical support, based on the philosophy of tradition, the humanitarian-anthropological approach, the theory of non-formal educa-

tion. The experience of using double mentoring of first-year students, implemented by an adult employee of the school and a senior student who has undergone appropriate training, is presented. This made it possible to overcome the risk of establishing a "command-submission" order of orientation, leading to the establishment of relations of alienation and fear, and to activate the "responsibility-obedience" order, which implements relations of trust and authority.

Keywords and phrases: *Suvorov military schools of the Ministry of Internal Affairs of Russia, socialization, pupils, pedagogical support, humanitarian-anthropological approach, mentoring.*

В соответствии с федеральным законодательством и нормативными правовыми актами МВД России задачу по подготовке несовершеннолетних граждан мужского пола к службе в органах внутренних дел решают специально для этого созданные суворовские военные училища МВД России (далее – СВУ МВД России) [1; 2]. Срок обучения в указанных образовательных организациях составляет три года, за которые воспитанники приобщаются к новым условиям жизни и деятельности, у них формируются нравственные убеждения, культура межнационального и межэтнического общения, представления о правоохранительной деятельности, ее значимости для человека, общества и государства, происходит профессиональное самоопределение, выбор пути служения народу и Отечеству. Особую роль в подготовке будущих сотрудников органов внутренних дел играет первое полугодие обучения, когда осваиваются определенные ценностные ориентиры, составляющие фундамент дальнейшего профессионального развития. Это период сущностно является социализацией. Для нас важным является факт причисления в отечественной культурной традиции профессии полицейского к профессиям служения, ценностным основанием которых является другомигрантность, осознание общего блага иерархически высшим, что накладывает на жизнедеятельность отпечаток регламентации необходимыми для поддержания порядка нормами. Основываясь на работах А. В. Мудрика и В. И. Слободчикова, мы определяем социализацию в СВУ МВД России в контексте субъект-субъектного подхода как сочетание приспособления и обособления взрослого в условиях регламентированного, основанного на отечественных традициях

военного уклада в рамках специального организованного процесса воспитания. Теоретически процесс социализации может быть реализован на разных методологических основаниях. Мы определяем главными принципами их выбора природо- и культуросообразность. Данная ориентация обусловила выбор в качестве методологии организации воспитательной практики гуманитарно-антропологический подход.

Начальный этап обучения проблематизирован факторами, которые можно разделить на две группы: индивидуально-личностные и средовые. К первым отнесем следующие.

1. Старший подростковый возраст (14 лет), заканчивающийся кризисом отрочества, который характеризуется колоссальными морфофункциональными изменениями организма, противоречивостью поведения, попыткой «примерить» взрослость, выстраиванием иерархии отношений со сверстниками, увеличением эмоциональной дистанции с родителями и другими взрослыми, протестной реакцией на любое противостояние с окружающим подростка обществом [3].

2. Особенности, присущие людям, родившимся уже в XXI веке, так называемому «поколению Z». К ним специалисты относят «клиповое мышление», индивидуалистичность, предпочтение виртуального общения реальному, нетерпеливость, постановка для себя только краткосрочных целей, более доверительные отношения с родителями, нежели у представителей других поколений [4]. Также надо иметь в виду современный социальный контекст взросления, в котором транслируются преимущественно ценности потребительства, эгоцентризма, асоциальности, цинизма.

3. Разнородный состав кандидатов на обучение в СВУ МВД России по социальному положению семей, национальной и региональной принадлежности. Так, например, в соответствии с Планом комплектования образовательных организаций системы МВД России по общеобразовательным программам на 2020 год [5], в шесть СВУ МВД России поступали подростки из 43 субъектов Российской Федерации. С учетом того, что в Грозненское СВУ МВД России имени Героя Российской Федерации А. А. Кадырова поступают кандидаты из одного региона, в оставшиеся пять училищ осуществлялся набор в среднем из 8–9 субъектов.

4. Различные мотивы поступления в СВУ МВД России и ожидания результатов образовательной деятельности у кандидатов на обучение и их законных представителей. Подростки приходят в училища с целью саморазвития и самосовершенствования в основном в физическом плане, в достижении определенного статуса, выделяющего их из сверстников. Родители видят высокий уровень образования, строгую дисциплину, воспитание мужского характера [6; 7] и т. п. Такие позиции не в полной мере совпадают с задачей СВУ МВД России по профессиональному ориентированию и подготовке к службе в органах внутренних дел.

К средовым факторам мы относим:

1) круглосуточное нахождение воспитанников на территории образовательной организации, строгий распорядок дня, ежедневное выполнение одинаковых функций и обязанностей, нормированность жизни и деятельности в училище;

2) уклад СВУ МВД России, основанный на иерархии коллективов воспитанников, сотрудников и работников образовательной организации;

3) высокий уровень сменяющих друг друга умственных и физических нагрузок; подростки учатся самостоятельно следить за собой, за своим внешним видом, за внутренним порядком, нести ответственность за вверенное имущество и т. д.

В совокупности данные факторы противоположно направлены и усложняют первокурсникам обживание новой среды, обретение своего места в нем. Подросткам тяжело переформатировать модель поведения, быть вне семьи, редко видеться с родными и близкими, сменить школьный образ жизни на военный, устанавливать новые социальные связи со сверстниками и взрослыми, научиться выполнять команды и распоряжения, правильно планировать свое время, находить общий язык с ребятами разных национальностей, вероисповеданий, профессионально ориентировать себя в сфере правоохранительной деятельности, о которой они имеют стереотипизированные представления.

Таким образом, воспитанники нуждаются в педагогической помощи со стороны воспитывающих взрослых, которая определяется нами с помощью понятия «педагогическое сопровождение». Феномен описан в исследованиях Е. И. Казаковой, А. П. Тряпицыной, Л. И. Пономаревой, Г. В. Самусевой, Т. Н. Сапожниковой, Т. В. Солодовниковой, Е. В. Стародубцевой, А. Р. Уразовой, Н. О. Яковлевой и др. При этом сам термин употребляется и как синоним педагогической поддержке, и как описывающий самостоятельный феномен. Мы присоединяемся ко второй позиции, обоснованной Н. О. Яковлевой, которая описала специфику педагогического сопровождения [8]. Оно относительно непрерывно, нацелено на разрешение проблем определенного процесса, реализующегося в непосредственном взаимодействии взрослого и взрослеющего при учете результатов диагностики хода этого процесса. В данном контексте педагогическая поддержка рассматривается как подпроцесс педагогического сопровождения. Мы будем понимать под педагогическим сопровождением социализации воспитанников СВУ МВД России на первоначальном этапе обучения систему условий, обеспечивающую на основе отечественной культурно-исторической традиции баланс между адаптацией и обособлением, то есть способствующую пониманию воспитанником своего обучения в училище как осво-

ение смыслового пространства профессии служения.

В СВУ МВД России мы имеем дело с социально-адаптирующей моделью воспитания в ее функционально-ролевой вариации [9]. Такую модель используют образовательные организации, нацеленные на воспитание человека как носителя определенных значимых в обществе ролевых обязанностей. Ее потенциал (при условии принятия личностью условий учреждения) – воздействие на воспитанника особой атмосферой, обусловленной, как правило, многовековыми традициями. Но при формализации традиций, слепом следовании «букве», при забвении их «духа» имеется риск системного давления на взрослеющего. «Мера свободы человека внутри функционально-ролевой модели зависит от степени «гуманистичности» и гибкости исходных целевых педагогических установок» [9, с. 11]. Мы тогда воспитаем человека служения, когда эта позиция будет принята им на основе осмысленного освоения ценностей. Гуманитарно-антропологическое методологическое основание педагогического сопровождения позволяет нивелировать указанные риски и использовать потенциал отечественной культурной традиции.

Гуманитарно-антропологическая методология в педагогике основывается на положениях философии традиции (Г.-Г. Гадамер, Е. Шацкий, К. Лоренц, М.В. Захарченко, Е. Шестун). Под традицией понимается способ жизнедеятельности определенного народа, который позволил ему длить свое существование в веках. Из поколения в поколение передаются смысложизненные ценности, реализация которых позволяет каждому представителю данной культуры и самоосуществиться, и внести свой вклад в общее большое дело, быть полезным другим, что и является оптимальным балансом адаптации и обособления в социализации. Трансфер ценностей осуществляется в личной встрече, во взаимодействии в событийном сообществе. Главными ценностями нашего народа являются доминанты на другого, на дарение, на заботу, что является

основой обретения призвания для служения общему делу как главному смыслу человеческой жизни.

Авторы гуманитарно-антропологического подхода В. И. Слободчиков и И. Е. Исаев объясняют его название так: гуманитарность указывает на культуру и социальность как источник развития человеческого потенциала; антропология необходима для удержания над-обыденных, бытийных констант этого развития. Задачей образования признается создание условий для освоения субъектной позиции в познании себя и мира, что дает возможность достижения полноты человеческого качества, человеческого потенциала, основывающегося на идеалах отечественной культуры и закрепленного в ее образцах [10]. Норма социальных отношений в ней – забота и доверие. Они и формируются в иерархических отношениях наставничества в воспитательном пространстве совместного проживания опыта [11]. Стилистика взаимоотношений взрослых и взрослеющих проявляется в традициях, удерживающихся как в повседневности, так и в воспитательных событиях. При этом важно, как понимаются воспитывающими взрослыми феномены «человек» и «субординация», то есть какие ценностные основания лежат в основе совместного бытия и быта. Именно это прежде всего прочитывается первокурсниками – старшими подростками на первоначальном этапе обучения и оценивается по принципу «справедливо-несправедливо». Несправедливость вызывает противостояние, рушит все воспитательные усилия организации.

В гуманитарно-антропологической методологии человек признается существом сознательным, ответственно относящимся к принятию решений, существом социальным, развивающимся в реально-практических отношениях и развивающим их, субъектом культуры, то есть способным преобразовывать себя и мир в ориентации на идеалы культуры. Качества, подлежащие воспитанию в этом контексте, – самообладание и самобытность. Все перечисленное является антропологической опорой для

педагогического сопровождения проблемных процессов. По второму аспекту важное разделение вариантов субординации сделано А. А. Остапенко. Первый – «повелевание-подчинение», основанные на отношении отчуждения и страха, второй – «ответственность-послушание», основанные на доверии и авторитете. Для формирования этих отношений необходимы специальные организационные усилия, их важно демонстрировать и выстраивать в совместной разновозрастной деятельности, помогающей подростку занять субъектную позицию в новом для него пространстве. Сущность этой деятельности осмыслена научной школой Л. И. Новиковой в понятии «воспитательное пространство» [12] (Н. Л. Селиванова, Д. В. Григорьев, П. В. Степанов, М. С. Якушкина). Само пространство определяется как создаваемое деятельностью субъектов по развитию сети воспитательных событий, в проживании воспитательных событий в соответствии с актуальными возрастными задачами. Преобразовывая данную изначально чуждую окружающую среду своей творческой деятельностью, субъект обживает ее, запуская преобразования и в себе. Так происходит и социальное, и личностное развитие.

Одним из способов подобного взаимодействия является древнейшая практика неформального образования – наставничество, эффективно сочетающая в себе решение как воспитательных, так и обучающих задач. Неформальное образование сегодня понимается как организованный вне лицензированных образовательных программ, максимально ориентированный на запросы и проблемы обучающихся, адаптированный к условиям их жизнедеятельности образовательный процесс, укорененный в традиционном, общинном образовании. Гуманитарно-антропологические основания наставничества раскрыты в работах В. И. Слободчикова, М. В. Захарченко, А. А. Остапенко, И. В. Шустовой, М. Р. Илакавичус. Человек занимает позицию субъекта в лоне родной ему культуры, включаясь в личную встречу с ее носителями. Взрос-

ление происходит в двух общностях: вертикальной детско-взрослой иерархической со-бытийной общности (В. И. Слободчиков) и горизонтальной сверстнической со-дружеской общности равных (А. А. Остапенко). Потенциальный наставник как носитель, субъект профессиональной культуры имеет успешный опыт в той сфере жизни, в которой наставляемый испытывает дефицит, он готов прийти на помощь другому, раскрыв свои стратегии, приемы решения значимых для наставляемого проблем. Сочетание со-бытийной вертикали и со-дружеской горизонтали определяют синергетический эффект педагогического сопровождения, которое и активизирует духовное восхождение и становление в отечественной культурной традиции служения, и создает условия в виде образца фактически сверстника для душевно-телесного развития старшего подростка. Развитие получает и сам наставник, потому что перед ним открывается поле заботы о другом, а без этого опыта нет перспективы культуросообразного самоосуществления, невозможно формирование чувства благодарности по отношению к тем, кто для него был наставником. Диалоги и совместная деятельность по созиданию наставническим тандемом воспитательных событий, реализующих ценности традиции, позволяют самоопределиваться в их отношении, то есть планировать и реализовывать жизнестроевание, включая профессиональный выбор, в их ориентации. Принятие ценностей культуры, транслируемых наставником, возможно при полноценном человекообразном взаимодействии, которое в разновозрастном сообществе основывается на принятии авторитета наставника, установлении личного контакта, отсутствии жесткой регламентации взаимодействия, принятии индивидуального темпа наставнического взаимодействия [13].

В данном контексте педагогическое сопровождение социализации воспитанников на первом этапе обучения в СВУ МВД России предстает как создание условий для воспроизводства культуросообразного процесса взросления, нацеленного на обретение про-

фессионального призвания. Его цель – создание условий, при которых воспитанник будет входить (то есть принимать нормы) в регламентированный мир училища на основании осмысления, проживания ценностей отечественной культурной традиции в области профессий служения (то есть позитивно самоопределяться по отношению к этим ценностям).

Научно-педагогический поиск оптимальной модели педагогического сопровождения социализации в первые полгода обучения в СВУ МВД России не прерывается: теоретики и практики оценивают используемые организационные формы на предмет их эффективности в современных условиях. С одной стороны, специфика подготовки будущих защитников закреплена в многовековой традиции военного воспитания. С другой

стороны, за эти века риск формализации, состоящей в забвении ценностей, лежащих в основе профессии, лишь нарастал и обусловил ясный заказ общества на гуманизацию. Пройти между Сциллой и Харибдой авторитарной и гуманной педагогики невероятно сложно, как сложно осмыслить рассогласованность общественного заказа на подготовку защитников и неоднозначное отношение части обывателей к «служивым людям». Гуманитарно-антропологический подход как основа педагогического сопровождения социализации воспитанников суворовских военных училищ МВД России на начальном этапе обучения позволяет удерживать высокие смыслы аксиосферы культуры, позволившие нашим предкам передать нам Отечество в силе и славе для заботы о народе и служения ему.

ЛИТЕРАТУРА

1. Об утверждении Порядка организации и осуществления образовательной деятельности в федеральных государственных образовательных организациях со специальным наименованием «суворовское военное училище», находящихся в ведении Министерства внутренних дел Российской Федерации, и приема в указанные образовательные организации: приказ МВД России от 15 июня 2015 г. № 682 // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_182896 (дата обращения: 26.01.2022).
2. Об образовании в Российской Федерации: федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 15.01.2022).
3. Слободчиков В. И., Исаев Е. И. Психология развития человека: Развитие субъективной реальности в онтогенезе: учебное пособие. М.: Изд-во ПСТГУ, 2013. 400 с.
4. Сапа А. В. Поколение Z – поколение эпохи ФГОС // Инновационные проекты и программы в образовании. 2014. № 2. С. 24–30.
5. План комплектования образовательных организаций системы МВД России по общеобразовательным программам; образовательным программам среднего профессионального образования – программам подготовки специалистов среднего звена; образовательным программам высшего образования – программам бакалавриата, программам специалитета, программам магистратуры, программам подготовки научно-педагогических кадров в адъюнктуре: утвержден Министром внутренних дел Российской Федерации генералом полиции Российской Федерации В. А. Колокольцевым 21 декабря 2020 г. № 1/14592 // СПС «КонсультантПлюс».
6. Кулинченко А. В. Социально-психологический анализ причин поступления юношей в суворовские военные училища МВД России: история и современность // Правопорядок: история, теория, практика. 2020. № 3 (26). С. 93–97.
7. Поляков А. Ф. Развитие системы ранней профессиональной ориентации в органы внутренних дел: историко-педагогический анализ // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2018. № 3 (79). С. 193–198.
8. Яковлева Н. О. Сопровождение как педагогическая деятельность // Вестник Южно-Уральского государственного университета. 2012. № 4 (263). С. 46–49.
9. Воспитательная деятельность педагога / под общ. ред. В. А. Сластенина и И. А. Колесниковой. М.: Академия, 2005. 336 с.

10. Слободчиков В. И. Психология становления и развития человека в образовании (доклад) // Вестник СПбГУ. Серия 16: Психология. Педагогика. 2016. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/psihologiya-stanovleniya-i-razvitiya-cheloveka-v-obrazovanii-doklad> (дата обращения: 17.01.2022).

11. Остапенко А. А. Очевидная педагогика. Модульная наглядность в преподавании вузовского курса. М.: Народное образование, 2013. 128 с.

12. Новикова Л. И., Соколовский М. В. «Воспитательное пространство» как открытая система // Общественные науки и современность. 1998. № 1. С. 132–143.

13. Илакавичус М. Р. Взрослый в разновозрастном сообществе неформального образования: постановка научной проблемы: монография. СПб.: ЛЕМА, 2013. 96 с.

© Илакавичус М. Р.

© Иванов Е. Ю.

ПАМЯТКА
АВТОРАМ ПУБЛИКАЦИЙ В ЖУРНАЛЕ
«ВЕСТНИК УФИМСКОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА МВД РОССИИ»

Редколлегия принимает для рассмотрения и публикации научные статьи, по своему содержанию отражающие современные проблемы права и государства, их исторический аспект, актуальные вопросы юриспруденции, правоохранительной деятельности, развития и совершенствования высшего юридического образования, методики обучения и воспитания в образовательных организациях системы МВД России, о связи юридической науки и практики, а также обзоры и комментарии законодательства, очерки и материалы по следующим научным специальностям и соответствующим отраслям науки:

- 5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки (Юридические науки)
- 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки (Юридические науки)
- 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки (Юридические науки)
- 5.1.4. Уголовно-правовые науки (Юридические науки)
- 5.8.1. Общая педагогика, история педагогики и образования (Педагогические науки)
- 5.8.7. Методология и технология профессионального образования (Педагогические науки)
- 5.9.5. Русский язык. Языки народов России (Филологические науки)
- 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (романо-германские языки) (Филологические науки)

Заявки и рукописи представляются в Уфимский ЮИ МВД России с приложением электронного варианта на электронном носителе, либо по электронной почте: vestnik_cyi@mvd.ru.

Структура статьи

Название на русском и английском языках (печатается прописными буквами с соблюдением симметрии, размер шрифта – 14).

Сведения об авторе на русском и английском языках (над заглавием справа должны быть указаны инициалы, фамилия автора (авторов) – печатаются прописными буквами, размер шрифта – 14; занимаемая должность, полное название места работы, ученая степень и ученое звание – строчными буквами, размер шрифта – 12, курсивом; номер телефона (служебный или домашний), факс, адрес электронной почты (не для печати).

Аннотация (100–150 слов) и ключевые слова (6–10 слов или словосочетаний, количество слов внутри ключевой фразы – не более 3) на русском и английском языках – печатаются курсивом, размер шрифта – 12.

Рукопись статьи должна представлять собой распечатку текста на одной стороне листа формата А 4 (210 x 297 мм) в текстовом редакторе Microsoft Word с использованием шрифта Times New Roman, размер шрифта – 14, межстрочный интервал – одинарный. Страницы рукописи должны иметь строго выдержанные поля: по 2,5 см каждое. По объему текст не должен превышать 27 000 знаков с пробелами машинописного текста через одинарный интервал. С учетом данных об авторе, используемого библиографического списка ссылок на использованные источники, аннотации и ключевых слов объем текста должен быть в пределах от 7 до 10 страниц, т. е. от 17 000 знаков на 7 страницах до 27 000 знаков на 10 страницах с учетом пробелов, библиографических ссылок, включая таблицы, графики, рисунки, фотографии, другие нетекстовые элементы, которые группируются отдельными файлами в формате TIFF, JPEG, разрешение – не менее 300 dpi.

Оригинальность статьи должна составлять не менее 60 %.

Пристатейный затекстовый библиографический список ссылок, оформленный в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008 «Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления», размещается конце текста, размер шрифта – 12, Times New Roman. В тексте указание на источник оформляется в квадратных скобках, где приводится номер источника из библиографического списка, после запятой – цитируемая страница. Нумерация последовательная.

Индекс Универсальной десятичной классификации (УДК), который располагается слева перед сведениями об авторе (авторах) отдельной строкой.

При использовании в тексте различных аббревиатур необходимо приводить их расшифровку, а в скобках – аббревиатуру с последующим использованием ее без расшифровки. Например, уголовно-исполнительная система (далее – УИС).

Статья должна быть подписана автором (авторами) на последней странице второго экземпляра следующим образом: «Статья вычитана, цитаты и фактические данные сверены с первоисточниками. Сведений, составляющих государственную и служебную тайну, не имеется».

Публикуемые статьи выражают мнение авторов, которое может не совпадать с точкой зрения редакции журнала. Авторы несут ответственность за недостоверные сведения, содержащиеся в их материалах.

К рассмотрению не принимаются рукописи, опубликованные в других изданиях.

Соискатели, адъюнкты, аспиранты предоставляют отзыв научного руководителя.

Предоставляя статью для публикации, автор выражает согласие на ее сокращение и редактирование, размещение в справочно-правовых системах, базах данных, на электронных ресурсах (в том числе в сети Интернет).

К направляемым в редакцию научным статьям обязательно прилагается заполненная и подписанная заявка по следующей форме:

<p>Заявка на опубликование научной статьи в научно-практическом журнале «Вестник Уфимского юридического института МВД России»</p> <p>Прошу Вас рассмотреть вопрос об опубликовании подготовленной мной статьи _____ _____ (название статьи) в рубрике _____</p> <p>Передаю на неограниченный срок учредителю журнала неисключительные права на использование научной статьи путем ее воспроизведения и размещения на официальном сайте института в сети Интернет.</p> <p>Подтверждаю, что в направляемой научной статье не нарушаются авторские и смежные права, направляемый материал ранее опубликован не был, не направлялся и не будет направляться для опубликования в другие научные издания без уведомления об этом редакции журнала. При подготовке материалов к публикации не использовались литературные источники и документы, имеющие гриф ДСП, «секретно», а также служебные материалы других организаций.</p> <p>Согласен на обработку своих персональных данных в соответствии со ст. 6 Федерального закона «О персональных данных» от 27.07.2006 № 152-ФЗ.</p> <p>Ознакомлен и согласен с требованиями и условиями публикации в журнале, утвержденными редакцией.</p> <p style="text-align: center;">О себе сообщаю следующую информацию:</p> <p>ФИО (полностью): _____ Должность: _____ Место работы: _____ Ученая степень: _____ Ученое звание: _____ Адрес: _____ Телефон для связи: _____ E-mail: _____</p> <p>Электронный вариант статьи на ____ страницах прилагается. Дата, подпись, расшифровка подписи.</p>
--

**РЕДКОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА «ВЕСТНИК
УФИМСКОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА МВД РОССИИ»**